

ОТ
Е КАК
И ВЫЛЕПИТЬ
НАВИКР

Занятия искусством не призваны сделать всех художниками. Их задача — пробудить фантазию, усилить способности к наблюдению и оценке действительности.

«Одно превращается в другое. Предметы становятся волшебными. В этой игре ребенку открывается, что ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВСЕМ, и что ни задумаешь, можно сделать».

Во втором томе трилогии «Как вылепить отфыркивание» Елена Макарова подсказывает, как вдохновить и направить ребенка, а также вовремя отойти в сторону, давая малышу возможность найти свой уникальный способ творить.

www.samokatbook.ru

ISBN 978-5-91759-071-4

9 785917 590714 >

В начале было детство

Елена Макарова

Елена Макарова

В начале
было детство

самокат для родителей

самокат для родителей

Елена Макарова

Как вылепить
отфыркивание

том 2

В начале было детство

Москва
Самокат

УДК 373.2/.5.016:730
ББК 74.100.5+74.268.5
М15

Серия «Самокат для родителей»
Трилогия «Как вылепить отфыркивание»
Оформление трилогии Дениса Драгилёва

Елена Макарова, известный писатель, педагог, историк. Ее книги помогают родителям и педагогам увидеть в детских творениях не произведения искусства, а процесс познания мира. Именно через творчество ребенок обретает себя в мире и мир в себе.

«В начале было детство» — второй том трилогии «Как вылепить отфыркивание» — об уникальности пути каждого ребенка к творчеству и о том, что задача родителя — уметь вдохновить, направить и... вовремя отойти в сторону.

Макарова, Елена

М Как вылепить отфыркивание. В 3 т. Т. 2. В начале было детство / Елена Макарова ; [предисл. Л. А. Венгера]. — М. : Самокат, 2011. — 208 с. : ил. — (Самокат для родителей).

ISBN 978-5-91759-071-4

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с письменного согласия издательства.

© Е. Макарова, текст. 2011

© Д. Драгилёв, оформление. 2011

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2011

© ООО «Издательский дом «Самокат», 2011

© Защита прав и интересов ИД «Самокат»:

ООО «Юридическое агентство "Копирайт"»

www.juragent.ru

ISBN 978-5-91759-071-4

Содержание

Предисловие.....	7
Прыжок антилопы.....	12
Провести через разное.....	16
Смотри, не спеши.....	17
Из пустого в порожнее.....	19
Подстольный мир.....	21
Всему свое время.....	25
Панегирик Борису Никитичу.....	29
Надземелье.....	30
Тая.....	32
Ничья.....	33
Какая разница между дождем и снегом?.....	34
Права детей.....	40
Раки-забияки.....	41
Перегорела лампочка.....	43
Искусствотерапия.....	48
Авдий и Гордей.....	50
Прыгалка.....	51
Станционныйсмотритель.....	55
Увидел – отрази!.....	59
Откопали богиню.....	61
Деталь.....	62
Человек в шатке.....	64
Тетя Мотя.....	65
Ключ в кармане.....	67
Рюкзак с дорогами.....	68
Эклектика.....	72
Девочка убегает от медведей.....	75
В бусах при свечах.....	80
Притча о лягушке.....	82
Бродит дрема возле дома.....	86
Кустарь-одиночка.....	88
Пропало вдохновение.....	88
Мы с Марой.....	91
Ежевика в Набрани.....	93
«Евгений Онегин» и заяц в профиль.....	94

Деревья на ветру	97
Глаз – ватерпас!	99
Мне нравится возиться с такими маленькими	104
Рассыпьте бисер!	108
Маленький Лорд.....	112
Истукан в юбке	116
Дочки-матери	118
Птичие рыбак папугаи они гаваряце	122
Нюра слепила кузнечика	124
Что оканчивается на «ок»?	126
Учительница, посмотри на свои глаза!	127
Детская грамматика	128
Угол зрения.....	131
Типообраз.....	132
Счастливый билет	134
Рассуждансы	136
Подать сюда результаты деятельности!	137
Чик-чирик	139
Пластилиновая учительница.....	141
У Кеши феноменальная память	145
Дух братства	146
Ютина красота.....	147
Светлячок на ладони мира.....	152
День и ночь	154
Кино	155
Мы сочиняем книги	156
Волшебные зеркала	160
Отважная Варя	161
Рыба с карманами.....	162
Машина вместе с дорогой	164
Танцующий дом	165
Скажите поэяиста, извините поэяиста!	167
Моя семья	168
Непроявленная пленка	172
Не мешай завивать фантазии!	176
Гномье царство.....	177
Даю уроки лепки и рисования	179
 Заметки В. П. Эфроимсона по ходу чтения рукописи «В начале было детство», 1985 г.	 184
Послесловие	202

ЕЛЕНА
ПРИГОРЬЕВНА

Предисловие

Владимир Павлович Эфроимсон прочел рукопись этой книги в 1985 году и написал на нее многостраничную рецензию.

«Я исписываю страницу за страницей, — писал он мне, — и молю Бога, чтобы Вы ничего не вставляли в свою книгу. Она не последняя, пусть все, что годится, войдет в следующую книгу».

Прочтя тот, двадцатилетней давности экземпляр, я решила написать на его материале «следующую» книгу. В нее я перенесла «все, что годится», включая и комментарии Владимира Павловича.

Эфроимсон пережил тюрьмы, лагеря и войну. И при этом он утверждал, что человек — существо изначально нравственное, способность мыслить и способность различать добро и зло записана в его генофонде.

Мне неслыханно повезло с учителем. И поскольку тема «учитель — ученик» — сквозная в книге, то позволю себе рассказать об истории моего знакомства с Эфроимсоном. В 1983 году мы впервые сняли дачу в Каугури (она описана в «Лете на крыше»), потом мы приезжали туда каждое лето. У хозяев часто собирались друзья, с которыми

они, осужденные в свое время по 58-й статье, провели в лагерях много лет. Хозяева относились ко мне доверительно и иногда приглашали «выпить за компанию». Как-то один из гостей поднял тост за старого профессора, генетика. «Это был самый потрясающий человек, которого мне довелось встретить в жизни. В лагере. Будь он жив, я упал бы пред ним на колени».

— Может, это Эфроимсон, автор статьи «Родословная альтруизма»?

— Да, да! Так его и звали! Неужто он жив? Он и тогда выглядел стариком.

Вернувшись в Москву, я навела справки. Эфроимсон жив. Ему даже можно позвонить. Я позвонила.

«Погодите, — отозвался мужской голос и пропал в трубке. Через минуту голос явился снова. — Я запасся валерьянкой, можете говорить все что угодно». Я рассказала ему о встрече в Латвии. Эфроимсон вскипел: «За такие слова вашего знакомого следует спустить с лестницы!» И, помолчав, добавил: «Вот что, любезнейшая, приезжайте ко мне прямо сейчас, есть запас чистого белья. Где вы находитесь, откуда звоните?» Видимо, он принял меня за приезжую из Прибалтики, которой негде ночевать.

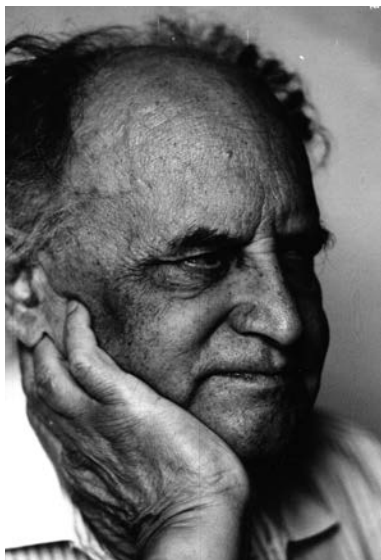
Эфроимсон встречал меня у метро «Юго-Западная». В сером пальто, высокий, в шляпе — в темноте он был похож на упитанного кондора.

В ту пору его книги о генетике и педагогике, генетике и этике, о биосоциальных факторах повышенной умственной активности — еще не были опубликованы. Пожелтевшие страницы рукописей стопками и россыпью покрывали пол большой комнаты. Со стен свисали ошметки обоев.

Эфроимсон усадил меня в кухне, среди банок, кастрюль, бутылок из-под минеральной воды, кружек и газет, выудил очки из тарелки, полной таблеток, пузырьков и прочей медицины, и, водрузив их на орлиный нос, внимательно на меня посмотрел.

«Будем есть винегрет и пить чай! — указал он на миску с вареными овощами. — Хватайте бутылъ с рафинированным маслом, не будем разбазаривать драгоценное время!»

В тот вечер Владимир Павлович засыпал меня вопросами. Кто я, откуда, что делаю, сколько у меня детей, чем занимается муж, что я читаю, что пишу, где работаю, даже снятся ли мне сны и если да, то какие.

Мягкая улыбка Эфроимсона, частые кивки, выражающие согласие и поддержку, свет, исходящий от всей его личности, — привели меня в состояние некоего транса. За «транс» меня бы Владимир Павлович отругал, но других слов не подобрать. Об одном я сокрушалась — столько лет упущено! Почему я не позвонила ему, как только прочла его статью? Владимир Павлович «утешил»:

«Это Вы-то говорите — упущено! Меня вот просто обокрали! Лишили отпущенного мне времени, а науку — открытия, которое мне предстояло совершить!

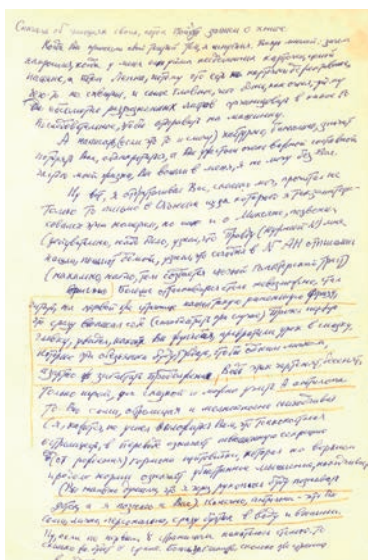
Вместо этого я играл с урками в шахматы и валил деревья! Мне отбили — били и отбили — я не фигуральничаю — память, и теперь я вынужден по сто раз на дню бегать в картотеку! Память убита в подвале Лубянки, в доме, где я, между прочим, родился и вырос!»

В летние месяцы — время нашей разлуки — он присылал мне толстенные письма. Разрозненные заметки были соединены скрепками. Там было все: о причинах возникновения СПИДа, о том, как умело использовал Гитлер «Сагу о Нибелунгах», о Лысенко и его мафии, гигантофобии, синдроме Морриса, ранней оптимизации развития, Гитлере и Сталине, председателе Мао, об убийстве Мирбаха, после которого были сметены с лица земли эсеры.

К письмам прилагались «Рассуждансы» — обрывки мыслей, пришедших «по ходу», которые он записывал на бумажках в четверть тетрадного листа.

«Леночка Григорьевна, никак, ну никак не могу удержаться от того, чтобы не послать Вам парочку документов эпохи, хоть они никакого отношения к делу не имеют. Наиархипреданнейший Эфроимсон».

Его «Рассуждансы» достойны отдельного издания, но все же никак, ну никак не могу удержаться от того, чтобы не привести

«Рассужданы» на тему «Экономь думать!»

«Я абсолютно убежден в том, что 98–99 % потенциальных талантов губят ясли, детские сады, школы с 40-а учениками в классе, и что это вредительство намеренное и целенаправленное. Помните, у Шекспира Юлий Цезарь говорит: “Вот у Кассия мрачный взгляд. Он слишком много думает. Такие люди опасны”. Понятно?

Покойный Крушинский (о нем при встрече — завяжите узелок) экспериментировал на животных. Его основной вывод — думать трудно. И если крысе, во-

роне, курице поставить задачу трудную, требующую перестройки стереотипа, у нее (крысы) начинаются судороги, полная растерянность, бессмысленные метания.

Считается, что человек с кроманьолы сильно поумнел. Вздор! У него просто обогатился набор стереотипов. А человеку каменного века приходилось держать в голове в полной готовности множество знаний и умений. Мы же выбираем для себя протоптанную дорожку и такую же, протоптанную, для своих детей. По принципу “Экономь думать!”»

Лежа в больнице с подозрением на очередной инфаркт, Владимир Павлович требовал с меня рукопись книги «В начале было детство». Несколько недель от него не было слышно ни слова, наконец он позвонил: «Вот что, остролицая вы моя, вальерьянка у вас в доме водится? Хорошо. Прихватите пару пузырьков и приезжайте».

Я приехала в Институт сердца на Рублевском шоссе. Владимира Павловича в палате не было. На кровати лежала записка: «Не совать нос в тумбочку. В.П.». Вскоре он пришел, в темно-синей вельветовой пижаме с золотыми блестками. Оказывается, ходил в буфет за шоколадом. Он достал увесистую папку из тумбочки. За две недели Владимир Павлович написал 100 страниц. Разбор

рукописи перемежался с историями из его жизни, они всплывали в его памяти «по ходу чтения».

«...Сначала об эмоциях своих, потом пойдут записи о книге. Когда Вы принесли свой толстый том, я испугался. Вихрь мыслей: зачем напросился, когда у меня еще уйма несделанных карточек, целый пасьянс...

А написать (если это и смогу) халтурно, банально — значит, потерять вас, обанкротиться, а Вы уже стали очень важной составной частью моей жизни...»

Воспоминания Владимира Павловича, возникшие «по ходу» и явно к нашей теме не относящиеся, я отложила в сторону. То, что касается педагогики и смежных с ней дисциплин, отнесено в примечания. Но что делать с комплиментами? Подходят ли они под рубрику «все, что годится»? После долгих колебаний я решила оставить все, как есть.

Прыжок антилопы

Первый урок — дело ответственное. Как начнешь, так и пойдет. Начать нужно правильно: неверная нота, интонация — и... На мое приветствие дети сдержанно промолчали.

— Заказывайте, что вам слепить. — Бодряцкий тон, заигрываю, но куда деваться, разве что сбежать сразу.

А они смотрят во все глаза: не та... Прежде у них был другой педагог.

— Антилопу, — раздался голос.

— Антилопу? Именно антилопу? — переспрашиваю в надежде, что дети пощадят, закажут что-нибудь попроще.

— Антилопу, — подтверждают хором.

Как же она выглядит? Быстро бегают — длинноногая, кажется, с рогами, стройная («стройная, как антилопа»), животное типа «коза».

Повернувшись спиной к детям, спешно леплю антилопу. Пальцы вылепливают рога, выглаживают поджарый живот. Да, а хвост, какой у нее хвост? Глаза ясно какие — грустные, раскосые, большие. Вот, оказывается, как выглядит антилопа. Скачи, антилопа!

— Настоящая! — дети изумлены.

И я изумлена не меньше: никогда не лепила антилопу, а вот приперли к стенке, и вышло.

— А где ее дети, антилопыши? — узнаю голос крохи с чубчиком.

— Антилопики, антилопята, антилопяточки, пяточки, следы...

Дети повскакали с мест, пытаются перекричать друг друга. Сопливый малыш раскраснелся, сжал ручонки в кулаки, барабанит по стене.

— Мальчик, вытри нос!

— Я не мальчик, а девочка Полина. Мне четыре года, но платка у меня нету, к сожалению.

С носом мы управились. Но как лепить детенышей? Они же такие маленькие!

— А вы знаете, если сделать одноглазого циклопа, сколько надо пластилина? — спрашивает басовитая девочка по имени Уля Бернандир.

— Сколько?

— Больше пятиэтажного дома. А люди будут как горох.

— Тогда сколько пойдет на антилопыша? — спрашиваю.

— Два гороха, — отвечает не задумываясь.

— Тогда возьми два гороха (подаю ей пластилиновые катышки) и покажи.

— Нет, я не умею. Мы с учительницей антилопу не проходили.

— Я тоже не проходила. Но если не бояться, все получится.

— Хоть с закрытыми глазами? — спрашивает Полина. — Вот и закройте свои глаза, — велит она мне.

Остается повиноваться. Хотя я не говорила, что могу лепить с закрытыми глазами.

— И слепите море, — озадачивает меня Полина.

— Море легче нарисовать.

— Вы море нарисуйте, а волны слепите. Их надо в одну и другую сторону. Смотрите как.

Не успела глаза открыть, а в руках у Полины пластилиновая синусоида.

— Туда-сюда, — приговаривает, лепит волны, ставит их на досочку, одну за другой, — теперь пароход. Сделаем блюдце, в него спичку, на спичку — бумажку...

Никакого порядка в моем уроке нет. Собиралась лепить с ними простейшие геометрические формы по программе предшествующего

педагога (вот, оказывается, что я собиралась делать!), а тут уже и волны, и пароход.

«Что если сделать волшебное царство антилопы, эта антилопа на самом деле заколдованная царевна. «На корабле подплывает к берегу царевич...» — бормочу как бы для себя, проговариваю сюжет, но Полина меня слышит и продолжает:

— ...У царевича есть расколдовка. Он ее к спине царевны приложит, как пластырь, и она превратится... Вот вам пластырь.

Полина протягивает мне лепешку.

Куда ее прилепить? Разве что себе на спину. Расколдуюсь и перестану быть учительницей, стану просто человеком и тогда буду играть с детьми вовсю. Нет, какой из меня педагог, за такое дело нельзя было браться! Но дети не дают мне продыху. И правильно, нечего рефлексировать. Мне же хорошо здесь, так хорошо, как бывало только в детстве. Вряд ли одним уроком я так уж им наврежу.

— А вот вам корона, — спешит ко мне мальчик, ростом еще меньше Полины.

— Это лепешка, пластырь, а корона должна быть с зубчиками, — говорю и вижу в коробке из-под пластилина прекрасную стеку с зубцами. — Если провести ею по лепешке...

Мальчик с ходу подхватывает мою идею. Бежит на свое место, находит такую же стеку, и все дети в полном упоении производят короны. Десять корон, а царевна одна. Или пока ни одной. До конца урока — десять минут. За это время дети не успеют слепить царевну. Значит, это должна сделать я. Ведь стоит прикоснуться расколдовкой к антилопе, и она тотчас на наших глазах превращается в царевну. Таков уговор.

— От волшебства все получается, — шепчет мальчик, приставляя корону ко лбу.

Это он уже царевич, гордый и неприступный.

Царевна готова. Прячу ее в рукав. Благо, он широкий. Хватит места и для антилопы. Ведь их надо быстро поменять местами.

Выстраивается очередь с расколдовками и коронами. Момент ответственный. Пожалуй, пока надо задействовать расколдовки, а с коронами — другая игра. На одну голову десять не надеть. Пусть гонцы по всему свету ищут царевну. У каждого гонца в руках — по короне. Всем в мире перемеряли, никому не подходит. И пересекли они бурное море...

— Когда будем превращать? — грозно спрашивает Уля.

У нее корона огромная, а царевна щупленькая, слеплена наскоро.

Операция расколдовки прошла удачно. Теперь антилопа у меня в рукаве, а царевна восседает на троне: Полина его успела вылепить.

— А корону мерить?

Я выкладываю детям непростую историю с примеркой короны. Им все ясно, кроме одного — где гонцы?

— Они в пластилине. Их замуровали туда враги. Сказали, не привезете царевну — не освободим вас из пластилиновой тюрьмы. Слышите, как гонцы плачут: «Освободите нас, дети, освободите!»?

— Я не умею освобождать, — смущается Уля.

Я дала маху. Придется освобождать гонцов. Но кто сказал, что гонцы должны быть похожими на людей? Сделаю просто: отщипну с обеих сторон брикета руки-ноги, а голову вытяну сверху.

— Человек безглазый, — замечают дети.

— И безротый.

— И безмозгий.

— Мозги как ты слепишь? Их не видно. Лучше без мозгов.

— Без мозгов они не найдут. Я так лепить не буду. Лучше сама пойду со своей короной и найду, — Уля решительно направляется со своей короной к царевне.

Общество протестует: это игра против правил. Я не останавливаю Улю. Все равно ее корона царевне не подойдет. Разве что в качестве юбки. Вот пусть девочка сама в этом и убедится.

Расчет оказался верным. Уля пошла «уменьшать» корону. Гонцы готовы, стоят с коронами наперевес.

— Гонцы, скачите к антилопе во весь дух! — командую я.

— На чем? — Полина смотрит на меня круглыми глазами.

Ненавижу время, готова сразиться с ним врукопашную. Почему именно сейчас должна прийти вторая группа?! Потому что существует расписание. А тогда вот что:

— Гонцы, слезайте с коней, видите — река, идите вброд. Коней оставьте на берегу.

— А кони не замурованы? Их спасти не надо?

— Нет, они на свободе, — показываю за окно, — пасутся.

Дети приникают носами к стеклу, ищут коней. И в сумерках всем мерещатся кони, и берег реки, и трава, хотя стоит зима, и ничего этого нет и в помине.

Я почти уложились в урочное время. Все короны подошли. Мы водрузили их одну на другую и венчали царевну на царство разноцветной башней.

— Царевича нету, — опять заметила Полина.

— Он ждет в царстве, он заболел уже от ожидания, — пришла мне на помощь Уля.

Такая версия устроила всех.

— А мы всегда будем играть? — спросил самый маленький, с чубчиком.

— Всегда, — ответила я не раздумывая. Так оно и вышло.

Провести через разное

На моей ладони — желудь, ультрамариновый кусочек смальты, заколка для волос. Ну и что? А вот что. Если считать желудь головой, заколку — телом, кусочек смальты — шапкой, то выйдет человечек. Если считать заколку телом, кузнечика, смальту — камнем, желудь — пнем...

С тремя предметами, случайно попавшими в поле зрения, можно играть до бесконечности. Они — разнофактурные, разной формы,

разной породы. Сочетая их в композиции, мы увидим: желудь может быть туловищем, ножкой гриба, помпоном на шапке. Кусочек смальты — горой, крышей дома, фруктовым желе. В зависимости от этого предметы будут в композиции главными, определяющими или вспомогательными.

Одно превращается в другое. Теоря функциональность, предметы становятся волшебными. Крышка от кефирной бутылки с бусиной на ней — блюдечко с яблочком, покрутишь яблочко — и узнаешь, что делается на другом конце света.

В этой игре ребенку открывается, что ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВСЕМ и что ни задумаешь — можно сделать. Вылепить, нарисовать, скомбинировать из предметов, склеить, выгнуть из проволоки и т.д. Способность ребенка одушевлять своей фантазией неодушевленный мир как бы сама диктует педагогу метод обучения. Его можно назвать «проведением через разное».

«Провести через разное» — значит углубить и разнообразить представление ребенка о путях, ведущих к достижению цели.

Смотри, не спеши

Младенчество беспамятно. Именно в нем испытали мы полноту нерасщепленных чувств. Память об этой поре «вшита» в нас как первый чувственный опыт. Первое погружение в мир, первая, самая первая любовь. Хорошо тем, кого любили.

Мои первые воспоминания — лицо мамы, ощущение себя свитком в ее руках и какое-то пение.

Уже отчетливее помнится: большущие травинки, усыпанные маковыми точечками. Под лестницей бабушки-дедушкиного дома. Я сидела на нижней ступеньке и собирала урожай с травинок. Ссыпала «мак» в кукольную кастрюльку, это было долго, очень долго, потому что нужно было «зачернить» маком все дно и только затем варить «кашу», помешивая пальцем вместо ложки.

Каша тоже почему-то варилась очень долго. Потом остужалась. Кукол я кормила с песнями. Про зайцев и белок, про всякую всячину. Мне хотелось, чтобы кто-то из взаправдашных людей, проходя мимо, услышал, как я пою, и похвалил меня.

Бабушка мое пение не ценила и выходила на веранду лишь затем, чтобы удостовериться, что я на месте. «Сидит и играет, золотой ребенок!»

Еще помню — нанизывание колец из стеблей опавшей турецкой сирени. Это происходило на морском бульваре. За нашей прогулочной группой были закреплены две большие скамейки. Воспитательница Луиза Вольдемаровна выбрала место в удаленной от моря аллее. Чтобы нас не унес ветер с моря и чтобы была тень. Тень от дерева турецкой сирени. Это дерево я числила в единственных и драгоценных. Позже я заметила, что ими обсажена вся аллея, но в раннем детстве взгляд упирался в то, что рядом, уходит вглубь, а не вширь.

Летом деревья выгорали от яркого солнца. От пышных благоухающих соцветий оставались гроздья желтых шариков и стебли-прутики. Ветер носил прутики по бульвару, и мы их собирали. Один конец прутика тонюсенький, а другой утолщенный, похожий на маленькое копытце; завернешь за него тонкий и выйдет кольцо. Потом проденешь в кольцо следующий прутик и снова соединишь концы. Мы плели длиннющие цепи и с упоением возили их за собой по асфальту.

Рисовать сиреневым мелом на асфальте мне не нравилось — мел скреб по пористой поверхности, а на костяшках пальцев горели ссадины. Наверное, поэтому я не провожу таких занятий с детьми. Хотя многим, наверное, это бы понравилось.

Чувственный опыт — сокровище. Он определяет нашу судьбу. Мы въезжаем в мир в детской коляске, катим по бульварам и паркам, не зная, что это такое. Мы еще не назвали ни один предмет и ликуем, когда нас вынимают из теплого укрытия и держат на руках, под огромным небом. И то, что небо — небо, еще только предстоит узнать.

Мы никуда не спешим, не выбиваемся из ритма. Когда он внезапно нарушается, нам становится страшно и мы плачем.

Помню, как старушка-няня часами могла просиживать у окна с нашим годовалым сыном. «Шук, шук, шук», — приговаривала

она, отбивая так ребром ладони. Тем самым она как бы внушала ребенку: «Смотри, не спеши. Все будет, как будет, такая жизнь... Вон машина едет, вон тетя идет, шук-шук-шук...»

Из пустого в порожнее

Едва научившись ходить, дети пекут «куличики». Получается не сразу. Первые опыты — обвалы, песок не держится, все сыплется. На помощь приходят формочки. Набил песка внутрь, опрокинул, пристукнул ладошкой, снял формочку, а под ней — яблоко. Но даже полуторагодовалый ребенок не будет тянуть «яблоко» в рот, он знает, что это игра, что это как будто бы яблоко.

Малыши любят рыть канавы. Старшие возводят замки из песка, а они, зная себе, роют канавы. Им важно дорыться до глубины. «Я до самой Америки дорыла», — сказала трехлетняя дочь.

Пока их занимает процесс. Как кроты, они роют подземные ходы. К законченной работе теряют всякий интерес: и места-то не помнят, где полдня орудовали руками и совками.

Как-то раз я потеряла дочь на пляже. Ее искали всем миром. «Разыскивается девочка Маня в розовых трусах...» — эту весть разносили по рупору со спасательной станции. Маня была обнаружена в огромной яме, которую она вырыла неподалеку от того места, где мы расположились. Я спрашивала Маню, слышала ли она громкий голос по рупору. «Нет. Я яму копала».

Куличики — выпуклости; ямы, канавы — вогнутости. До трех лет дети осваивают выпукло-вогнутое пространство. Это освоение столь же значительно, как и освоение речи. Полость можно заполнить. Чем? Водой. Игра с водой — излюбленное занятие детей. Иногда она наносит серьезный ущерб имуществу. Я, например, лишилась единственного в своей жизни флакона французских духов. То есть лишилась я не флакона, а духов — они были вылиты, а пузырек заполнен водой. Зато куклам повезло!

Впрочем, наши лишения ничто по сравнению с их приобретениями. Переливая из пустого в порожнее, дети постигают основное свойство материи. Разумеется, им ничего не известно про закон жидкости и газа, принимающих форму сосудов. Пока они заполняют пузырьки и бутылки, замороженные струением или неподвижностью воды. Вода — стихия, она манит так же, как огонь. Сколько раз ребенок сходит по воду — принесет ведро с моря, выльет в лужу, отправится за следующим. Если ему не разрешают войти в воду и зачерпнуть ведром где поглубже, его задача усложняется. Сколько там добудешь с берега, да так, чтобы ноги не промочить!

Детское наблюдение: льется вода из крана в кружку, дошла до края — и больше не вольешь. В большую кружку входит много воды, в лекарственный пузырек — мало. Потом возникла другая игра — разливать воду из кружки по всевозможным емкостям. Получалось: одна кружка может напоить многих.

Или просто лить воду на асфальт и смотреть, на что похожи пятна и разводы, это все равно, что видеть разные картины в облаках, даже еще интересней, поскольку ты являешься хозяином положения.

Заполнение емкостей — один из путей освоения формы. Любопытство к тому, что внутри, в глубине, неодолимо. Однажды в детстве я засунула палец в узкое горлышко флакона от духов и пришлось разбивать флакон, чтобы высвободиться из стеклянной тюрьмы.

Есть вещи, которые примагничивают к себе. Хочется трогать, осязать витые ножки старинной вазы, скользить ладонями по голубым граням стекла, нащупывать подушечками пальцев выпуклости мелких цветочков. Тактильные ощущения пробуждают чувственные. «Мамина рука такая ласковая, такая гладкая, как асфальт».

Глубина — тайна, в нее хочется проникнуть, поверхность чарует, заманивает. Вещи оживают под пальцами. Детям необходимо все потрогать, они воспринимают предметный мир через осязание. Запрещая детям прикасаться к предметам, мы лишаем их полноты познания, вызываем тактильный голод, неудовлетворенность. Это может привести их впоследствии к неприятию ласки, к неумению проявлять нежность.

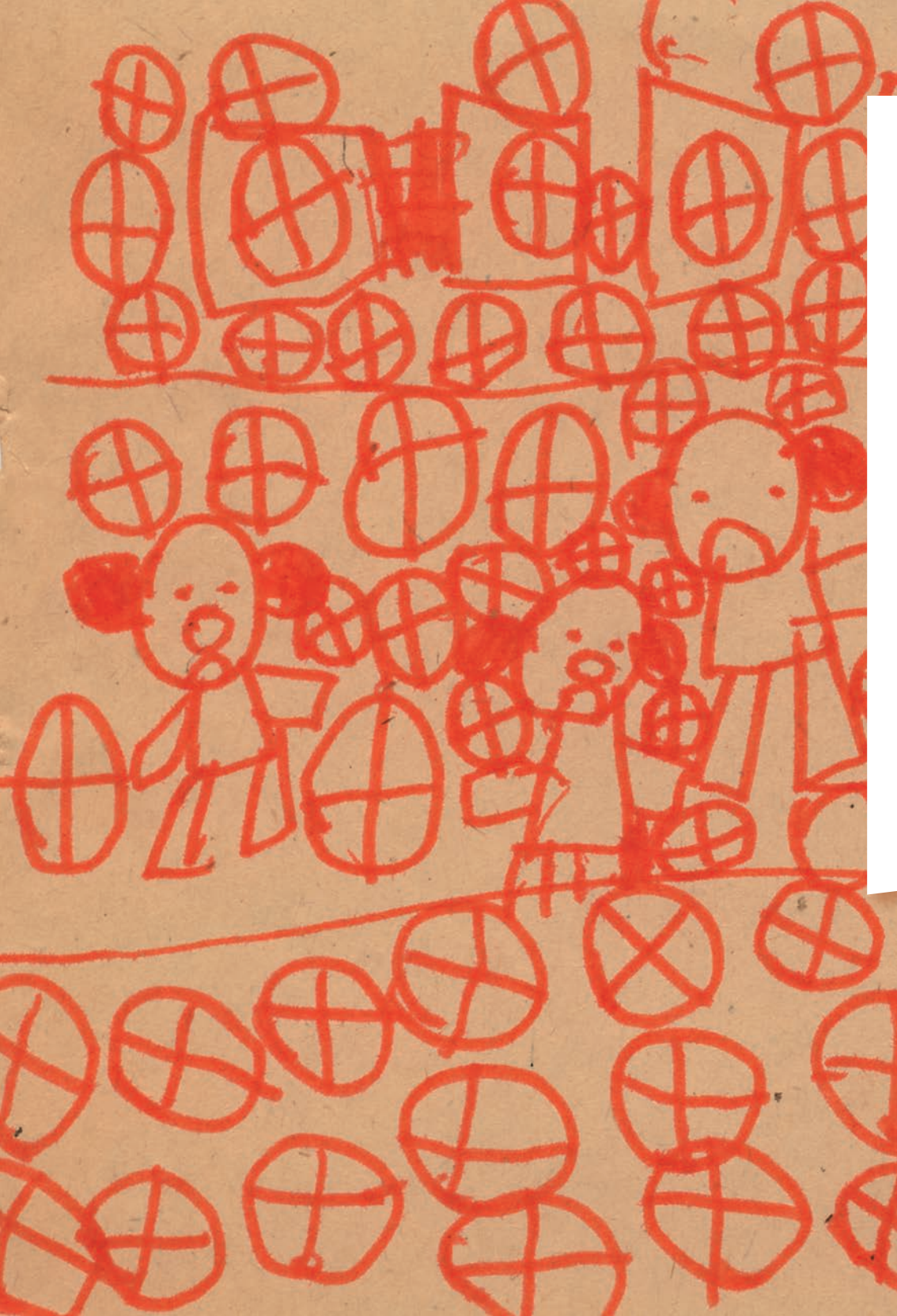
Вот почему лепка, копание в песочнице, выпекание куличей, рытье ям, осязание предметов органически необходимы детям. Нельзя лишать их возможности брать в руки или хотя бы трогать те вещи, к которым их влечет. Последствия строгих запретов куда хуже разбитой чашки.

Подстольный мир

Подстольный, задиванный мир таинствен. Семилетняя Юлия с упоением рисует. И вдруг: «Можно я полазаю? Поищу чего-нибудь на полу?»

В детстве мне часто снился один и тот же сон: в абсолютно пустой, стерильно чистой квартире я собираю грибы. Срываю их с плинтусов, кладу в корзину. Пространство, о котором заведомо знаешь, что оно пусто, оказывается наполненным.

Заглянула в комнату к детям. Они спят. Письменный стол (вход) завешен пестрой тряпкой. Заглянула в дом: игрушки тоже спят. Мышка уложена в коробку из-под обуви, на подушку, укрыта одеялом. Коробка — на поролоновом валике: мышка вознесена надо всем, ее только вчера подарили, она главная. Постоянные жильцы — обезьянка Яшка, ослик, кукла-растрепка — спят в ряд, не укрыты. Никаких дневных тарелок, бутылочек, ложечек — ночью дом ночной, спящий. Дом-спальня. Завтра, возможно, посуда-изгнанница займет свое место, обязательно на стене появятся картины, нарисованные игрушками, самую лучшую сработает мышка — если не выйдет из любимчиков.

Совсем другое — строить дома из кубиков или конструктора. Здесь все внимание обращено на экстерьер, поэтому дома дети под столом не возводят. Они «экстерьерные» и должны быть видны всем. Под столом-крышей создаются интерьеры, внутреннее пространство жизни. Это дело интимное. «Выпечка» куличей из песка и рытье канав подводит детей к возведению домов и их обустройству. По сути это тот же процесс освоения выпуклого пространства.

Дети находятся в непрерывном процессе строительства. Построили дом, за ним следующий, глядишь, их уже целая улица. Улица города. А где же сам город? Улица обрастает светофорами, переходами, уже мало кубиков, мало деталей «конструктора», в ход идет домашняя утварь: ложка — фонарь, солонка — урна и т. д. и т. п. Разносортная фактура не препятствие.

Наши темпы освоения нового несоизмеримо ниже детских. Почему мы теряем темп? Может быть, потому, что мы растрачиваем массу энергии на сопротивление или приспособление к социуму. Мы, взрослые, не способны, как дети, жить настоящим моментом. Опыт прошлого тяготит нас, будущее пугает. И в какой-то момент мы обнаруживаем, что потеряли интерес к жизни: все так банально, нет ничего нового!

Ребенок не боится банальности. Такого понятия в его сознании не существует. Он не создает произведений искусства, он осваивает мир с помощью рисования линий, нанесения красок и создания пластических форм.

Два мальчика-близнеца трех с половиной лет красят бумагу. В самый разгар работы подменяю краски цветными мелками.

Они не спрашивают, куда делись краски — с тем же энтузиазмом рисуют мелками. Они увлечены самим процессом: была белая бумага — стала цветной. Так и лепят — все равно из чего. Был ком — надавили пальцем — получилась вмятина. С другой стороны отщипнули — получился как бы след от пальцев. Страсть к переменам, к метаморфозам — вот что ими движет, а вовсе не создание картины или скульптуры.

На вопрос родителей «Что ты нарисовал (слепил)?» отвечают не задумываясь. С ходу включаются в другую, словесную игру. И свято верят: здесь огурец летает, крылатый, а тут машина в гараже. Еще интереснее рисовать так, чтобы бумага продырявилась, а потом смотреть в дырку, как в бинокль.

Дочь моих знакомых никого не пускает в свою комнату: там на полу — город. Где же он? Никакого города нет. Но стоит сделать шаг — голос предупреждает: вы что, не видите, тут же трамвай стоит! Родители девочки обеспокоены состоянием ее психики. Но с этим, насколько я понимаю, у нее все в порядке. Беда девочки в другом — у нее незаурядное воображение. А у ее родителей — уже заурядное. Не находя понимания в семье (ее держат за первостатейную лгунишку — «стоит напомнить про детский сад, у нее сразу и живот болит, и нога ноет, и в голове колет»), девочка затворилась в своем «городе» со своими предметами, кстати, не только воображаемыми — у нее много кукол, и с ними она прекрасно ладит, вдобавок изобрела язык, понятный только в ее «городе». Устному языку соответствует и письменный — он у нее тоже разработан, она обучает ему кукол.

Мышление детей метафорично. По определению М. В. Ломоносова, метафора — это «сближение далековатых идей». Дети без усилий сопрягают «далековатые идеи». Именно поэтому они с раннего возраста сочиняют стихи, песни, дома, дворцы, города и планеты. Сочинительство — их стихия. В нем рождаются образные модели мироздания.

Копая ямы, возводя дворцы на песке, укладывая кукол спать, дети постигают азы мироустройства. «Домики», которые нам, взрослым, так надоедает разбирать, — первая попытка моделирования пространства.

Получается, детям необходимо и то, и это, и пятое, и десятое. Как же, при нашей занятости, организовать такую среду, где

разовьется и воображение, и мышление, и умение реализовывать «творческую» в реальных формах?

Парадокс в том, что детям от нас почти ничего не нужно.

«Можно я здесь порисую?» — спрашивает ребенок, а мы ему отвечаем: «Нет! У тебя есть свой стол, в столовой едят, а не рисуют!» Мы городим заборы из запретов: этого не брать, к этому строго-настрого не прикасаться и т. п.

Даже наши вопросы начинаются с «не» и «нет»: «У вас нет того-то и того-то?», «Не знаете, как пройти туда-то?», «Не подскажите, который час?» Мы как бы заранее предполагаем, что нужного предмета нет, что на вопрос нам не ответят.

Жизнь опасна, и мы предостерегаем: «Не прислоняться!», «Не трогать ручку крана!», «Не облокачиваться на поручни!», «Не ставить вещи на ступеньки!», «Не влезай — убьет!»

Зато один мой знакомый утверждает, что есть на свете такая страна, где на всех углах написано: «Гуляйте на здоровье!», «ЗДЕСЬ МОЖНО ВСЕ!». Шутит, наверное.

Всему свое время

К нам на занятия привезли двухлетнего малыша в прогулочной коляске.

— У ребенка уникальные способности, — сообщил его отец. — Повышенный интерес ко всему, что мнется. Из теста лепит часами. Кроме того, плавает с младенчества, умеет считать, знает все буквы, запросто сидит в позе лотоса. Жаль, коврика нет, а то бы мы показали, да, Алешенька?

Алеша, пристегнутый ремнем к коляске, заплакал.

— Это от застенчивости, — объяснил папа, — все-таки новое общество. — Ну, сын, будем выгружаться?

Извлекая Алешу из коляски, он сказал, что действует по совету гениального экстрасенса, тот велел обратить на лепку особое внимание.

С сыном на руках папа устроился за низким столиком. Он с нетерпением ждал, пока мы прекратим болтовню и начнем лепить. Алеша зевал, куksился, тер глаза кулаками.

— Что было бы, если бы мы сейчас заснули, как принцесса Шиповничек, и пробудились через сто лет? — спросила я детей. Наша

беседа стала прологом к передаче в пластике двух разных состояний — «сонного», застывшего, и подвижного.

По детской логике выходит так: раз Шиповничек, уколовшись о веретено, заснула, значит, заснуло все вокруг. Для нас это — условность вымысла, для детей — сущая реальность. Покидая дом, где только что было шумно, весело, они не могут представить, что с их уходом там все продолжается. Ушли — и все прекратилось вмиг.

Мы с детьми «засыпали» и пробуждались по команде, мы то порхали, как птички, то скакали, как кони, то прыгали, как лягушки. Это зависело от того, кто кем хотел проснуться. Папа стоически переждал, когда все это окончится и мы примемся за дело.

Принялись. Первое задание было таким: вылепить камень заснувший и камень проснувшийся. Динамика формы и динамика механического движения — это разные вещи. Человек в позе идущего это еще не идущий человек. Вспомним «Идущего» Родена. Одноногий торс, где движение передано не переставлением ног, а наклоном торса, соотношением «несущих» масс. Разумеется, я не жду от детей роденовских решений. Но оригинальных — жду.

Отец Алеши настаивал на том, чтобы Алеша лепил камень. Простой камень — это же элементарно! Но Алеша не хотел.

Чтобы чем-то занять его, я дала ему коробку с пуговицами. Алеша увлекся пуговицами. Сначала он сортировал их по величине и цвету, потом запутался в разрядах, сгреб все пуговицы и, к моему изумлению, нашел оптимальный способ сортировки: пуговицы с двумя дырочками откладывал в одну сторону, с четырьмя — в другую. Действительно, незаурядный малыш!

— Чепуха, — усмехнулся Алешин отец, — сортировка пуговиц — пустое занятие для человека, который умеет считать, читать и плавать. Из пятнадцати миллиардов мозговых клеток у нас задействовано от силы пятнадцать процентов! Не приходит ли вам, педагогу, на ум, что необходимо осваивать этот огромный потенциал с младенчества? — Алеша чмокал губами, задремывал, а папа его распалялся. — Потом будет поздно, поздно, понимаете?! Зачем вся эта игра в бирюльки? Мозг надо нагружать, давать ему материал для переваривания! А такие занятия этому вовсе не способствуют.

Алешин папа бережно пересадил уснувшего Алешу в прогулочную коляску и закрыл за собой дверь нашего класса. Он был сердит — столько времени потратил зря.

Хотелось возразить ему вдогонку: если нам, например, неприятен тот факт, что наш организм на 90% состоит из воды, мы же не станем из-за этого удалять из него воду и тем самым подвергать себя смертельной опасности. Мы знаем, что такова наша природа. Она же заботится и о том, чтобы мы разумно использовали свои интеллектуальные недра.

Прогресс в науке, стремительное развитие цивилизации не изменили природу человека. Поэтому слова, написанные людьми до изобретения электричества, железных дорог, самолетов и Интернета, близки и понятны нам сегодня. Мыслители древности думали о сущности жизни, и современные мыслители об этом думают. Разница лишь в том, что древние нас читать не могут. Культура, созданная человечеством, живет только потому, что сущность человека не меняется. Иначе мы бы утратили «культурные» коды и представление о том, кто мы, откуда и куда идем. Сказанное царем Соломоном о своевременности всего сущего верно и сегодня.

Всему свое время,
и время всякой вещи под небом:
время рождаться, и время умирать;
время насаждать, и время вырывать посаженное;
время убивать, и время врачевать;
время разрушать, и время строить;
время плакать, и время смеяться;
время сетовать, и время плясать;
время разбрасывать камни, и время собирать камни;
время обнимать, и время уклоняться от объятий;
время искать, и время терять;
время сберегать, и время бросать;
время раздирать, и время сшивать;
время молчать, и время говорить;
время любить, и время ненавидеть;
время войне, и время миру.

Другое дело, что время тогда текло, а теперь летит. Природа человека от этого не меняется, да, наверное, и продолжительность жизни остается той же. По количеству лет мы живем чуть ли не вдвое дольше, но в древности время определялось лишь природными циклами, а теперь ты можешь прожить за год три весны и шесть зим, и все на такой скорости, что ни весны, ни зимы не заметишь. Мы не успеваем переработать огромное количество информации, которую обрушивает на нас современный мир. Жизнь стала гонкой, а мы — невротиками. Но наверняка и это пройдет, и ураганное время сменится на спокойное.

Пока же мы вовлекаем в гонку своих детей. Гонка становится стрелочником режима дня, с личным временем ребенка мы не считаемся.

Поздно, а сын все рисует. Как же он встанет утром, — беспокоимся мы с мужем и просим отложить рисунок до завтра. Сын послушался нас и пошел спать. На завтра он вернулся к рисунку, попробовал его доделать, но не вышло. Он рассердился и разорвал работу в клочья.

Нам все время некогда, и, наверное, с этим связано то, что мы разучились созерцать. Но это свойство живет в детях. Они — созерцатели и деятели одновременно. Они везде одинаковы — и на

Западе, и на Востоке. Они умеют вглядываться в мир. Время для них не дискретно, а «сладчайший миг свободы» бесконечен.

Панегирик Борису Никитичу

Борис Никитич влетает в школу, на ходу стягивает с плеча пудовую сумку. Худой, взмыленный, спешащий, он увлечен самой жизнью, а не собой и своим местом в ней.

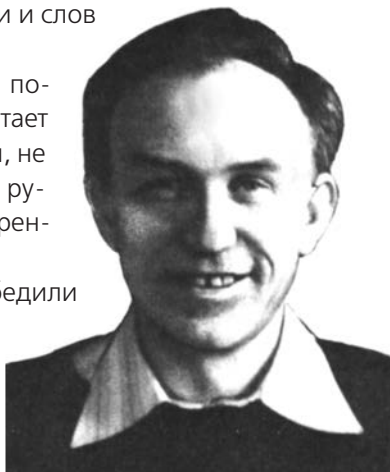
«Я болела и все мечтала о Борисе Никитиче. А когда пришла в класс, он взял меня на руки и говорит: “Аля, где же ты была? Я так по тебе соскучился, все ночи не спал, думал, когда придет Аля”. Потом он поставил меня на стол, прямо ногами, и говорит: “Выступает заслуженная артистка республики Аля Зарецкая!” Я выступила, потом он других стал так же ставить, играет, а они поют. А слова забыли. Зря он их всех на стол ставил, они же тяжелые, всех поднимать, и слов не знают. У него еще рука в такой белой обмоталке, поломанная, он поломанной рукой играет и еще всех на стол ставил».

Аля рассказывала взахлеб, ее агатовые глаза сияли, а при имени Борис Никитич из них сыпались искры. Может, это ее первая любовь к человеку как таковому, не к маме, папе, бабушке, дедушке, — а к человеку, который скучал по ней, все думал о ней и с поломанной рукой играл да еще и поднимал тяжелых девочек на стол, хоть они и слов песни не знают.

После занятий Борис Никитич показывает детям диафильмы. Читает за персонажей разными голосами, не пережимая и не фальшивя. А на руках у него чья-то маленькая сестренка. Угнездилась, как птица.

Кончен фильм, «хорошие победили плохих». Мама девочки спрашивает Бориса Никитича:

- Она вам не мешала?
- Кто? — не понимает.
- Дочка.

— Нет... — Борис Никитич возвращает малышку матери, — мы же с ней кино показывали!

...Борис Никитич в темном костюме, белой рубашке и при галстукe стоит на сцене перед хором. Объявляет громко, кто мы такие и что будем петь. И наступает тишина — враз умолкают шестидесят детей. При той свободе, что царит на наших уроках, дети, оказывается, вполне способны стоять по стойке «смирно» без всякого принуждения с нашей стороны. Они ведут себя как настоящие артисты.

После концерта Борис Никитич прибегает в мой класс.

— Быстрей, мажь мне помадой щеки и губы, ну что за помада у тебя, мне нужна яркая! Так, — оглядывает он реквизит, — вот эту шляпу давай, парик, фартук. Ну как я тебе?

Дети сидят за праздничным столом. Входит официантка — Борис Никитич с подносом, на нем всякие вкусности. Раздавая их, он успевает каждому что-то шепнуть или погладить по головке, или поцеловать. Это вызывает у детей бурный восторг — Борис Никитич — тетя в шляпе и с длинными волосами!

Однако мало кто из родителей смеялся: видимо, они сочли эту забавную метаморфозу вредной для учительского авторитета. Но они ошибаются: дети обожают того, кто может быть одновременно строгим и веселым, серьезным и смешливым, но всегда, всегда — добрым.

Доброта атмосферна, как дыхание. Доброго человека дети неизменно будут любить, в каком бы обличьи он к ним ни являлся.

Надземелье

«Елена Рыгорывна, а давайте еще раз когда-нибудь слепим лес и там всяких зверей». Прикусив от старания пунцовую губу, пухленькая курчавая Ирина писала мне послание печатными буквами. Оставив его на столе, она выбежала из класса.

Вторая группа уже занимала места за столом, а я никак не могла вспомнить, что же за лес мы тогда лепили. Столько лесов «выра-

щено» за десять лет, а нужно вспомнить именно тот, о котором мечтала Ира. Если это было в начале года, то скорее всего — лес кленовых листьев, где каждый лист-дерево украшен лепниной. Если на нем змейки, значит, дерево змеиное, если шары — то шаровое, а если машинки, то машинное.

А может, это был зимний лес, еловый: деревья — еловые лапы, на них ватный снег, на фанере — тоже вата сугробами, сверху присыпанная конфетти, как будто бы снег искрится, гном с мешками подарков, лисы, белки.

Или весенний лес из голых прутьев, с почками из пластилина, пуговиц и бус и птичьи гнезда из яичных скорлупок.

Но сейчас за столом другие дети. Они не просили меня лепить лес. Что будем делать? Я водружаю на стол маленький столик.

— Это будет подземелье, — говорю я.

— А это — надземелье, — показывают на крышку столика.

— Лесное надземелье...

— Деревья, кусты, цветы, — перечисляют вслух.

Достаточно минуты, чтобы оказаться в лесу, которого еще нет, ни признака леса, скорее, антипризнак — маленький столик на большом столе. Но обозначено игровое пространство, и оно осваивается на глазах. Уже нарисовано и кое-как, с трудом, вырезано первое дерево — береза. Прикрепляю ее пластилином к столику. Вот — птица, приклеиваю ее к березе. И возникают грибы, цветы, птицы и даже красавица Брунгильда. Грудь ее украшает соска. Почему соска? Потому. Все просто: у Брунгильды есть обожаемый младший брат, а тот сосет соску.

Дети увлечены рисованием и не успевают вырезать. Я-то едва управляюсь, вырезаю абы как, лишь бы успеть. Такого леса еще точно не было — таинственный, многоярусный, на возвышенности. Цветы выше деревьев, Брунгильда выше цветов — в такой несоразмерности есть особая прелесть, прелесть неранжированного пространства. Театр леса.

— А я сделаю всю природу, — заявляет Анечка-крошечка.

ВОТ ВАМ
ПТИЦА-
РАЗНО-
КРЫЛИЦА,
ПОЖА-
ЛУЙСТА

Банты больше головы, круглые хитрые глазки. Аня — максималистка, подавай ей всех людей, всю природу! Что же — на кусочке картона умещает «всю природу», как и было заявлено: цветы, грибы, деревья, зайцы сбиты в кучу, не понять, где заячье ухо, где ствол дерева. Анин «венец творенья» прикрепляю к древку и ставлю перед лесом.

— Вот вам, птица-разнокрылица, пожалуйста! — протягивает мне Анечка весьма странное создание — ракушки разной величины прилеплены к пластилиновому туловищу.

Что прежде — идея или воплощение? Для Ани этот процесс не расчленен: взгляд упал на ракушки, ракушки-крылья, но они разные, а крылья у птицы одинаковые. Ну и что? Пусть тогда будет разнокрылица.

Птица-разнокрылица оказалась первой жительницей подземелья. Аня подбила всех на лепку. Подземелье наполняется пиратами, страшилами и драконами. Чтобы они оттуда не выбрались, дети предлагают обернуть ножки стола гофрированной бумагой и оставить щель для входа, а около нее посадить цербера.

Вот и вышло — воздушное, рисованное надземелье и земляное, пластилиновое подземелье. Было ли это замыслено? Нет, конечно. Это как джазовая импровизация. Анечка-крошка задала тон и увлекла за собой оркестр. Так и родилась эта композиция. Тему задала Ирочка (сейчас она на уроке музыки), а Аня — тон. Мы сыграли «надземелье и подземелье» в десять рук на одном дыхании.

Я храню Ирочкину записку. Если студию закроют, как это случилось с прежней студией в Химках, то у меня на руках останется «трудовое соглашение», составленное Ирочкой: «когда-нибудь вылепить лес и там всяких зверей». Остается лишь обговорить сроки.

Тая

«А вы помните, как я сидела у вас на коленях и лепила яблоко?!» — спрашивает меня Тая, смуглая сбитенькая девчонка с горящими черными глазами. Недавно ей исполнилось девять лет. В детстве она нахлебалась горя, но не озлобилась, напротив, душа ее отзывается на малое добро. «А вы помните, как

мы с мамой к вам пришли, а вы подарили мне утенка?» Вот уже год, как Тая живет с нами. «Она не умеет ни лепить, ни рисовать», — предупреждала меня ее мама так, словно привела Таю в кружок «Умелые руки».

Как-то ее укачало в машине. «Ты пой, и тебя не будет тошнить», — посоветовала я. Она послушалась меня и, преодолевая тошноту, всю дорогу пела.

Почему я пишу о ней? Потому что скучаю. Мы с детьми — на даче, а Тая лежит у нас дома с воспалением легких. За ней ухаживает ее мама, и это-то меня и беспокоит. Представляю, как она, бедненькая, лежит и шепчет: «Мне уже лучше». Она успокаивает маму-паникершу. Иначе та вызовет «скорую», она по любому пустяку вызывает «скорую». Тая боится больниц, после инфекционного бокса она долго кричала по ночам. Мама этого не понимает — на нее нападает паника, а когда она в панике, до нее не достучишься. Против маминой паники и Таина улыбка бессильна. Улыбка-вспышка, способная в одно мгновение озарить все вокруг. Вдруг ее отдадут на продленку — не будет же она вечно жить с нами! В школе Тае трудно, там на нее нападает ступор, и она, прекрасно справляющаяся со всеми домашними заданиями, не может понять, почему то, что в скобках, надо складывать и умножать в первую очередь. Вдруг мама заберет ее от нас и перепоручит кому-нибудь другому?

Ничья

Навстречу мне, из глубины коридора Русаковской больницы, движется маленькое существо, ребенок-лягушонок. Над верхней губой — свежие швы, ноги враскоряку. На вид — годика два, не больше.

К счастью, вместе с пластилином, воском и фломастером (я иду заниматься с Тёмой, о нем — речь впереди) у меня с собой мишка и заяц, игрушки дочери. Я вынимаю их из сумки. Девочка (это существо было девочкой) выхватывает у меня потрепанных зверюшек и бежит, ковыляя, в угол. Так собаки уносят кость в будку, чтобы никто не отнял.

И только мы с Тёмой взялись за лепку, в палату входит санитарка, тянет за собой ребенка-лягушонка.

— Эта вы ей подарили? — спрашивает строго.

Малышка скулит, тычет в меня пальцем.

— Да.

— Ну ладно, иди. А то, знаете, она все тащит, — объясняет мне санитарка.

Девочка спасена. Унесла зайца с мишкой в угол, протяжно скулит, видно, рассказывает своим новым друзьям, какого натерпелась страху.

Эта девочка — ничья. Она — отказная. Так объяснил врач. В «Русаковке» ей прооперировали заячью губу, теперь переведут в Филатовскую — вправлять врожденный вывих бедра.

Она сидит на корточках, смотрит на меня из-под руки. Так на птичьем рынке смотрят на людей щенки, котята и старые псы — возьми меня!

Что делать? Отвернуться и уйти. Всем не поможешь. Мы скорее получаем инфаркт от неприятностей на службе, а вовсе не от того, что на свете существует ничья девочка, отволакивающая игрушку в угол, как собака кость.

Эту девочку никто не избалует, так и пойдет она по жизни — ничья, неизвестно по чьей прихоти оказавшаяся на свете. А где-то живут ее родители. Родители ничьего ребенка.

Какая разница между дождем и снегом?

Ночь. Спят дети в Русаковской больнице, спит Тёма, мальчик без роду, без племени. У него отняли легкое, он тяжело дышит, ворочается с боку на бок. А отказная спит блаженно, в обнимку с мишкой и зайцем.

Одна французская акушерка заметила: если роженице, заведомо отказавшейся от ребенка, тотчас после родов приложить малыша к лону, — она не оставит его в роддоме, не сможет от него отречься.

Ни ребенка-лягушонка, ни Тёму не приложили тотчас после родов к материнскому лону.

О Тёме я впервые услышала от Ольги Николаевны, врача-реаниматора из Русаковской больницы. Когда-то она спасла от смерти дочь моей соседки. Тогда ей удалось с нашей помощью

раздобыть необходимый заграничный антибиотик, и вот теперь тринадцатилетнему Тёме Тимофееву понадобилось то же лекарство, и она обратилась к нам за помощью: «Мальчик детдомовский, надежд мало, но если получится...»

Получилось. Двадцать один день Тёма был подключен к аппарату искусственного дыхания. Разумеется, меня волновала его судьба, но Ольга Николаевна не обнадеживала.

«Все делаем», — отвечала она сухо. В том, что Ольга Николаевна «все делает», сомнений не было. Она и дочь моей соседки спасла, будучи сама в предынфарктном состоянии. Переливала ей свою кровь напрямую, приходила в больницу по воскресеньям.

Как только Тёма задышал сам, он попросил порисовать. Ольга Николаевна попросила меня приехать и посмотреть рисунки Тёмы: «Больно уж хорошо рисует для олигофрена!» По-моему, ему поставили неверный диагноз. Тёму взяли из дома ребенка, когда ему исполнилось два года. Через три года новоиспеченные родители сдали Тёму в детдом со следами тяжелых побоев. Мальчик отставал в учебе. В первом классе комиссия 6-го московского психди-

спансера активировала его как олигофрена с психопатическими реакциями и определила в детдом для умственно отсталых.

Я приехала к Тёме, как только его перевели в 1-ю хирургию. Здесь его лечила Людмила Витальевна, которая, по словам Ольги Николаевны, спасла не одного «безнадежного» ребенка. Пока Тёме везло.

Тёма мне понравился. Нескладный подросток, с грустными серыми глазами и неулыбчивым ртом. Он сразу показал мне свои рисунки, перерисованные с пластиночных конвертов «Ну, погоди!» и «Бременских музыкантов».

— Я из головы не умею, — объяснил он. — Мы там по трафарету все делали, а после раскрашивали.

— А вы там из пластилина лепили?

— Нет, не лепили.

— Тогда давай лепить вместе! — предложила я Тёме и открыла перед ним большую коробку цветного пластилина. Тёма лепил быстро. На моих глазах он вылепил настоящую рысь: морда вытянута и пригнута, уши торчком, задние ноги длинные, а передние короткие, словно бы она выслеживает добычу.

Скоро к нам присоединились ребята из соседней палаты. Тёма каждого оделил пластилином. Тёма остался доволен своей рысью, точно такую он видел однажды по телевизору, — и попросил меня подарить рысь Ольге Николаевне.

— А Людмиле Витальевне? — задумался он.

— Слепи ей вазу с цветами.

— А как? — встревожился Тёма.

Но он же не спрашивал меня, как лепить рысь. Не может быть, чтобы он никогда не видел вазу с цветами.

— Нарисуйте мне вазу, — попросил Тёма.

Я нарисовала. И он вылепил мигом. Пришел черед цветам. Тёма долго вспоминал, какие бывают цветы, — желтая середина и белые лепестки вокруг, это ромашка... Да? Это я смогу.

Мы подружились.

Известный детский психолог А. Л. Венгер обследовал Тёму и выдал заключение, в котором говорилось, что Тёма абсолютно нормален, но педагогически запущен. Он рекомендовал перевести Тёму в интернат для нормальных детей.

Ольга Николаевна нашла через знакомых директора «нормального» интерната, и он согласился приехать в больницу и познако-

миться с Тёмой. Пообщавшись с мальчиком, он сказал однозначно: «Беру. С учебой подтянем. Будем выпрямлять его судьбу».

Но мы зря радовались. При нашей системе судьбу «выпрямить» непросто.

Директриса интерната для умственно отсталых детей позвонила главному врачу Русаковской больницы, сказала, что не потерпит самоуправства и подаст в суд... на больницу.

Больница, разумеется, не испугалась: подавать в суд на тех, кто спас жизнь ребенку, — это, по крайней мере, смешно. Но директриса и не думала шутить. Она поставила условие: Тёма должен быть проведен через ту же комиссию, которая поставила ему этот диагноз. Если 6-й психдиспансер отменит его, тогда, пожалуйста, — хоть в Академию наук! Заодно и Катю Умнову переведите, вот уж действительно нормальная девочка, не то что Тёма. Гуманисты! На что мальчишку обрекаете! Известно ли вам, что после специнтерната сирот обеспечивают жилплощадью и освобождают от армии?! Куда Тёму девать после восемнадцати лет, вы об этом подумали?!

Выходит, дебилом быть выгодней. И в армии не надо служить, и жилплощадь обеспечена.

Но Тёма-то нормальный парень! Но что правда, то правда — он быстро замыкается.

При мне к нему пришла учительница (долго болеющие дети охвачены у нас школой). Задала задачу, а сама уткнулась в журнал. Тёма не хотел решать задачу. Он мечтал скорее отделаться от математики и идти лепить. Но учительница сказала: «Пока не решишь, не отпущу». «Очень он ленив думать», — объяснила она мне, оторвавшись от журнала. Из-под очков смотрели равнодушные, холодные глаза.

Тёма низко склонился над тетрадью, водил ручкой, калякал, а потом просто лег головой на стол.

— И вы хотите перевести его на нормальное обучение, — вздохнула учительница. — Давай решай, тебе что сказали! — перемена тона была разительной.

— Не буду! — Тёма швырнул тетрадь и пошел в палату.

Он долго молчал. Лепил кошку и молчал. И вдруг сказал:

— Лучше найдите мне мою маму. Меня отец бил, а мама пальцем не тронула.

ЛУЧШЕ НАЙДИТЕ МНЕ МОЮ МАМУ

Лучше... Лучше бы не приходила я к нему с книгами, яблоками и воском, а нашла бы ему маму. Взять бы Тёму к себе! Но всех-то не возьмешь...

— Невезучий Тёмка, — Ольга Николаевна звонит мне поздно вечером. — Ухожу из больницы и вижу: стоит у кадки с алоэ, задумчивый, грустный, трет пальцами мясистые листья, нюхает.

«Ты чего, Тём?» — «Мама мне точно такие выжимала в рюмочку. Это — от горла». А к Зое, сестричке нашей, ластится: «Зой, ты замуж выйдешь? Тогда возьми меня к себе, я тебе все делать буду». Как быть? Неужели проводить его через эту комиссию?

Людмила Витальевна разрешила мне по воскресеньям выводить Тёму на прогулку в парк «Сокольники». На Тёме короткие брюки и большие черные ботинки. Он рассказывает, что в санатории летом мальчишки «крутили любовь», а он нет. Он бегал кросс и выпускал стенную газету. Такой вот странный олигофрен!

— Почему я люблю уходить из больницы, а возвращаться туда не люблю? — спросил он меня.

Людмила Витальевна обнаружила в 6-м психдиспансере знакомую, училась с ней вместе — она нас поддержит.

— Только как его подготовить? Вдруг замкнется? Вчера его навещали с Кирпичной. Воспитательница с тремя ребятами. Их явно антидепрессантами перекормили. Возбужденное такое веселье... После этого Тёмка до отбоя молчал. Загрузился. К тому же пришлось мне его перевести в палату, освободить изолятор для тяжелобольного. А в палате мальчик только после операции. Мама мальчика обхаживает, нежничает, Тёмка ей нагрубил. Она жаловаться. Я поговорила с Тёмой, вроде все уладилось. Отказных подбросили, некуда пристроить... Я сегодня ездила на Кирпичную, за Тёмкиными бумагами. После встречи с директоршей валерьянку пила. Вдруг она подговорит комиссию?!

Вечером, накануне комиссии, сражались с Тёмой и еще с двумя девочками в «эрудит». Заигрались до отбоя. Тёма — тугодум, но играет прилично. Выходит, я играю с олигофреном в эрудит на равных. Может, и мне пора на комиссию?

— Тетя Люся, я уже здесь был. — Тёма узнал здание диспансера. — Я знаю, меня отсюда отправили...

— Куда?

Молчит, смотрит исподлобья, тербит чуб. Не удалось нам его обмануть, все, бедолага, помнит. Неужели помнит, как его, пятилетнего, избивали до кровоподтеков?

В комиссии солидные, компетентные дамы. Людмила Витальевна без крахмального колпака и белоснежного халата выглядит как серый воробышек. И знакомой, пообещавшей содействие, нету.

Дамы молча просматривают и передают по кругу «Тёмино дело». На рисунки особого внимания не обратили. Стали задавать Тёме вопросы. А Тёма молчит. И — заключительный, коронный:

— Тимофей, скажи, какая разница между дождем и снегом?

— Ты же знаешь, — шепчет Люся.

— Не знаю.

На этом и закончили. Тёму попросили выйти. Он вышел. Так вот, куда его переводить не надо. Диагноз не отменяется.

Все Люсины объяснения комиссия отмела. Неадекватное поведение не оправдывается условиями. Что касается рисунков, то и шизофреники рисуют, и стихи сочиняют. Есть объективные показатели, и если вы врач...

Да уж какой она против них врач — пичуга!

Вот бы вместо вопросов дурацких угостить сироту конфетой да и отпустить с миром! Но их, «чувственно отсталых», заботит только честь мундира. Как это они могли поставить неправильный диагноз? Такого не бывает.

Зря ездили. У Тёмы поднялась температура, он начал кашлять. Воспаление легких. Вернее, одного оставшегося легкого. К счастью, Люсе быстро удалось погасить очаг, но дальше-то что делать? Лето на носу, но ни у меня, ни у Люси нет юридического права взять Тёму к себе на лето — подкрепить на природе его никудышное здоровье.

— Тетя Люся, не расстраивайтесь, — утешает Тёма, — мне теперь все равно. Только вы ко мне туда будете приезжать?

Лето Тёма провел в туберкулезном санатории. Люся навещала его каждую неделю. Там ему было хорошо — бегал с мальчишками и рисовал стенгазету. Сам вызвался. К концу августа снова стал кашлять. Люся забрала его в больницу. Долго тянула с выпиской. Но пришел тот час, за Тёмой приехала воспитательница с Кирпичной и увезла его в интернат для умственно отсталых. Погулял среди нормальных — баста.

Нынешний шестнадцатилетний Тёма больше не рисует и не читает. Его накачивают транквилизаторами, в таком состоянии он не может учиться. Но работает — сколачивает ящики. В последнее наше свидание Тёма меня не узнал, взял сумку с провизией и ушел в корпус.

«Затравленность и измученность не требуют травителей и мучителей, для них достаточно самых простых нас... Не свой рожден затравленным», — писала Марина Цветаева. «Простые мы» подвели «не свою» Марину к петле, а «не своего» Тёму превратили в идиота.

Права детей

Януш Корчак говорил, что дети — это особый мир, детство — отдельная епархия, где ребенок имеет право на все, даже на смерть.

Прочтите «Короля Матиуша». Корчак отвергал ложь во спасение, он не говорил детям, что Гитлер — гений всех времен и народов, не призывал уничтожать портреты антифашистов, не предлагал вымарывать из учебников слова запрещенных нацистами писателей. Величие Корчака принято видеть в том, что он, имея возможность остаться в гетто, пошел вместе с детьми на смерть. Мне же его величие видится в том, что он никогда не обманывал детей.

Корчак предоставил детям право на свободу мысли и волеизъявления. Таким же правом пользовались дети республики Шкид, таким же правом пользовались дети в концлагере Терезин, и таким правом не обладает большинство детей в обычных школах и обычных семьях. Мы без конца твердим о любви к детям. Но мало кто вкладывает в эти слова глубокий смысл.

Раки-забияки

Посетив школу-интернат на Сходне, я приехала в студию с небольшим опозданием. Ко мне со всех ног бросились дети, их щебет на какое-то время приглушил боль. И снова всплыли в памяти интернатские казематы, темно-синие коридоры, убогие комнатухи — в такой обстановке, может, следует держать арестантов, но уж никак не детей. Они живут фактически без всякой медицинской помощи — на двести человек один врач на полставки, вокруг высокий забор, а за ним, на свободе, идет жизнь, в которой им нет места.

Передо мной же — веселые, ухоженные, красивые дети.

Алина отнимает у Даши пластилин.

— Алина, верни, пожалуйста, Даше пластилин!

— Не верну!

Я отдаю Даше свой. Нет сил разбираться в мелком конфликте. У Алины три бабушки, няня (родители за границей), а она капризничает, на всех дуется. Человек на время потерял ориентацию. Это пройдет.

Перед глазами возник актовый зал, дети в серой одежде... Мы с Сережей привезли в интернат книги, собранные предприятиями Химок, и Сережа рассказывал детям про новые книги.

— Вы все это сами написали? — спросил один мальчик.

Я рассказала малышам о своей поездке в Сходню.

— А давайте мы нарисуем им подарки, а вы отвезете!

Я представила яркие рисунки в темно-синем интернатском коридоре. Понравились бы они ребятам?

— Я им еще бусинку прилеплю, можно, в птицын глаз? — Алина перестала капризничать, рисует огромный гриб-поганку. — Ничего, что поганка... Зато большая и в пятнышках. Как олень Золотые Рога.

Урок закончился. На столе — стопка рисунков на хорошей, плотной бумаге.

— Ты почему свой рисунок оставила? — спрашивает бабушка Алину.

— Это для детей. У которых родителей нет.

— Что еще вздумала, у всех есть родители. Вот и твои скоро вернутся.

— А Елена Григорьевна сказала...

— Идем! Вечно твоя Елена Григорьевна наговорит...

После девяти групп мы, вымочаленные, сидим с Борисом Никитичем в «музыкальном» классе у пианино.

— Пошли в детский дом работать! — предлагаю с ходу. Думала начать разговор издалека, но не вышло.

— Не выдержу, — Борис Никитич в лице переменялся. — Мы как съездим с хором в детдом или дом ребенка, я заболеваю.

— А если бы нам предложили, дали бы помещение...

— На природе, чтоб лес и река. И чтоб доверили полностью...

Сидим, два Манилова, мечтаем. Как бы мы стали заниматься с такими детьми. По нашей программе. Музыка, уроки сказок, лепка, рисование, развивающие игры, логика. И обязательно спорт.

— Историю бы устроили натуральную, с макетами древних поселений... — Борис Никитич запнулся и умолк. — Да кто нам доверит, мы не академики, даже не кандидаты наук, мы отставной козы барабанщики... Надвинется на нас Комиссия из тридцати трех богатырей, мы и попятимся. — Борис Никитич вскочил со стула и зашагал по классу. — Наша Таня (Татьяна Михайловна, педагог по живописи) год проработала в детдоме. Дети ее обожали. За что ее выгнали, ты знаешь? Хотела с детьми стены расписать в коридоре. Всего-то крамолы! «Тетя Таня, не бросай нас!» — умоляли ее дети. Ничего у Тани не вышло. Бороться с ними — пустая трата времени.

Жизнь — это тоже трата времени. Однако существенно, на что мы ее тратим.

Перегорела лампочка

Смотрю в окно с девятого этажа: шестнадцатизэтажные башни теснят лес к горизонту, кромка леса сверху выглядит как натянутая тетива. Прямо напротив — высокий параллелепипед с ячейками-балконами. В одной из них, где-то на одиннадцатом этаже, стоит человек и курит. Человек, вознесенный над лесом и домами, находящийся в небе вместе со мной. Издалека он похож на ширпотребовскую статуэтку курильщика с дырой вместо рта, куда вставляют маленькие сигаретки.

На кухонном столе стоит граненый стакан, рядом лежит яйцо. Его совершенное эллиптическое тело преломилось в гранях стекла, яйцо вздыбилось, вцепилось острыми шипами в стакань

бока. Я положила в стакан ложку, и она тут же утратила прежнюю форму. При этом ни яйцо не разбилось, ни ложка не сломалась, и стакан уцелел. К чему я веду? А к тому, что, входя в контакт, мы трансформируемся и при этом остаемся самими собой. Отношения с предметом, человеком или мирозданием могут «выпрямлять», могут деформировать, могут превратить двух людей в симбиоз, лишить их личной воли и ответственности. Короче, это сложная область, сколько ни изучай ее, мало не покажется.

Недавно у нас в классе во время занятий погас свет. Я вызвала электрика, и тот, стоя на столе и орудуя одной рукой, вывинтил старую лампу и ввинтил новую. Она осветила наш стол — плацдарм для фантазий и игр.

— Оставьте мне перегоревшую лампочку, — попросила я электрика.

Я посмотрела сквозь нее на Виталика и увидела вместо лица полосатый скособоченный матрац, одно ухо Виталика вытянулось вдоль стены, зеленый глаз, прикрытый ресницами, был как замшелая гора.

Дети обступили меня, всем хочется посмотреть, что же там такое смешное внутри. Посчитались в считалку, выстроились в очередь. Наводят лампочку друг на друга, на потолок, откуда брызжет яркий свет, на полки со скульптурами, стенды с монотипиями.

— Хорошо, что вы его попросили оставить лампочку, а то бы... — Виталик качает головой... — а то бы...

— А то бы что? — спрашивает Арам.

— Не понимаешь, — вздыхает Виталик. — А то, что это был не простой человек.

— А какой же?

— Вселенный светильник, вот кто! — Виталик в изнеможении плюхается на стул. — У него лампочки с чужих планет, с Меркурия, Юпитера...

— Скажи еще, что с Марса! — подначивает Арам Виталика.

— Скажу, — подтверждает Виталик.

— Таких моя мама выбрасывает сколько хочешь. А на что они, если в них свет кончился, — пожимает плечами Анечка.

— Стой, не двигайся! — Навожу лампочку на огромные банты на макушке.

— Что у меня на голове? — таращит и без того круглые глаза Анечка.

— У бантов нет голов, — говорит Арам.
— Если поставить лампу на пластилин, она будет, как луна, из которой сделали грушу, — говорит Анечка.
— Луна не стоит на земле, — замечает Катя.
— А пусть у нас будет вокзал, — предлагает Арам. У него одна идея — как применить лампочку. — Ночь. Едет поезд...

Железная дорога — любимая игра детей. Рельсы со шпалами быстро покрывают стол. Паровоз лепит Арам, он в этом деле главный спец. Аня замахнулась на «весь вокзал». Маленькими, но крепкими пальцами размазывает темный пластилин по картону — ведь ночь! Прилепляет на него белую лепешку.

— Это лампочка, а это платформа, — показывает на брикет, лежащий на картоне, — ночью все темное. А это — люди, — Аня наставила на брикет кусочки пластилина, — они ждут поезда, но в темноте их не видно.

— Почему же их не видно, если есть лампочка?

— Потому что она пе-ре-го-ре-ла! От нее осталась одна видимость.

— А видимость-то какого цвета?

— Видимого, — не задумываясь, отвечает Арам.

— Не-ви-ди-мо-го. Ты разве воздух видишь? — У Ани резкий голос.

«Я ржавчина, я старая страшная ржавчина», — сказала она как-то о себе.

Безликие существа стоят на платформе.

— А поезд-то где?

— Ушел, — говорит Аня.

— Они на него опоздали?

— Нет, те уехали, а эти приехали.

— Чего же они стоят, домой не идут?

— Когда им надо будет, они и пойдут, — отвечает Аня. — Их, кажется, никто не гонит!

Аня — концептуалист, она работает с символами и знаками, и ее несколько не волнует, что слепленные ею люди похожи на чурбаны. Расспрашивая ее, пытаюсь вызвать в ней желание придать чурбану черты реального человека, но в ее задачу это не входит. Асфальт есть, платформа есть, люди есть, поезд ушел. Что еще

надо? Чтобы у людей были глаза, руки и ноги? Но зачем? Мы же и так знаем, что у них все это есть.

Виталик лепит человечков. Они выходят у него карикатурными: тощими, длинноносыми, в огромных ботинках.

Он и безудержный фантазер, и реалист, и пародист. В руках у пассажиров здоровенные чемоданы. Они отваливаются вместе с руками. Виталик пытается вставить проволоку внутрь тонюсенькой ручки, но пластилин не держится, падает.

— А ты облепи проволоку пластилином, — советую я.

— А готовые руки выкинуть?! — возмущается Виталик. — Раскидайтесь руками.

— В темноте ничего не видно, — вздыхает Катя. Она вошла в образ и воображает себя на темной платформе.

Как-то раз я принесла из дому тяжелый стеклянный шар. Я нашла его на берегу моря в тринадцать лет. Такими шарами удерживают рыбацкие сети. Ураганное море иногда выкидывает их на берег. Нашедшему такой шар обеспечено счастье.

Мы с детьми занялись исследованием свойств указанного шара. Обнаружили, что он круглый, стеклянный, прозрачный, что внутри у него пусто, что у него нет ни конца, ни края, и, поскольку у него нет ни одного острого угла, он катится свободно, а выпирал

бы хоть один угол, он бы цеплялся им за поверхность и не мог бы катиться.

Я накрыла шар красной тряпкой.

— Какой он теперь?

— Круглый.

— Почему?

— Потому что был круглый.

— А если бы мы не знали, что под тряпкой, как бы мы догадались, что там шар?

— Пощупали бы, — сказал Арам, — под тряпкой.

Я выключила свет.

— А какой теперь шар?

— Никакой! — закричали хором.

— Арам, — обратилась я к самому рассудительному человеку в группе. — Какой шар?

— Никакой.

— Почему никакой?!

— В темноте ничего не ви-и-дно-о-о, — расплакалась Катя.

Пришлось прекратить эксперимент.

— Какой формы лампа? — спрашиваю.

— Стеклойной, — отвечает Анечка.

— Как груша, — перебивает Арам.

Виталик выбыл из беседы. Возится с руками и чемоданами. Когда он поглощен делом, он ничего не слышит. Арам всегда все слышит.

Выхожу с перегоревшей лампочкой за дверь.

— Свет похитили! — кричит Аня, та самая Аня, твердившая, что в перегоревшей лампе «нет света». — Из-за вас поезд попадет в аварию!

Возвращаю похищенное. Вокзал заливают свет. В нашем макете железной дороги нет пластического единства: фигуры разномасштабны, рельсы расплзлись по всему столу, где-то в самом углу оказался одинокий вагон, не приставший к составу. Анин «весь вокзал» уместился под лампой.

Виталик с грехом пополам приделал руки с чемоданами к своим «пародиям», усадил их в Катин вагончик. Девочки

У БАНТОВ
НЕТ
ГОЛОВ

водрузили даму с бантами на лепешку с колесами (борта закрыли бы все красоты), лампочка освещает путь, к тому же предусмотрительный Арам соорудил светофор — можно ехать.

Искусствотерапия

Искусство лечит. Творя, дети находят выход «темным страстям». Часто сам рисунок несет в себе «темные страсти»: войны, битвы, танки, бабы яги с кощеями бессмертными, взрывы, пожары. Иногда агрессивное, озлобленное состояние выражается в композиции и отношениях цветов.

Творчество — такая же врожденная потребность, как еда и сон. Рисуя, дети избавляются от того, что их мучает, пугает: от навязчивых состояний, страха смерти и темноты, страха потерять любимую маму или любимого отца. Все эти страхи присутствуют в жизни самых нормальных детей. Когда мы говорим им, что темнота не страшна и смерть не страшна, мы их, во-первых, обманываем, а во-вторых, оставляем наедине со страхами, и они, оказавшись в одиночестве, пытаются «вырисовать» их из себя.

Трехлетний Витя мажет кистью по большому листу и приговаривает: «Рисую зеленую, теперь синюю...» Брызжет кистью на лист — это цветной дождь.

— А сейчас что будет? — спрашивает. — Теперь какой краской, а теперь? — Баба Яга! Какая страшная! Нарисую ёлку. Мы за ней спрячемся.

Теперь Баба Яга носом к елке.

— Нос какой! (Витин не лучше, весь в краске.) Крючком. Мама! — кричит он, замазывая Бабу Ягу зеленой краской.

— Уф, — отдувается, — больше нет Бабы Яги. Посмотрим, где она? Откроем, — делает движение кисточкой, будто открывает дверь. — Там, — сообщает, указывая на сокрытую в зеленой тьме Бабу Ягу. — Заколю ее! — обратным концом кисти колет рисунок. Проводит несколько линий по поверхности. — А теперь медведь получился, нет, серый волк.

Устал бороться с чудищами, привалился к спинке стула. Вдруг вскочил, как бы очнувшись от мрачных мыслей, распластал ладонь на чистой бумаге, вынул из кармана фартука зеленый карандаш. Обвел им свою ладонь, палец за пальцем.

— Раз, два, плачет ручка, мамы нет, папы нет. Не плачь, ручка, скоро придут. А положи сюда, — хватает меня за руку, обводит мою ладонь карандашом, потом соединяет линией обе руки. — И соединились все со всеми! — Витя переводит дух.

Витя впервые остался на занятиях без мамы, он боится, но мужественно борется со своими страхами. «Соединив всех со всеми», он успокаивается. «Не плачь, ручка, мама с папой скоро придут!» Разумеется, он не рисует и не лепит, а играет в рисование и лепку. Лепит он точно так же: нажмет пальцем на ком пластилина — сковородка с ручкой, еще пару раз щипнет — цветок на ножке... Так положено в его возрасте. Но есть серьезные вещи, которыми не играют. И он, трехлетний мальчик, сообщает мне об этом в рисунке.

Темно-зеленое пятно с брызгами салюта, над пятном — лимонный овал, заляпанный коричневой краской. Слабо обрисованы щупальцы медузы...

Белокурый, с редким чубчиком, сквозь который просвечивает большой молочно-розовый лоб, в клетчатой рубашке и брюках на подтяжках — он пришел учиться. Так ему объяснила мама. Вокруг него дети — значит, и они учатся. Но что это такое — учиться? Он не знает, и ему страшно. Страшно, но и интересно брызгать кистью на бумагу, говорить вслух, прятаться от Бабы Яги за елку. И тетя рядом, вот ее рука, на рисунке. Так завязывается контакт ребенка и взрослого. Не просто — через преодоление.

Ребенок мнет в руках глину, пальцы оставляют вмятины. Что это? Ухо. Чье? Зайца. Значит, будет заяц. Но вылепить зайца он не может, снова мнет глину. А это что? Хвост. Чей? Лисы. Значит, слепим лису. Неожиданно у лисы отрастает много лап — тогда пусть будет медуза. И т. д. и т. п.

Для трехлетних детей это нормальный процесс. Но если он продолжается до пяти-шести лет — это тревожный сигнал. Значит, у детей или рассеянное внимание, или нарушение координации движения, или повышенная тревожность — чаще всего всё в комплексе. В данном случае «метонимическая» лепка, не приводящая ни к какому результату, — свидетельство невроза. На каком-то этапе (опять-таки очень важно когда) необходимо прервать цепь бессмысленной работы, помочь ребенку получить хоть крошечный, но результат.

Авдий и Гордей

Как-то к нам в студию пришли два брата-близнеца, Авдий и Гордей. Мальчики с явной умственной отсталостью и птозом — болезнью глаз. Курчавые, большеротые, бледные, смотрят из-под опущенных век.

Завклубом записала их по анкетам, не глядя. Зато, когда увидела их, заявила:

— Отчислить. Я бы не потерпела, чтобы в одном классе с моей дочерью учились дурачки. К тому же все преподаватели недовольны.

— В один класс с вашей дочерью они при всем желании попасть не смогут, — возразила я. — Пусть занимаются. Им это необходимо.

Тогда завклубом держала меня за авторитет — и согласилась.

Дети нормально отреагировали на «странных» братьев. А Машенька даже подружилась с Гордеем и Авдием. Когда Маши не оказывалось на занятиях, братья плакали от огорчения. К счастью, Машу водили достаточно регулярно.

Когда у них что-то получалось, они гоготали и вопили от радости. Но, стоило Машеньке бросить на братьев строгий взгляд, они моментально стихали и брались за работу. Не все шло гладко. Бывали и истерики — когда с таким трудом сделанная вещь ломалось или когда у одного брата выходило, а у другого нет.

Много и продуктивно поработал с ними Рустам, педагог по развивающим играм. С музыкой дело обстояло иначе. Пока вся группа разучивала песню, мальчики ползали по полу. Вполне довольные, возились они под столом, время от времени оглашая класс воплями. Дети не обращали на это никакого внимания, они себе пели сочиненную вместе с Борисом Никитичем песню про кошку под дождем. Потом приходил черед диафильмов, и присмиревшие братья, затаив дыхание, слушали Бориса Никитича, который читал текст за всех персонажей.

— Самое счастливое время в их жизни, — сказал Борис Никитич. — Представляешь, что им предстоит! Да еще с такими именами! Я бы их переназвал.

Навсегда запомнится мне тот день, когда братья слепили настоящих птиц с крыльями из фольги!

— Нет, правда, они сами это сделали? — не верила их мать.

— Да, мы сами, сами!

Маша подтвердила, и Авдий с Гордеем бросились ее целовать. Какие нежности! — вздохнула Маша и отерла щеки.

Прыгалка

По субботам я работаю с детьми в подвале ДЭЗа, неподалеку от метро «Киевская». Время от времени подвал посещают незнакомцы — то опыт перенимать, то проконсультироваться насчет собственных детей. Одна мамаша прослышала, что я занимаюсь с аутистами, и решила привести в группу своего сына. Я сказала ей, что это ошибка. Но она настаивала на своем. Она читала мои книги и уверена, что я справлюсь с Игорем.

Все началось с того, что мальчик одним движением руки смял наш картонный дворец в лепешку, вылил на него сверху бутылку клея и укусил за руку соседку. Дети разбежались по углам. Вокруг Игоря образовалась мертвая зона. Взрослые с недоумением и ужасом наблюдали за «новеньким». Мать Игоря держалась спокойно. Видно, все это ей было не в новинку.

— Расколдуй царство! — вопил Игорь.

Я расставляла на столе бумажные башенки со шпильями. Разыгрывала глупый спектакль перед детьми и родителями. Мол, спокойно, ничего такого не происходит.

— Расколдуй царство! — продолжал свое Игорь.

Стало ясно: Игорь не сможет заниматься в группе. И дорога назад заказана. Придется работать с ним индивидуально.

Жили они на другом конце Москвы. Три часа дороги — ничто по сравнению с теми испытаниями, которым подверг меня Игорь в первый месяц занятий. Стоило мне начать лепить, он взбирался на стол, ложился на него животом и бил по нему ногами. А то набрасывался на меня со спины и валил со стула. Руки у него были сильные и ногти острые.

Игорь умел читать, писать и считать. Впервые я столкнулась с живым существом, в котором не было ни любви, ни сострадания. Но ведь когда младенец тянет мать за волосы и норовит ткнуть пальцем ей в глаз, он тоже не помышляет причинить ей боль, он стремится к взаимодействию.

Иногда Игорь выхватывал у меня из рук пластилин, сжимал его в кулаке и бросал в коробку. Однажды он, стоя за моей спиной и выжидая момент, когда я уткнусь в пластилин, набросил мне на шею прыгалку и стал душить. Пытаясь высвободиться из удавки, я ударила Игоря. Раздался истошный крик. Прыгалка упала на пол, а Игорь продолжал кричать. Прибежала его мама, но я не пустила ее в комнату. Истерика продолжалась. Он катался по полу, рычал, плевался, выл, скулил. И, наконец, затих. Я села на пол, против него.

— Все прошло, Игорь, — сказала я ему, — все прошло.

Испорченные экземой ладони с болячками на костяшках пальцев медленно сползли с лица, будто бы снимая с него маску.

— Все прошло, — повторяю я, глядя в его испуганные, но прозревшие глаза. — Будем лепить.

Игорь раскрывает коробку. Он услышал меня.

— Что лепить?

Так состоялся наш первый разговор.

Пальцы у Игоря сильные и при этом бесчувственные. Так что мы лепили ладонями — катали по столу предварительно размятые кусочки пластилина. Круговые движения Игорю не удавались. Но «колбаски» и «огурцы» — запросто. Прилепить их друг к другу, чтобы получилось хотя бы подобие гриба, — это дело оказалось для него совершенно неподъемным.

Мы позанимались с ним минут пятнадцать, и я сказала, что мне пора. Он прикоснулся к моей руке пальцем.

Я шла к метро по той же дороге, через пустырь и новостройки, но ощущение было такое, словно я иду по ней впервые. Самое главное теперь — это не бояться войти в этот дом снова. Ни в коем случае не бояться. Иначе все пойдет насмарку.

Коробке пластилина, которая столько времени служила мне щитом, теперь предстоит выполнить прямую функцию. Лепка — это непосредственное, тактильное взаимодействие с материалом. Лепить — значит придавать форму как воображаемым предметам, так

РАСКОЛДУЙ ЦАРСТВО

и абстрактным понятиям. Лепка для аутистов — лечебный процесс. И не только потому, что она развивает тактильные чувства, но и потому, что она слепляет разрозненное в целое.

Но что лепить с ним? Цифры из «колбасок»! Он ведь постоянно все считает!

«Материализация знаковой системы» оказалась весьма продуктивной — в работе были задействованы пальцы. Мы лепили крупные цифры, возня с мелкими формами привела бы его в раздражение.

При всем при этом Игорь вовсе не превратился в ангела. Его агрессия перенеслась на Трезора, маленькую собачку, которую он и прежде чуть что пинал ногами, а теперь, как рассказывала мне его мама, зlostным образом истязал.

Я решила сыграть с Игорем в опасную игру. Долгими совместными усилиями мы превратили «огуречики» и «колбаски» в Трезора.

Я выждала паузу — пусть полюбуется на «свое создание», а потом сказала:

— Сейчас я одним ударом расплющу твою собаку! — И занесла руку над жертвой.

— Нет! — закричал он и кинулся спасать «Трезора».

Так в его скудном словаре эмоций появилась новая — сопереживание.

Игорь смог поступить в нормальную школу, пока у него свободный режим посещений. Мать Игоря прекрасно понимает, что ее сыну предстоит непростая жизнь. И она делает все, чтобы ему помочь.

Но что заставило меня ездить на другой конец города и выдерживать еженедельные пытки? Положа руку на сердце, первые месяцы я не испытывала добрых чувств к Игорю. И лишь в момент перелома, когда мы сидели с ним друг против друга, между нами возникло сочувствие. Совместное чувство. Может быть, та внутренняя борьба, которая происходила между нами (он активно нападает, я пассивно защищаюсь), могла бы закончиться быстрее, если бы я не приняла позицию обороны? Кто знает. Главное, мы не сдались и выиграли бой. Вместе.

Станционный смотритель

Вот пришли на первое занятие четырехлетки. На столе уже выстроены железная дорога, столовая, зал ожидания, в вагонах едут зайцы с морковками через плечо, а на скамейках в зале ожидания сидят пластилиновые пародии с чемоданами и коробками. Чего нам не хватает? Нам не хватает дома, где живет станционный смотритель.

— Станционный смотритель, — зачарованно повторяют дети.

— Сейчас накатаем бревен, настругаем досок и построим двухэтажный дом. — Говорю, а сама приглядываюсь к новеньким. Вижу всех: робких и смелых, шустрых и флегматичных, тревожных и уравновешенных.

Маленькая девочка с косами лепит рывками, тычками: возможно, она заика — нарушение речи связано с нарушением моторики. Сажусь рядом с ней. Она смотрит на меня изучающе — глаза с длинными ресницами часто моргают. Ее зовут Лина — это я узнала из анкеты. На каждого ребенка есть анкета с фотографией. Чтобы подлизаться к Лине, украдкой от остальных подсовываю ей красный фантик и две пуговички «на украшение». Девочка действительно заикается. Убедившись, что она доверяет мне, я кладу ладонь на ее руку, и мы вместе лепим. Необходимо из урока в урок «перелепливать», «сглаживать» движения. Тем же самым мы займемся с ней и в рисунке — научимся рисовать линии, не отрывая карандаша от бумаги.

А вот тревожный ребенок — в рабочем халатике, с нарукавниками. Скорее всего, он боялся идти в студию, и умные родители нарядили его в костюм. Форма, фартук, рабочий халат — часто вид приманки. Это все равно, что прийти на маскарад в маске. Играть легче, чем быть самим собой. Крохотуля в халате до пят все время сползает со стула, похож на перепуганного хомячка. Втянул голову в плечи, тычет пальцем в пластилин, а сам все озирается, прислушивается к шагам за дверью — может, это мама и она заберет его отсюда. Руки так и просятся погладить ребенка, но я не даю рукам воли. С такими детьми надо быть настороже — чтобы не спугнуть. Попробую просто поболтать с ним:

— Павлик, ты, видно, много каши съел с утра, у тебя уж очень руки сильные (раз он в рабочем халате, то он и чувствует себя

человеком взрослым, сильным, может быть, даже могучим). Ну-ка, можешь дырку проткнуть пальцем, с размаху? Подставляю мишень — тонкую пластилиновую лепешку.

Смерил меня взглядом: мол, стоит ли затеваться? Но протыкать дыры — дело заманчивое, эх, была не была! Павлик зажмуривается и вонзает палец в «мишень».

— Я же говорила — силач! Тогда выручи нас — нет у нашей станции начальника. Поезда устали стоять на рельсах, в столовой все так объелись, что со стульев не могут подняться, в зале ожидания дети стали плакать — им хочется ехать, а поезд без разрешения начальника не пускают.

Павлик слушает заинтересованно. Оказывается, от него все зависит; значит, он не просто так пришел сюда в халате, а для дела.

— Слепи станционного смотрителя!

Озадачила человека. Пусть думает. Ему уже не тревожно, он расслабился, а дом меж тем не продвигается. Бросаю клич: «Бревна, доски — всё ко мне!»

Повскакали, несут «стройматериалы». Раз они не боятся встать, подойти ко мне, значит, обживаются в новой, непривычной среде. Это важно.

— Я слеплю жену начальника, — сообщает Вика-толстушка (ловко она переделала «станционного смотрителя» в прозаического начальника!). — Потом детей начальника слеплю.

На первый взгляд девочка благополучная. Но и дети из непрочных семей часто лепят «всех» — брата, сестру, бабушку, папу. В порядке компенсации.

Строю дом, смотрю на Лину — та снова рвет пластилин. Приходится оставить дом и заняться Линой.

— Это будет большая дверь, — приговариваю ей на ухо, — мы сейчас ее покрасим, ровно-преровно...

Спокойное приговаривание помогает. Покрыли ровным слоем пластилина полдвери, теперь сама.

— Я слепил, — Паша завернул целый брикет в фантик.

— Что это?

— Начальник. Холодно, вот он в одеяло и закутался.

— Как же он будет командовать, из-под одеяла?

— Он спит. Проснется, и тогда.

Павлик ликует: соорудил целого начальника!

— Вот ему подушка, — Витя тянет через весь стол руку с пластилиновой подушкой.

Теперь наш начальник спит чин чином, правда, в недостроенном доме, зато на подушке, на простыне и еще одеялом укрыт — девочки позаботились.

— Какой лентяй, все спит и спит, никому ехать не дает! — бубнит под нос Павлик.

— А пусть жена начальника за него поезд отправит, — предлагает Витя, бледный, анемичный мальчик.

Он сидит сложа руки, смотрит, как я строю дом. Ну и что? Есть дети, которым по душе неторопливое, спокойное вживание в новую атмосферу. Возможно, дома Витя привык повелевать игрушками: «Пусть машинка поедет, пусть кукла глаза закроет, пусть жена начальника руководит железной дорогой».

Прилепляю к стене лепешку — балкон, ставлю на него жену станционного смотрителя, то бишь начальницу.

— Пусть она с другой стороны стоит, ей паровоза не видно.

— Тогда нужен второй балкон.

Витя присмотрелся к моему балкону, понял — дело нетрудное — и соорудил второй балкон сам.

— Это ребенок станционного смотрителя, — показывает Вика новую работу.

Что это! Пластилиновый гроб из брусков, в нем — голова ребенка с пустышкой во рту, на туловище — два цветка.

— Подождите, я колеса приделаю! — Вика приделывает два колеса.

Лепила коляску — вышел катафалк.

— Почему у него цветы на животе?

— А потому что я умею такие розочки делать, меня бабушка научила.

Понятно, Вика не вкладывала в работу «тайный» смысл — она решила продемонстрировать разом все, что умеет. А умеет — лепить розы, пустышку и ребенка! И все-таки что-то встревожило меня в этой скульптуре. Надо обратить внимание на Викиных родителей.

— Давай оставим коляску во дворе, а ребенка положим в кроватку, — предлагаю Вике. Не соглашается:

— Ребенок начальника ждет свою маму на улице — она поедет с ним гулять в парк.

ПУСТЬ
ЖЕНА
НАЧАЛЬНИКА
РУКОВОДИТ
ЖЕЛЕЗНОЙ
ДОРОГОЙ

Мысль о парке понравилась: в парке соорудим качели, карусели, детский городок. Размечталась и не заметила, что дети стали ерзать. Значит, устали и надо поиграть с ними — запустить поезд. Сколько можно есть в столовой и ждать в зале ожидания! Архитектура дома станционного смотрителя — типичное Арт-Нуво.

Наверное, из-за натиска декора. Очень смешно смотрится дом станционного смотрителя на фоне безалаберной станции. Что ж, каков хозяин — лентяй и соня, — таково и его хозяйство. Для него махину отгрохали, а он спит и нет ему дела до железной дороги!

В последнее время я часто оказываюсь с детьми на вокзале. Видимо, мечтаю о взаправдашнем путешествии. Вот бы сесть в поезд, разложить на столике жареную курицу с помидорами, помешивать ложкой жидкий чай в стакане и ехать-ехать, все равно куда.

Увидел — отрази!

Я имела удовольствие целый год бок о бок проработать с маститым педагогом по живописи, его опыт советовали перенимать и внедрять. С урока живописи дети приходили на лепку. После недельной обработки их было не узнать. Они в нерешительности глядели на глину и ждали указаний. Что с ними стряслось? Я решила заглянуть в соседний класс во время урока. И вот что я увидела: родители сидят рядом с детьми и все время их погоняют — махай скорее кисть, рисуй, ты же видел, как дядя показывал ветку... Ребенок неуверенно проводит линию, но тут родитель, обнаруживший, что у соседнего мальчика уже все готово (там мать приложила руку), выхватывает у своего дитяти кисть и завершает задание. Программа напряженная, и все надо успеть.

Химичев (назовем его так) обожал природу, и, чтобы вдохновить детей, он перед началом занятий показывал слайды. Все как один должны были вдохновиться и, как только включают свет, быстро пустить в ход скопившееся во тьме вдохновение.

— Увидел — отрази! О чем размышлять?! Все показано. Рисуем ромашку — серединку желтой краской, лепестки беленькие, стебель

зеленый. Колокольчики сегодня не рисуем, это тема следующего урока. Вообразить себе, что какой-то ребенок не хочет рисовать ни ромашку, ни колокольчиков, невозможно. Это урок, а не самостоятельность.

Слово «самостоятельность» было самым бранным в лексиконе Химичева. Педагогов студии он распекал именно за самостоятельность. Собрав нас у директора в кабинете, он отчитывал нас за отсутствие профессионализма. Главным грехом было то, что мы не воспитываем в детях чувство патриотизма через любовь к природе и родному краю. К тому же дети, по его мнению, должны носить на груди таблички с именем, фамилией и номером группы. Иначе, убеждал маэстро, запомнить учеников невозможно. Но мы помнили не только имена детей, но и другие, с точки зрения Химичева, излишние подробности их жизни. Директору идея понравилась: детишки под номерами, и все любят природу.

Родители смотрели Химичеву в рот, обрамленный густой бородой и усами, и вместо детей выполняли домашние задания. Они прилежно рисовали огромных лебедей и приносили их в студию. Химичев расстилал в холле клеенку, и родители клеили на нее лебедей – получалось грандиозное панно, которое занимало почетное место на стене. Затем панно «Богатыри». Старательно выпиленные и вырезанные родителями мужи в шлемах украсили стену у кабинета директора: слава богатырской силе начальства!

«Лебедей» и «Богатыри» затмили наши скромные педагогические победы.

А что же дети? Склонные к конформизму, они поверили в то, что все эти красоты на клеенках — дело их рук. Честное меньшинство стало нервным, все чаще слышалось: «А помогите мне, а я не умею...»

Химичев покусился и на лепку. Велел детям из всего пластилина, что в коробке, накатать колбасок и принести на следующее занятие. Из стройматериалов вскоре руками родителей были созданы колокольни, крепостной вал и избушки.

С приходом этого светилы все пошло прахом. Студию при школе искусств закрыли, Химичев сместил глупого директора и занял его место.

Откопали богиню

Мы — в Пушкинском музее. Останавливаемся в Греческом дворике, у макета Акрополя.

— Представьте, — говорю я, — какой это огромный дом, если все эти люди (показываю на античные статуи у стен) там помещались. Да что помещались, рядом с этими стенами они казались лилипутами.

— Или муравьями, — развивают дети тему.

Детей поражают размеры: «Смотри, какая громадная, а этот еще больше, а по-взаправдашнему все они маленькие, раз поместились в этом доме».

И — первый вопрос по существу:

— А кто эта тетя?

— Афродита — богиня красоты. Ее откопали.

— Лопатами?

Моего ответа дети не слышат. Обступают богиню красоты и, конечно же, не могут понять, почему она богиня и почему — красоты. Глаза богини не смотрят — «У нее что, глаза заклеены?», она не улыбается и вся белого цвета.

— Считается, что она самая красивая. Все девочки хотят быть на нее похожими.

И я рассказываю (конечно же, все обратились в слух, поскольку я не просто сообщаю сведения, а раскрываю тайну) про канон «красоты». Глаз по длине должен уместиться между глазами, нос трижды укладываться в лице, расстояние между подбородком

и носом равно длине носа и расстоянию от переносицы до лба. Показываю, как прищуриться, вытянуть руку и промерить лицо Афродиты. Я прекрасно понимаю, что размеры эти для них — филькина грамота, но само «измерение красоты» увлечет их, как всякая игра.

Получилось — девочки у нас все канонические красавицы (хотя на детское лицо «взрослый» канон не распространяется), и теперь очередь мальчиков. Рядом — Аполлон. Никто не спрашивает, почему он голый, почему здесь почти все голые. Наша задача — убедиться: мы соответствуем идеалу красоты, причем все до единого.

— Хорошо, что их всех раскопали, — говорит кто-то. — И этот дом, — дети снова обступили Акрополь. — Хорошо, что его сделали.

После музея все проголодались. Пирожков в «Пирожковой» не оказалось, зато были пельмени. Дети уплетали за обе щеки. Их очень забавляло, что в Пирожковой не пирожки, а пельмени. Тогда столовую надо назвать «студевая» или «студная», а кино — театром. «Пирожковая» с пельменями заняла почетное место в наших любимых воспоминаниях.

В результате посещения музея дети поняли, что скульптура — это не игрушка, а что-то большое, прочно стоящее на тверди. Нескольких уроков подряд они лепили «памятники» на постаменте. Скульптура заняла свое место в шкале понятий.

Деталь

— Посмотри, это я сама придумала! — Дочь встречает меня у порога с пластилиновой лягушкой в руках. Вместо глаз у нее лампочки от фонаря. Они-то и натолкнули ее на мысль о лягушке. Раньше у нее не получалось вылепить лягушку, а теперь вышла как вылитая!

«Открытия» запоминаются. Недавно сын спросил меня, как делают бумажные цветы. Я не помнила. Хотя нас учили в школе делать гвоздики. Зато я хорошо помню, как лепить цветы. Я додумалась до этого в детстве своим умом: скатать колбаску, расплющить, сделать из пластилиновой ленты расческу, закруглить зубцы, свернуть ленту в трубочку и отогнуть «лепестки» — выйдет роза. Наверное, точно так же надо поступить и с бумагой. Попробовали — вышла роза.

В детстве я придумала, как лепить разные цветы, даже мимозу. Накрошить желтых шариков, прокатить по ним зеленым стеблем, крошки налипнут — вот и мимоза.

Детям это можно подать хитро, как загадку: «Я задумала одну вещь, красивую, все ее любят. Если сделать то-то, то-то и то-то (перечисляю операции), то она выйдет».

— А задумайте одну вещь, — часто просят меня дети. Я начинаю: «Скатайте колбаску, расплющите...»

И начинается гадание, но одной детали для отгадки недостаточно. Это может быть перо фазана, жар-птицы, петуха, ложка, вилка, нож, грабли, санки...

Эле не удастся вылепить человека. Не выходит — и все тут. Я заметила, что Элю привлекает все блестящее, маленькое и кругленькое. На этом можно сыграть.

Раздаю детям по две бусинки.

— Это — глаза. А остальное — долепите. — Так я говорю, прекрасно понимая, что остальное придется не долепить, а вылепить.

Эля пристреливается к бусинкам. «Как же это долепить?» — думает она, выбирая пластилин для головы. Девочка сложная, с амбициями, от помощи взрослых отказывается наотрез. Наконец готов шарик-голова. Эля вклеивает в него бусинки и уже видит в шарике с круглыми блестящими бусинами человека. Видит! Разбужено воображение, к тому же пропал страх, что не получится так хорошо, как у остальных, и она уверенно разрезает пластилиновый брикет на части, чтобы долепить туловище, руки и ноги.

С детьми постарше я задумала вылепить «читающего человека». Сидящего на стуле или на чем угодно. Для этого раздала всем квадратики из газетной бумаги. Играем в библиотеку. Все читают газеты. Газеты настоящие. Будут настоящими, если сложить квадратик пополам. Теперь к газете надо долепить читающего человека.

Фантики, свернутые в кульки, — клоунские шапки. Дело за пустяком — надеть эту шапку на клоуна. Пружинки — хвосты мышей. К хвосту уже ничего не стоит приделать туловище мыши.

ЗАЯЦ
ЗАБОЛЕЛ,
ЕГО
ЗАКУТАЛИ
В ОДЕЯЛО

«Живая» деталь — это протянутая рука: ухватись за нее, и она поможет долепить недостающее. Она возбуждает воображение и снимает страх перед предстоящей трудоемкой работой.

Очень скоро дети начинают рассказывать мне, что можно сделать с ореховой скорлупой или камнем. Они приносят на занятия мешки со всякой всячиной, и мы играем, все более усложняя задачу. Например: как найти кота в мешке?

И вот из бумажек, бусинок, проволоочек возникают коты небывалой красоты. Так, начав с детали, мы переходим к конструированию цельной формы.

Человет в шатке

Майские дни. Гостеприимный дом Никитиных. Сорок взрослых, разделившись на группы, размышляют на тему «Ребенок в детском доме». Общая беда свела директоров школ, домов ребенка, психологов, социологов, писателей, работников телевидения и прессы. Никаких командировочных (дни-то праздничные!) — сложились по трешке на обед, ночевали где придется.

С нами приехали и наши дети. Окунувшись в дружелюбную, свободную, но рабочую атмосферу, они занялись каждый своим делом, стихийно разбились на группы «постарше-помладше».

Поскольку наша группа «заседала» не в доме, как остальные три, а в саду, то все дети крутились возле нас. Старшие возились в огороде, катались на велосипедах, младшие качались на качелях и играли в песочнице.

Особенно забавной была одна малышка: кудрявая, большеротая, она падала на каждом шагу, деловито отряхивалась и падала снова. Было видно, что каждый шаг по двору что-то менял в ее представлении о мире. То уткнется в комок земли и долго пристально глядит на него огромными круглыми глазами, то замрет у ветки с набухающими почками и смотрит, смотрит... Затем она подошла к скамейке. Рядом со мной лежала коробка пластилина. На всякий случай. Малышка безо всяких церемоний вынула брикет из лунки, повертела в руках и изрела:

— Человет.

Оторвав от другого брикета кусочек, возложила его сверху на «человека» и пояснила:

— Шатка.

— А где глаза у человека?

Малышка отщипнула от уже надломленного брикета два кусочка и прилепила их под шапку. Потом, без моей подсказки, надела пальцем с боков — вышли «рути». Ноги прилепила так же, как глаза.

Схватив вылепленного человека, помчалась к маме. Разумеется, мама была изумлена: Нюсе два с половиной года, она и в глаза-то пластилин не видела, а слепила человека.

На глазах у мамы она налепила «человечков в шатках» и приказала:

— Садить!

Ведь мы сидели на скамейке, значит, и ее «люди» должны сидеть.

Важно ли Нюсе, что эти бревноподобные существа не похожи на людей? Да она этого просто не замечает. Созданная Нюсей модель человека отвечает ее представлениям о данном «предмете». Сначала она увидела в пластилиновом брикете всего человека, а затем обозначила главные черты. Нюся смотрит на мир во все глаза, она бежит и все трогает. Вот она и слепила глаза, руки и ноги.

Ну а что шапка? Шапка не главный орган, вообще не орган. Видно, с «шаткой» что-то связано. Какую-то особую роль играла шапка в жизни Нюси. Мама объяснила: у девочки хронический отит, приходится держать уши в тепле. Ей это не нравится. «Косынки она все с себя сдирает, а потом я связала ей мягкий розовый чепчик, и она его так полюбила, что, даже ложась спать, кладет под подушку».

Нюся сделала рывок, а мы в своих прениях не продвинулись ни на йоту. Не сможем мы внедриться в систему детских домов, нас и близко к ним не подпустят.

Тетя Мотя

Сегодня за меня работает тетя Мотя — наперсток с глазами, носом и ртом, обвязанный тряпкой-косынкой и надетый на мой средний палец. Указательный и безымянный — тети-Мотины руки. Тетя Мотя мечтает побывать вместе с детьми в стране Фантазии, прогуляться по небывалым горам и лесам, повидать то, чего без фантазии не увидишь.

Но сейчас ее особенно заботит шестилетний Коля. Дома ему не разрешают ни лепить, ни рисовать, чтобы не пачкать мебель, его главный воспитатель — телевизор. При таком «воспитании» мальчик растет трутнем, на занятиях жует ароматную жвачку и не желает марать руки. Ничего не делая, он, разумеется, много разглагольствует. Но с тетей Мотей не поговоришь — тугоуха. Вот этой тугоухой старухе взбрело на старости лет посетить страну Фантазию. Она подсела к Коле, смотрит на него, сложив в мольбе руки.

— Коля, как я мечтаю попасть в твою Фантазию! Ты, Коля, оказывается, большой мастер. Говорят, правда, кто-то заколдовал твои руки и будто они ничего не желают делать. Но это, может, учительница так думает, а я, тетя Мотя, в тебя верю. Возьми-ка ты, Коленька, пластилин (тетя Мотя вкладывает в Колины руки пластилин) и отщипни зернышко (Коля отщипывает). Теперь посыпь-ка сюда (тетя Мотя указывает на картон), и вырастет из этого зернышка дерево Всех Волшебств...

Завороженный тети-Мотиной речью, Коля вытягивает ветви из брикета.

Вместе с тетей Мотей мы ходим по классу (разумеется, тетя Мотя от меня ни на шаг не отступает), который уже успел превратиться в фантастические дебри.

— Это хвост канарейки, — указывает девочка на ком пластилина с торчащим из него отростком, — столько их набилось в пещеру,

что одной не хватило места, вот она и выставила хвост наружу. По хвосту узнают, что канарейки внутри, и освободят их из пещеры.

Тетя Мотя охает и ахает, а сама поглядывает на Колю. Тот все лепит и лепит. Браво, тетя Мотя!

Ключ в кармане

Мальчик в ступоре. Его привели на консультацию к психологу. Бледный, растерянный ребенок наотрез отказывается от тестирования. Пока психолог беседует с родителями, ребенок сидит в стороне. Сажусь с ним рядом, спрашиваю:

— Любишь в машине кататься?

Кивает. Достая из кармана ключ от своей квартиры, даю ему.

— Зачем?

— Это ключ от машины. Хочешь, пока твои родители разговаривают, мы с тобой прокатимся?

— Хочу.

Не ожидала, что согласится. Но раз согласился — мы на верном пути.

— Отпирай машину, — командую.

— А где она? — беспомощно озирается мальчик.

— Да где, в бумаге, — острием карандаша ставлю на листе точку. — На грузовике или на «Жигулях» двинем?

— На «Жигулях».

— Так где же они? — спрашиваю я и протягиваю ему карандаш. — Машина — это ящик на колесах. Подавай прямо к подъезду. У тебя какой подъезд?

— Второй.

— И у меня второй.

Тонкая, нерешительная линия выползает из-под руки. Для семилетнего мальчишка слабовато, но вот уже тверже — круги колес.

— Дверцу с замком, вот здесь, а то куда мы ключ-то вставим, да и выйти нам нужно будет, вдруг укачает. Тебя укачивает?

— Нет.

— А меня укачивает. Дверца мне необходима. Машина готова. Отпираем ее моим ключом — чик-чик, садимся и едем. Куда?

— Рыбу ловить, — говорит мальчик. Значит, он любитель рыбной ловли.

— Нарисуй-ка, какую мы с тобой рыбу выловили.

— Мы еще не выловили, мы же пока едем.

Рисуем дорогу. Линия становится уверенной, мальчика отпускает тревога. Наверное, и взрослому было бы жутковато оказаться в большой комнате с чужим человеком, который предлагает описать картинку, запомнить столько-то слов и нарисовать рисунки на такие-то темы! Разумеется, у родителей были причины, заставившие обратиться за помощью к психологу, но мальчику-то от этого не легче.

Ключ от моей квартиры открыл машину, заставил ее ехать по дороге. Ясно одно: ребенку можно помочь. А все, что с ним происходит (считается, что он отстаёт в развитии), происходит по единственной причине — к нему не подобрали ключа. Мне повезло: ключ лежал у меня в кармане.

Рюкзак с дорогами

Пятилетний Саша вместе со своими спортивными родителями участвует в кроссах, получает призы на соревнованиях. Лепит все массивное — если верблюда, то непременно из всей коробки пластилина. У него сильные руки. За двадцать минут ему удастся смешать все цвета в один, коричневый. Лишь желтый брикет остается нетронутым.

— Это на горбы, — поясняет шепотом.

Коричневый верблюд с желтыми горбами был продуман им наперед.

Я познакомилась с Сашей в гостях. Этот белобрысый голубоглазый Аника-воин отлупил мою дочь и заодно целую гвардию детей. Урезонить его было невозможно. Я двинулась на поиски родителей драчуна.

На зов откликнулась молодая женщина, кормящая ребенка в углу кухни. На столе — объедки с праздничного стола, гора тарелок, салатниц и пепельниц с окурками, в соседней комнате — визги и плач, а мадонна кормит себе пухлого младенца — щеки из-за спины видать, ручки-ножки в перевязочках... Меня сразила безмятежность молодой матери.

Мы часто вспоминаем обстоятельства нашей первой встречи. Как выяснилось, Инна специально пришла в гости к нашим общим

знакомым, чтобы со мной познакомиться. Она прочла «Освободите слона» и решила отдать мне в обучение старшего сына.

Они приехали на занятия втроем. Видимо, младенца не на кого было оставить. За спиной у Саши — рюкзачок.

— Что же у тебя в рюкзачке?

— Дороги, — шепотом ответил бывший забияка.

Что это, затишье перед бурей?

Саша развязал рюкзак и вынул из него мешок с цветными пластиковыми лентами.

Сдвинув стол к окну, мы принялись прокладывать дороги в будущий город. Дети ползали по полу, катали по пластиковым лентам наспех вылепленные машины, Саша соорудил светофор. Город строился, а я все смотрела на мальчика и его мудрую маму, сообразившую снабдить сына мешком с дорогами.

— Почему он так буйствовал тогда? — спросила я у Инны.

— Потому что он попал во взрывную обстановку.

Саша — необычайно восприимчивый ребенок. Иногда он «вдруг» начинает драться — и не унять, иногда «ни с того ни с сего» отказывается от пищи — и не принудить к еде, иногда он впадает в долгую задумчивость — и ничем не отвлечь.

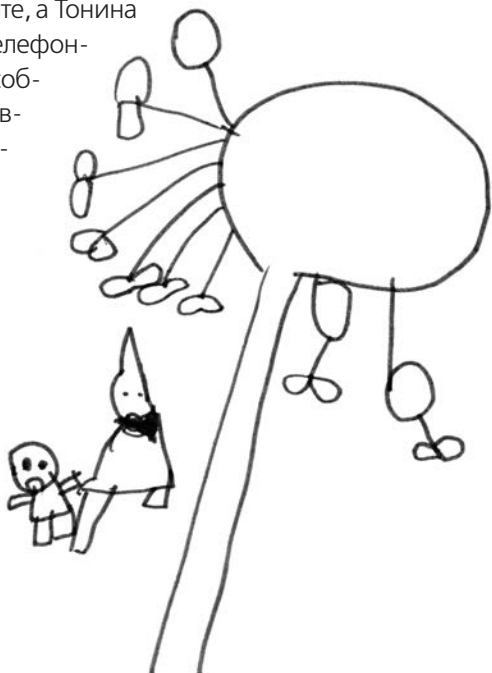
Как-то мы всей группой «перекочевали» из студии в квартиру Тони (о Тоне еще будет рассказ). В силу семейных обстоятельств мама не могла возить Тоню в студию, а для девочки наши занятия были единственной отдушиной.

Мы занимались в большой комнате, а Тонина мама сидела в кухне и проверяла телефонной трубке очередные коллизии собственной жизни. Иногда, спохватившись, она заглядывала к нам в комнату. Взглянет — и уйдет.

Тоня уговаривала маму присоединиться к нам. «Ну сделай хоть одну монотипию, смотри, как это просто!»

Тонина мама долго отказывалась, но Тоня настояла на своем.

Витя во все глаза смотрел на строгую женщину в вязаном

сером платье. Казалось, он физически ощущал исходящую от нее тревогу.

— У меня ничего не выйдет, — заявила она, присаживаясь рядом с Сашей. — Или выйдет полный мрак.

Затаив дыхание, следил Саша за тем, как Тонина мама макает кисть в банку с гуашью. Его глаза темнели, когда кисть окуналась в черную краску, и из его груди вырывался вздох облегчения, когда в ход шли светлые цвета. Так он сопереживал, так ему не хотелось, чтобы вышло «что-нибудь мрачное». Получившийся оттиск был и верно темный, с красными вкраплениями. Куда девались желтое, оранжевое?

— Ну вот, я же сказала, мрак. — С этими словами Тонина мама вышла из комнаты.

Оставшееся время Саша ничего не делал, сидел за столом и возил руками по коленкам. Наверное, он думал о взрослой жизни, полной неизъяснимой печали. Атмосфера безысходности, тоски привела в смятение пятилетнего мальчика.

По дороге к метро я спросила Инну, не вернуться ли нам в студию.

— Нет, Саша справится с ситуацией. А Тоне без нас будет очень плохо...

В рюкзаке, который собрала Инна сыновьям в путь, — много дорог. Есть из чего выбрать. Выбор — задача самих детей. Он должен быть свободным.

Эклектика

Работы детей эклектичны. Они смешивают глину с пластилином, лепят цветные бумажки с перьями, словом, сочетают несочетаемое.

Считается, что цветной пластилин «дробит» форму, и детей надо сразу приучать к глине. Но ведь цвет и форма пока еще для них нерассторжимы. То, что невозможно выразить в пластике, дополняется цветом. Дети не умеют передавать глубину ни в рисунке, ни в скульптуре. Они не понимают, что глаза — в глазницах, а под кожей — череп. Поэтому вместо глаз они ставят пластилиновые точки по обе стороны носа.

Цвет — обозначающий элемент, форма — значащий. Работы из глины, нераскрашенные, как правило, их не удовлетворяют. Чтобы расцветить форму, они вклеивают в глину бисер, пуговицы, фольгу, пластилин.

Но посетите выставки детского творчества и вы увидите мертвую глину и покрытые лаком чурки с шишками и желудями — поделки из природного материала! Что нужно сделать с детьми, чтобы они научились производить такую мертвечину?!

Несвоевременное обучение мастерству — серьезная преграда для творчества. Осваивая приемы, ребенок учится тому, как делать вещь, он уже не думает о том, зачем он ее делает. «Посильная» задача сделает из него ремесленника. Творец же бьется над решением «непосильных» задач.

Предположим, ребенок научился лепить слона, похожего на слона. При этом он не освоил формы. Как ребенку понять, что внутри всякого четвероногого — остов, что малейшее движение все меняет, что если слон поднял ногу, то корпус его сдвинулся в противоположную сторону?

В свое время он все это узнает. Сейчас он находится совсем в другом процессе. Он ищет средства выражения. Чтобы выразить улыбку, он лепит дугу и прилепит ее к шарiku (голове) углами вверх, он не заметит, что при улыбке набухают щеки и обостряется подбородок, но, даже если бы он и обратил на это внимание, он передал бы это совсем другим образом.

С фактурой дети обращаются чрезвычайно свободно. Принес ребенок на урок игрушечную лошадку. Приделал к ней пласти-

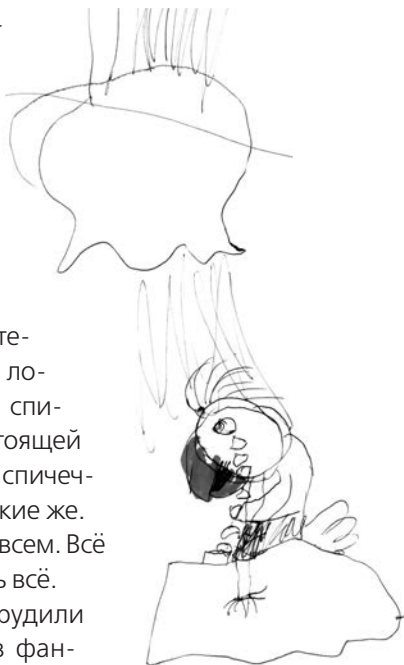
линовые сани, посадил в сани человечков и катает по столу. Все просто: была у него в кармане лошадка, чего бы не покатать на ней пластилиновых человечков? Вот только снега на столе нет. Из чего снег сделать? Белый пластилин недостаточно бел, бумага для снега не подходит, нужна вата.

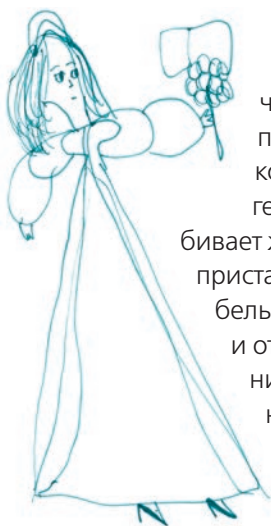
Нашли вату. И вот уже стол в снегу, и теперь все хотят лошадку. Учимся лепить лошадей. Одна девочка сделала сани из спичек. Всем понравилось. Мальчик с настоящей игрушечной лошадкой позавидовал спичечным саням, спросил спичек и сделал такие же.

Закон преображения: всё может стать всем. Всё годится для всего. Всем можно заменить всё.

Мы задумали устроить пир. Соорудили стол из ящика, покрыли скатертью из фантиков, вылепили посуду и еду. Пир — значит, гости. Гостей надо рассадить. А у нас кончился пластилин. Из чего слепить стулья? Есть медная проволока, бумага и фломастеры. За один урок мы научились мастерить стулья из проволоки с сиденьями из бумаги. Нарисованных и вырезанных гостей усадили на стулья, и вышла такая композиция: пестрый стол с цветными пластилиновыми тарелками и яствами (японский торт, китайское пирожное — «заморскость» вполне возмещает несовершенство кондитерских изделий), стулья из медной проволоки и бумажные рисованные сладкоежки.

У нас свои ценности. Например, коробка из-под конфет ассорти. В ней есть коричневая прозрачная прокладка с углублениями для конфет. Если вырезать «пасочку» в виде клубники или прямоугольника, то считай, что у ребенка в руках балкон, верх от коляски, таз для посуды, блюдо, тачка без колес, черепицы крыши и еще много чего. Если даже ничего не вырезать, а взять и соединить проволокой четыре такие вкладки, получится современный многоэтажный дом. Во дворе-колодце качаются на качелях пластилиновые дети, пластилиновые старики забивают «козла» у подъезда.

Дети любят белый цвет, а их учат делать фон, чтобы потом рисовать по нему красками. Они послушно замалевывают лист краской, ждут, когда она подсохнет, и на «испорченной» бумаге рисуют то, что им велели. Да, белый цвет разбивает живописное пространство. Но ребенок, если не приставать к нему с фоном, сам не станет уничтожать белый цвет. В детской живописи белое расцвечено и оттенено чистыми красками, это яркая, праздничная живопись, а не блеклые работы с фоном, где все колористически выверено: теплые тона — холодные тона.

Я пишу, а дочь, примостившись рядом, рисует пейзаж с дорогой. Все цветное, посреди дороги белое пятно с глазами, носом и ртом. Что это? Лицо дороги. Пятно яркое, оно разрезает композицию надвое, но зато как выразительно!

По рельсам едут лепешки о четырех колесах с окнами. Девочка знает, что вагоны упираются четырьмя колесами в две рельсы, а у нее они стоят на одной рельсе. Но ведь понятно, что это! Я могу показать ей, как сделать настоящий вагон, — долепить три недостающие плоскости, дно и еще два колеса. Но зачем? Она же меня об этом не просит.

Саша, тот, что принес рюкзак с дорогами, балансирует между двухмерным и трехмерным пространством. Вот какая у него вышла скульптура: милиционер подходит к машине, а машина и шофер в ней вылеплены в рельефе. Мальчик скомпоновал объем и плоскость, вышло органичное целое. Такой прием использовали и великие скульпторы, например, Джакомо Манцу. Тот же Саша собрал из деталей пластмассового конструктора мотоцикл с коляской и посадил в него пластилиновых людей.

Инночка заворачивает в фантики все, что ни слепит.

— Чтобы было тепло, — говорит она.

Она хочет поскорее стать мамой и чтобы у нее было шестеро детей. На ночь она будет всех укрывать одеялками и, как ее мама, подтыкать одеялки под пятки.

Закутывание малышей, утят, котят, которых она в изобилии лепит, это не замуровывание, а «чтобы было тепло». Не зная мотива,

можно было бы обнаружить в «закутывании» тревожный симптом.

Для непосвященных работы Инночки — это пластилиновые конфеты в обертках, а для нее — символ тепла и материнской заботы.

Девочка показывает мне пластилиновый брикет с двумя отростками-ушками:

— Заяц заболел, его закутали в одеялко.

Заяц у нее не получается, и она придумала выход — накрыть его одеялом. На самом деле, ей очень хочется, чтобы у нее вышел заяц. Ей нужно помочь. И играю во врача, вылечивающего руками девочки сначала одну лапу, потом другую, потом хвост... Заяц выздоровел, но не прозрел, к тому же и есть ему нечем — появляются зеленые глаза и пятнышко рта. После болезни зайца надо изрядно питать. Девочка соглашается и более уверенными движениями лепит морковь и капусту.

Я не всегда лечу зайцев. Только когда вижу, что за объяснением, хоть и остроумным, кроется страх перед материалом.

Девочка убегает от медведей

«Чтобы научить ребенка рисовать (лепить), нужно спросить его: “Умеешь ли ты рисовать (лепить)?” — “Нет”, — скажет он. Ты должен ответить: “Каждый человек (тем более ребенок) умеет рисовать и лепить. Над этим он задумается: как же так, он умеет и не знал, что умеет! Он так удивится этому, что начнет все делать сам и увидит, что выходит”, — рассуждает Маня. Даже она понимает, что в первую очередь ребенку нужно внушить веру в собственные силы. Интересно, откуда она знает, что на вопрос “Умеешь ли ты рисовать?” ребенок ответит “нет”? Да из школы, где ее одноклассники боялись провести линию “не так”».

А вот как советуют учить детей педагоги Н.П. Сакулина и Т.С. Комарова. Книга «Сенсорное воспитание в детском саду» вышла в издательстве «Просвещение» в 1981 году тиражом 200 000 экземпляров. Как нарисовать эпизод из сказки «Три медведя»? (Комментарии мои. — Е.М.)

«Программное содержание. Используя полученные умения, полно и красочно изображать эпизод сказки “Девочка убегает от медведей, а они ее догоняют”, развивать творческое воображение, фантазию; осуществлять правильное построение рисунка».

«“Осуществлением правильного построения рисунка” студенты художественных вузов овладевают не один семестр. Но ведь известно, что у детей совсем другое представление о пространстве и пропорциях! Кроме того, персонажей сказки следует изображать в движении: девочка бежит, Мишутка ее догоняет; медведи (меж тем) удивляются, возмущаются тем, что девочка пришла к ним в дом». (Интересно, пробовали ли авторы пособия изобразить удивление и возмущение медведей?!)

Ответственной работе предшествует долгая подготовка. На занятиях по родному языку «прорабатывается» вся сказка «Три медведя». «Во время игр рассматриваются мишки, разные по величине». Для закрепления образа предлагается «лепка медведя из пластилина, глины в различном положении».

Как можно, рассматривая игрушечных мишек, разных по величине, вылепить их в различных положениях?! Добро бы рассматривание мишек в различных положениях производилось в зоопарке, но кукольные мишки статичны, как их вылепить в движении?

А видели ли авторы живых детей или, перед тем как сесть за книгу, рассматривали кукол?

Далее, для рисунка эпизода потребуется «наблюдение на прогулке бегущей девочки», при этом важно отметить «особенности положения тела при беге». Чтобы мы поняли, о каких особенностях идет речь, авторы предлагают перечень: «туловище наклоняется вперед, ноги сгибаются в коленях, широко расставлены, руками девочка делает попеременные взмахи».

Лист бумаги непременно должен быть размером 40 x 20 см, невзирая на то, что среди детей могут оказаться и миниатюристы, и монументалисты, и те, кому еще предстоит определить свой «формат».

Наконец, авторы дают детям акварельные краски, бумагу, кисточки, тряпочки, баночки, можно приступить к делу. Но нет, сперва нужно вернуться памятью к эпизоду, «где рассказывается, как девочка убегает от медведей, продумать композицию рисунка,

Решили? Можно рисовать? Да.

Какие рисунки, по мнению авторов, следует считать хорошими? Те, «где широко раскрыта тема, где хорошо видно, что девочка бежит, а Мишутка ее догоняет». Нужно также «отметить, какие положения придали дети взрослым медведям».

Проникнемся сочувствием к воспитателям детских садов: как поднять им такую работу, когда в группе по двадцать детей, а воспитатели не кончали Академию художеств?

Авторы и лепить умеют. Знают, как должен выглядеть «процесс лепки цыпленка, птички с птенчиком». Лепке тоже предшествует колоссальная ознакомительная работа. Для образца берется «цыпленок-игрушка», тщательно обсказываются его «тельце, клювик, хвостик...» Ознакомившись с устройством игрушки, можно браться за дело: «делить глину на две неравные части, скреплять две части, чтобы получился один предмет (цыпленок), оттягивать пальцами детали: клюв и хвост, закрепить прием раскатывания глины между ладонями круговыми движениями». Главное — «продолжать учить соединять части путем прижимания!»

77

Опять возникает вопрос: а видели ли авторы живого ребенка? Позволю себе привести выдержки из работ Самуэля Уильдерспина.

Польза школ для маленьких детей «заключается в том, что эти школы значительно раньше развивают духовные силы детей, чем до сих пор считалось возможным, и тем самым ускоряют их нравственное развитие. Прежде чем обучать искусству чтения, письма и счета, в детях должны быть развиты основные способности наблюдения, мышления и речи. До сих пор обращали очень много внимания на формальные проявления наших способностей и очень мало — на их естественное развитие...

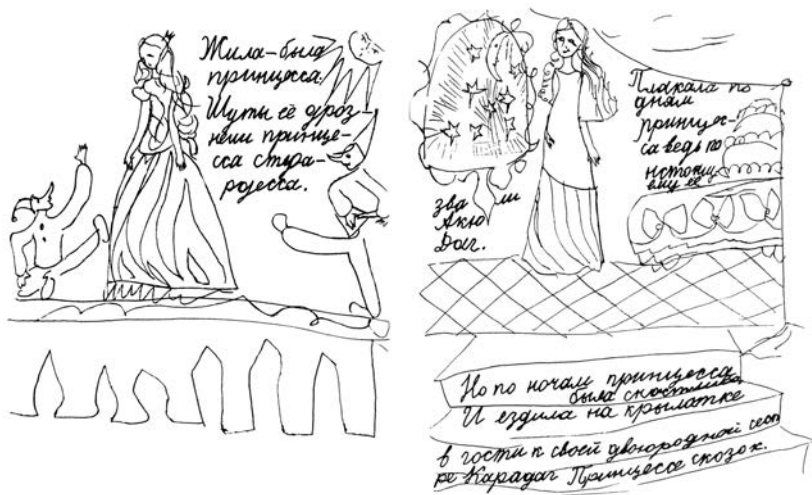
До сих пор люди принимали знаки за вещи, проявления — за причины и заимствованные знаки — за опыт; довольствовались поверхностью, не проникая в существо вещей».

Современно звучат слова Уильдерспина. Детям в первую очередь нужен личный, собственный опыт миротворчества, а вовсе не заимствованные знания. Глядя на игрушечного мишку, невозможно изобразить «медведя в движении». Настоящий медведь, увиденный в зоопарке, тоже не является «наглядным пособием» по рисованию. Впечатление — единственный импульс, который побуждает к творчеству, а вовсе не «осмотр объекта».

«Основное положение школ для маленьких детей — любовь, — писал Уильдерспин. — ...Преподавание, которое лишь по видимости представляется несерьезным, должно помочь детям овладеть навыками внимания и размышления, из которых проистекают благотворные последствия. Начальные же школы, наоборот, ослабляют душевные силы, заставляя детей наполнять свою память чужими суждениями, часто непонятными для бедных крошек. Ничто не побуждает их к самостоятельному мышлению, и это-то и есть настоящее зло, порождающее самые грустные последствия».

В бусах при свечах

Как-то на занятия пришла милая женщина — педагог по керамике. Кто-то посоветовал ей ко мне обратиться. Она вела кружок в доме пионеров, и что-то у нее там не складывалось.

В тот день было шесть занятий подряд без перерыва. Чтобы поговорить со мной, ей пришлось выдержать все шесть уроков. Она их именно выдержала, молча сидя на стуле у стены.

— Ну, я так никогда не смогу, — сказала она печально, когда последняя группа покинула класс.

— Почему?

— Потому что не смогу.

— Но в детстве вы ведь что-то лепили, не помните?

— Я в детстве не лепила.

Я испугалась, что допустила бестактность. Может, у нее была какая-то болезнь, запрещающая лепить?

— Я в детстве и не помню, что делала. Вроде рисовала...

— А зачем тогда вы стали педагогом?

— Да просто так вышло, случайно.

Вскоре она мне позвонила с просьбой: не надиктую ли я ей тем для керамики? Не обязательно с ходу, можно записать, что придет на ум, а потом она мне снова позвонит.

И вот я села перед листом бумаги и стала думать: базар — это тема для керамики или нет? Цирк? Танцы? Может, посоветовать ей сходить в художественный салон? Посмотреть на вазы, блюда, бусы, брошки, гербы... Но, как оказалось, она уже обошла многие салоны, больше всего ее привлекла дымковская игрушка, но она работает с глазурью, а дымковская игрушка — это роспись по

обожженной глине. Дети не хотят лепить, весь урок болтают — мы исчерпали все темы и ничего нового не можем придумать. Тупиковая ситуация.

— А если устроить чаепитие при свечах собственного изготовления...

— Не разрешат — испугаются пожара.

— Тогда я не знаю, позвоните завтра, я еще подумаю.

Она позвонила через месяц. Сказала, что все-таки рискнула на вечер при свечах. Успех был феноменальный. Но теперь ребята лепят подсвечники, вставляют в них свечи и рассказывают страшные сказки в темноте.

— Ну и ладно! Пусть всё, что вы хотите им дать, входит в «тему подсвечников». Или устройте карнавал бус — бусы делать долго: минимум месяц работы. И никуда они от вас не денутся — вы их бусами повяжете.

С тех пор она не звонит. Наверное, они сидят в бусах при свечах и рассказывают сказки.

В СИНЕМ
НЕБЕ
СИНЕВАТОМ
МЛЕКЛО
СВЕТИЛАСЬ
ЗВЕЗДА

Притча о лягушке

Болезненная девочка, руки как в рыбьей чешуе, коротко остриженная голова в струпьях от диатеза. Оля рисует молча, низко склонившись над столом. Рисунки не комментирует. Ее язык не речь, а линия. Поэтика ее рисунка — жест.

У Оли абсолютное чувство линии. Шестилетняя девочка способна нарисовать всё, вплоть до перспективных сокращений. Никто ей этого не показывал.

«Все дети хорошо рисуют», — говорит Олина мама. Она не понимает, чем я так восторгаюсь. Да, все дети хорошо рисуют. Но Оля рисует, как зрелый мастер.

Она создает рисунки с помощью символов-жестов. Рука отставлена, ладонь стоит перпендикулярно, каждый палец вырисован — это означает «не надо, не прикасайся, не тронь». Отстранение. Лицо в заштрихованной темной вуали символизирует злодейство. Скло-

ненная в профиль голова, из глаз на пол падают капли (слеза к слезе, как цепочка) — это горе. Фронтальная фигура, лицо анфас, руки согнуты в локтях, ладонями наружу — удивление. Лицо закрыто крест-накрест руками — отчаяние. Полуприкрытые ресницами глаза, фигура, плывущая в танце, — радость, счастье.

Оля редко и чрезвычайно деликатно вводит цвет в рисунок. Зато часто на одном и том же листе соседствуют карандашные линии с фломастерными и шариковыми. Черный фломастер, простой карандаш и шариковая ручка — вот инструменты в ее ансамбле. Иногда кажется, что она рисует чем попало и на чем попало. Но, рассматривая кипы ее работ, поражаешься, насколько всё, что она делает, художественно осмыслено. Оказывается, с помощью этих, на первый взгляд, мало сочетающихся инструментов она создает фактуру. Черная фломастерная линия, не обладающая таким богатством линейных градаций, как мягкий простой карандаш, символизирует чернь, «плохость», отрицательность изображаемого. Шариковой ручкой рисуются фон и второстепенные предметы. Карандашом изображаются любимые персонажи. Певучая линия, пластичность и подвижность добродетельных натур.

Все ее сказки в рисунках (кипы школьных тетрадей в линейку) посвящены одной «теме» — борьбе добра со злом. Графически это выражается так: карандашная линия постепенно вытесняет фломастерную и в финале, на последних листах исчезает. Добро торжествует. Ее сказки не требуют пояснительного текста. За каждым персонажем закреплен жест, жест передан выразительной линией, а фактура создана разными уровнями градации карандаша, ручки и фломастера.

Оля с одинаковой свободой изображает реальный и вымышленный мир. Но источник ее творчества — не вымысел, а реальные переживания. Умение передать движение фигуры извивом пряди волос — выстраданное. Из-за кожной аллергии Олю коротко стригут, а она мечтает о длинных волосах. Прическа — одна из главных характеристик персонажа. Оля мечтает стать прекрасной балериной и создает сказку, в которой уродливая лягушка становится прекрасной. Не превращается в царевну, а преображается, оставаясь сама собой.

Лягушка встречается с разными персонажами, и каждый возбуждает в ней зависть и желание иметь то, чего у нее нет. Длинноногая

цапля. «Ах, как мне хотелось бы иметь такие ноги!» И вот мы видим лягушку на «цапличьих» ногах. «Нет, не подходит». Длинношейей жираф. «Мне бы такую шею!» Оля примеряет лягушке жирафью шею — нет, она смешна. Лягушка видит мышь с тонким хвостом. «Может, вся красота в хвосте? Нет, с таким хвостом она похожа на ящерицу!» Поразительный штриховой рисунок, где уловлен самый момент перехода одного животного в другое. Двадцать две страницы крушения лягушких надежд на красоту и еще две, последние: встреча с плавающими утятами и их мамой-уткой. «А что если мне умыться?» На предыдущих листах лягушка нарисована жирной карандашной линией (черная фломастерная в этой истории не присутствует — лягушка борется не с внешним злом, а сама с собой, со своей изматывающей завистью к тому, чего ей не дано природой): на предпоследнем линия бледнеет, сходя на нет.

Лягушка становится чистой, почти прозрачной. Она вяжет себе пушистый свитер из утячьего пуха, который ей подарила улыбчивая мама-утка. И вот наша героиня, чистая, умытая, наряженная в пушистую кофту, наконец-то ощущает себя красавицей.

Детство кончилось, и Оля пошла в школу. Там она получает по рисованию двойки и тройки, а дома рисует сказки.

В сказке о сестрах Акюдаг (Гадюка наоборот) и Карадаг («Черная гора», а может, просто рифма к Акюдаг) выражена ее мечта о настоящей подруге.

Из-за болезни Олю во многом ограничивают: ей нельзя загорать, нельзя плавать, нельзя есть сладкое... Рисуя, она освобождается от всех запретов. Великолепно нарисованные сцены купания и загорания на горе, до черноты, компенсируют недостающее в жизни.

Олю дразнят — так в сказке возникает мотив шутов. От шутов она бежит к подруге. Возвращаясь от подруги, она опять видит шутов. Они замучили ее, она жаждет их казни. А не то — уйдет из дому навсегда. Мать обещает ей: «Казню, казню!», но и это обещание не способно удержать дочь дома. Той нужен душевный, сестринский контакт.

В финале Акюдаг и Карадаг клянутся в вечной дружбе.

Летом я встретила одиннадцатилетнюю Олю на Рижском заливе. Она была с бабушкой. Жара. Все дети купаются. Оле нельзя.

Она по-прежнему бледненькая, худенькая. Я уговорила бабушку отпустить Олю к нам в гости. Оля ходила по нашей квартире, полной

детских рисунков и скульптур, как по Лувру или Эрмитажу. Ей захотелось рисовать. Она нарисовала двух жадюг, сидящих на грудe монет и кричащих: «Это мое! Нет, это мое!»

Через полгода я встретила Олину бабушку. Она сказала, что Оля много рисует, но дальше-то что? Кому все нужно? Олю отдали на музыку, «может, хоть там будет толк».

— Пусть она приходит ко мне, я буду с ней заниматься.

— Вы уже с ней занимались. И что это дало? Как ни придешь за ней, у всех всего поналеплено, а у нее пустая картонка.

Бабушка права — я не научила Олю лепить. Из глины ей нельзя было лепить, а из пластилина ей не нравилось. Она хотела рисовать — и рисовала.

«В студии была тепличная атмосфера» — считают Олины родители, поэтому в школе ей пришлось трудно. Они считали, что студия заменит Оле детский сад, куда ее не отдали по болезни. Об уникальном таланте Оли они и слышать не хотели.

Читая биографии великих людей, мы обливаемся слезами — рос гений, и никто этого не понимал, напротив, все пытались «сделать из него человека».

Яркое дарование — редкость. Особенно когда оно проявляется в детстве. Детям с ярким дарованием так же плохо, как и детдомовским сиротам. Дарование, как правило, обрекает на душевное сиротство. Ребенок чувствует, что в нем есть что-то, что отличает его от других. Вместо того чтобы это «что-то» развивать, ему создают такие условия, что он это «что-то» вынужден глубоко скрывать, дабы не выделяться из коллектива. «Одаренность» становится помехой, на борьбу с ней ребенок тратит силы, которые следовало бы отдать на развитие и углубление дарования.

Мы бросаемся из крайности в крайность. Или форсируем талант, делая из ребенка невротика, или игнорируем его.

Олю отдали на музыку, потом ее отдадут в институт, который «не усугубляет аллергию», а она все равно будет рисовать: институтские

стенгазеты, поздравления к празднику, зайчика и кошечку для племянника. Это — по Чехову. Но есть и другой вариант: Оля вернется к искусству, когда у нее будут свои дети. Скорее всего, именно так все и случится.

Бродит дрёма возле дома

Девятилетняя Лара — дружелюбный человек и невероятная выдумщица. Воплощению ее грандиозных замыслов лучше не мешать советами: Лара этого не любит. Интересно поглядывать на нее, когда она «замышляет». «Уж я вас сейчас удивлю», — написано на ее смуглом лукавом лице. И удивляет.

Картон покрыт глиной — это, естественно, земля, и теперь Лара заполняет ее утками, по периметру. Сколько уток! Одинаковые, наскоро состряпанные, с хвостами наружу и клювами вовнутрь. Утки готовы, на очереди лошадь и всадник. Они помещены в центр. В руках у всадника птица, повернутая клювом к его лицу. Громоздкая, тяжеловесная композиция. Совершенно очевидно, что Ларой движет не пластическая идея, а литературный сюжет. Вот он:

— Утки собрались в стаю, чтобы улетать в теплые края, а браконьеры собрались у озера, чтобы пострелять птиц. Браконьеры никого не жалеют. Если взрослую птицу ранить, то она может выздороветь, а птенцы нет. Один браконьер среди всех был добрый. Он решил спасти уток. Пошел к лесничему и сказал, что злые браконьеры ушли на озеро, чтобы убить птиц.

Добрый лесничий и добрый браконьер подбегают к озеру, а злой браконьер уже прицелился и стрельнул в утку. Тогда добрый браконьер схватил ружье и убил злого. Птичий вожак был ранен. Добрый лесничий сел на лошадь, взял вожака в руки, и все утки слетелись тогда и стали вокруг: они не хотели улетать без вожака. Лесничий с добрым браконьером

вылечили жожака... но у меня на это места не хватило. Можно, я на второй картонке сле-плю, как они его вылечили и как все утки радовались — потому что дружба хороших с хорошими победила!

Лара — «словесный» человек. Она пишет стихи, много философствует, ее сочинения обязательно содержат в себе нравственный вывод, «моралите».

Маленькой она прекрасно писала гуашью: самоценность цвета не требовала никакого подкрепления. Позже, к шести годам, рисунок вытеснил живопись. В рисунке повествовать куда проще, а Ларе хотелось именно рассказывать, создавать сюжеты. Вербальность победила. При этом «визуальность» не принесена в жертву «словесности», напротив, она помогает Ларе находить точные определения.

Как-то я попросила детей вылепить следующее: «Бродит дрёма возле дома, бродит сон вдоль окон. И глядят — все ли спят». «Словесные» дети вылепили «сон и дрёму» в виде человеческих фигур. «Визуальные» дали множество разнообразных решений. Одна девочка слепила мешок — сон, украсила его блестками и всякой мишурой, провертела отверстия — глаза и яму — рот. Под этим мешком поместила лежащего, распластанного на спине человека. «Ему снится страшный сон», — сказала она, указывая на мешок с зияющими дырами рта и глаз, посыпанными блестками. Другая девочка облепила глину цветной материей, сверху водрузила маленькую синтетическую елочку, на елочку — цветные пластилиновые шарики, еще что-то и еще что-то. Это новогодний сон. Один из мальчиков слепил высокий постамент, установил на нем что-то вроде лошадиного крупа вниз головой и вверх гривой, а на постамент положил некое существо, отдаленно похожее на мышь, — сон нападает, — а дрёма себе полеживает. «Визуальные» дети пытались найти форму абстрактным понятиям, «словесные» неукоснительно лепили дом или стену с окном (раз это было в тексте) и людей, изображающих сон и дрёму.

Есть и другое деление — на аналитиков и синтетиков. Детям-аналитикам жить, кажется, легче. Они — комбинаторы. Прекрасно справляются с дизайнерской работой. Это, кстати, более обучаемые дети. Синтетики — натуры художественные, они идут от цельной идеи. В отличие от аналитиков, вылепливающих всё по отдельности, они небрежней относятся к деталям и редко воспринимают красоту декоративного изделия, к которой чувствительны аналитики.

Разминая пластилин, ребенок приговаривает: «Ой, белка, и ухо вылезает!» Это — синтетик. Другой скатает шарик, палочки, огурец, соединит вместе и получит ту же самую белку. Проще говоря, синтетики «находят» весь предмет в материале, а аналитики собирают его по частям.

Кустарь-одиночка

Главный методист из главного методического центра требует от меня поурочные планы. Иначе не допустит до работы. Может, написать: «Птицы. С применением декоративного материала». Или: «Лепка птиц по сказке Андерсена "Гадкий утенок"». Или: «Пернатые. Изготовление каркасов из проволоки».

— Где твое чувство юмора?! — Бедный Борис Никитич ездил уговаривать какого-то чиновника, но тот ни в какую: ему нужен документ, по которому, в случае чего, он сможет меня контролировать. Интересно, в случае чего? — Ну, давай, я сам за тебя напишу! Столько шума вокруг паршивой бумаженции! А как же наш «Летучий корабль»? (Мы готовили новогодний спектакль для детей.) Я тебе уже царскую корону купил, — подмигивает Борис Никитич. — Будешь играть Забаву, царскую дочь, и петь свою любимую песню: «Свободу, свободу мне дайте, свободу, я птицею вдаль улечу!»

Спектакль удался, и я «птицею улетела вдаль». Но об этом — в финале.

Пропало вдохновение

Заболела Лара. Та самая, которая слепила историю про лесничего и браконьеров. Мама занята бракоразводным процессом. Ухоженная девочка с золотыми сережками в ушах смотрит в стенку, навинчивает локон на палец.

— А как вы думаете, вдохновение может пропасть?

— Пропало?

Лара склоняет голову.

— И давно?

— С лета. Мы тогда ехали с тетей Лидой в автобусе. Знаете тетю Лиду из театра Ермоловой? Мы ехали со спектакля, артисты, тетя Лида, мама и я. Звезды были на небе, и так было грустно, сразу в голове стали стихи, я боялась их забыть и сказала тете Лиде, а она записала.

— А ты их помнишь?

— Помню. Прочешь? — Лара встряхивает головой, откашливается, как настоящая актриса. — Ну значит, так:

В синем небе синеватом
Млекло светила звезда.
И около черного леса
Шли мы с тобою тогда.
Кроткий шажок и походка,
Облик на фоне звезды,
Ты говорила тогда мне:
Жди меня, жди меня, жди!
Мы подходили к вокзалу,
Млекло светила звезда,
И на прощанье сказала:
Милый, люблю я тебя!
Мы не встречались с тобою,
Ты не вернулась тогда,
Но облик звезды запоздалой
Так не ушел никогда.

— Это я сочинила за секунду. А теперь хочется писать и не выходит. Потому что пропало вдохновение. А как вы думаете, лучше жить с целью или без цели?

Рассказываю Ларе, что знаю, про созерцательных буддистов и целенаправленных американцев.

— А я могла бы созерцать, как буддисты?

— Конечно.

— Вы меня утешаете?

— А давай лучше играть в моды. Придумывать всякие одежды...

— Вы заметили, какая у нас перестановка! (Мы переходим из кухни в комнату, устраиваемся рисовать.) Хорошо, что он ушел, — говорит Лара. — Ни капельки не жалко. И не грустно.

— Погрустить иногда не вредно, — говорю, — а где ножницы?

Лара достает ножницы из подвешного шкафчика. Я рисую куклу и отдаю ей.

— Вырезай аккуратно.

— Это я умею. А вот что нарисовать, платье или брючный костюм?

— А давай юбку и пиджак!

Лара рисует, а я думаю о стихотворении. Атрибутика из мелодрам. Лара смотрит по телевизору взрослые фильмы, слушает разговоры мамы с подругами о превратностях любви. Но чувство утраты передано с детской неподдельностью. «Облик звезды за-
поздалой так не ушел никогда». Высший судья, воплощенный в образе звезды, видит всё. Звезда — свидетель утраченного рая.

— А вы когда-нибудь писали стихи?

— Да. Одно — в три года, второе — в пять.

— А потом вдохновение кончилось?

— Нет. Просто оно распространилось на другие вещи.

— Тогда вы живете без цели, — заключает Лара, демонстрируя мне куклу в красной юбке в складочку. — Раз вы тратите вдохновение направо-налево. А великий скульптор, например, всю жизнь лепит такую большую скульптуру, чтобы прямо ресничка к ресничке, все точно, потому что он хочет, чтобы это осталось навеки, чтобы все о нем помнили, все, кто потом будут жить.

— А если будет землетрясение и скульптура рухнет? Значит, тогда он зря жил и зря так старался.

— Нет, она не рухнет.

— Почему ты так уверена? Вот, например, сгорела Александрийская библиотека, и тысячи великих произведений погибли. До нас дошли лишь некоторые фрагменты. Мы не знаем имен тех поэтов, от которых ничего не сохранилось. Может, они-то и были самыми великими?

Я озадачила Лару. Она учится в престижной спецшколе, рыдает из-за четверок, рвется в отличницы, у нее непомерные амбиции. Лара мечтает прославиться. А я ей внушаю, что слава — дым, не стоит ради нее уродоваться.

— А зачем тогда люди пишут книги и рисуют картины, если все это может погибнуть? — Лара вырезала пиджак, и теперь кукла одета роскошно — прямой пиджак с отворотами и юбка в складку.

— Потому что они не могут без этого.

— Тогда я буду детским врачом, а стихи буду писать, когда сами получатся. И еще у меня будет много детей.

— Вот это другой разговор.

— Серьезный? — Лара строго смотрит мне в глаза.

— Не такой уж, — признаюсь честно. — В наше время трудно воспитать много детей.

Мне пора на работу, а Ларе так не хочется, чтобы я уходила, и она удерживает меня вопросами.

— А характер у человека может измениться?

— Может.

— Если тренировать волю?

— Как ты собираешься тренировать волю?

— Например, когда хочется есть — не есть, хочется пить — не пить.

— Попробуй. Если получится, позвони.

— А в какое время можно звонить?

— Позвони, когда тебе особенно не захочется. Вот и будет упражнение для тренировки воли.

Лара закрывает за мной дверь. Жаль оставлять ее, да ничего не поделаешь.

Теперь она будет ждать маму, прислушиваться к звукам лифта. Помню, как я часами простаивала у окна в ожидании отца. Мне было десять лет, как сейчас Ларе. Помню лиловые сумерки, заснеженный город, много людей, и среди них нет того единственного, которого ждешь...

Мы с Марой

Детская дружба основана на магнетическом притяжении. Факторы образованности, различия социальных сред и прочее не имеют тут ни малейшего значения.

Счастливые минуты детства связаны у меня с моей тетей Марой. Долговязая прыщавая двоюродная сестра, к тому же старше меня на пять лет, подбивала меня на отчаянные поступки. Меня, опекаемую немкой-воспитательницей, играющую с учительницей английского в лото на четырех языках, посещающую уроки ваяния и зодчества, воспитать могла только отчаянная Мара.

Моя недетская образованность вызвала насмешки всей Мариной семьи. И особо — ее главы, бабы Симы.

Частенько я напрашивалась к ним обедать. Перед обедом баба Сима разыгрывала представление. Она ставила меня на стул и повелительным голосом требовала:

— А теперь, майне пуппен, прочти нам стихотворение.

«Майне пуппен ист кляйн, майне пуппен ист шён» («Моя кукла — маленькая, моя кукла — красивая»), — читала я с выражением, и все покатывались со смеху. Но сколько бы надо мной ни смеялись, я, защищая честь Луизы Вольдемаровны, дочитывала стихотворение до конца. Это она обучала меня немецким стихам.

Отец моей мамы был женат на бабе Симе. В войну он был тяжело ранен и вскоре после войны умер. Немецкая речь была противна слуху. Но я этого не понимала. Баба Сима считала моих родителей чокнутыми: «В доме хоть шаром покати, ни еды, ни одежды, эти интеллигенты заморят девчонку».

На нашем этаже жили пять больших семей. Азербайджанцы, русские, армяне, евреи, украинцы, грузины. Кухня была одна на всех, и Мара любила заглядывать в чужие кастрюли. Она сообщала мне, у кого намечается «вкусненькое». Особенно Мара любила сосиски, коронный номер тети Нади и дяди Сени. Эта парочка все делала сообща. Они толкались на кухне вдвоем, к всеобщему неудовольствию соседей. Мы с Марой являлись к ним вовремя. Сосиски еще не успевали остыть.

Мара «проводила меня через разное», а нравственные выводы из наших вовсе не всегда красивых поступков мне приходилось делать самой.

Своими выводами я с ней не делилась — она подняла бы меня на смех. Укоры совести жгли меня в одиночестве.

Ежевика в Набрани

Набрань — это рай. Дикий лес, рощи грецких орехов и оливковых деревьев, река в лесу, берег моря, хрустящие под ногами ракушки, мелкая галька на берегу.

Утром, не успев продрать глаза, мы с Марой убегали в лес. Бесстрашные амазонки, мы рыскали по лесу в надежде что-то найти. Но что?

«Давай обрыскаем под батареей», — как-то предложила дочь. На вопрос, что она намеревается там найти, она пожала плечами.

Она не знала, и мы с Марой не знали.

Грибы! Они росли на стволе поваленного карагача. Их было по-дозрительно много, и Мара сказала: «Поганьё!»

Оказалось — съедобные. И мы нашли их! Два дня ели, угощали всех соседей. Насладились победой, что дальше?

Решили изменить маршрут поисков, двинулись за огороды, в поле. Верблюжьи колючки зигзагами торчали из растрескавшейся глинистой почвы. На этом поле ничего не найти.

Но что это? Колючий кустарник с выгоревшими бесцветными листьями усеян черными и фиолетовыми ягодами.

— Отравы, не прикасаться! — предупредила Мара.

Сколько же этой отравы, и какая она красивая!

Тайком от Мары я сорвала две ягоды и спрятала в карман. Вдруг Мара снова ошиблась, как с грибами.

И точно. Хозяйка сказала, что это ежевика. Прекрасная ягода.

Мы с Марой паслись за огородами. Я собирала ежевику в банку — мне запретили есть с куста, а Мара набивала полный рот, глотала ежевику не разжевывая, и ничего с ее животом не делалось. Это было неиссякаемое поле, скатерть-самобранка, разве что варенья оно не варило. Варенье наварила бабушка из собранных ягод.

На следующий год наши угодья распахали. Из комковатой земли торчали зеленые листья. Ни верблюжьих колючек, ни куста ежевики.

Мара выдрала из земли листья с чем-то бурым.

— Гадость какая, свекла! Лучше б уж морковку посадили.

Но мне не хотелось морковку.

Мы вернулись домой, и я нарисовала ежевичную поляну. Рисунок Мара потом представила в школе как домашнее задание на тему «Лето». И поплатилась за подлог. Ее выбрали художником в стенгазету.

— Я просила тебя стараться, просила? — кричала она на меня.

Больше моих рисунков она не сдавала. Из художников ее уволили быстро. Да и я художником не стала.

МАЙНЕ
ПУППЕН
ИСТ
КЛЯЙН,
МАЙНЕ
ПУППЕН
ИСТШЁН

«Евгений Онегин» и заяц в профиль

Вот рисунок пятилетнего Саши. На нем — два лица-овала. Верхнее лицо оранжевое, с красными точками глаз, оранжевым носом и ртом с черными зигзагами-зубами, вокруг глаз — голубое ожерелье; нижнее лицо с красными глазами, красным носом и ртом восьмеркой. На рисунке написано: «Знак, что надо чистить зубы».

Саша объясняет: «Человек сверху — четырнадцать раз (значит, это слезы, а не ожерелье!) чистил зубы, все остальные разы не чистил, потому у него зубы болят и он плачет. Человек внизу — восемь раз не чистил зубы, а все остальные чистил, потому он веселый. Рот восьмеркой — потому что восемь раз не чистил, а зубов черных не нарисовано — потому что нижний чистил зубы чаще верхнего и они у него не почернели».

Сложный расчет! Поняли бы мы замысел пятилетнего автора, если бы он не рассказал нам, что все это значит?

Снабдив рисунок Сашиным комментарием, мы получили бы впечатляющий плакат на сангигиеническую тему. Куда вырази-

тельной тех наглядных пособий, что висят у нас в детских медицинских учреждениях.

Пятилетний Илюша нарисовал куб в виде развертки. Как он до этого додумался? А просто — он поворачивал куб и пририсовывал по грани.

Огорчился ли он, что вышло непохоже? Нисколько! Он уверен, что у него получился «куб в натуре».

Истоки всевозможных «измов» — в детстве. Брак и Пикассо ничего не выдумали, они основывались на своем детском восприятии вещей. Иначе бы возникновение кубизма не было органичным для искусства. Как-то я составила список всевозможных течений в изобразительном искусстве и отобрала детские работы, отвечающие принципу каждого из течений. Получилась интересная картина.

Дети часто лепят людей без ступней и ладоней. Почему? Неужели они их не замечают? Замечают, но не придают значения. Одна родительница жаловалась мне на дочь — та упорно не желает рисовать пальцы на руках. Родительница где-то вычитала, что это трактуется как отсутствие контактности. Но стоило ей поиграть с дочерью в волейбол, как на рисунке появились пальцы. Что говорит, разумеется, не о нарушенном и восстановленном контакте, а о том, что девочка, подкидывая и ловя мяч, обратила внимание на то, как устроены руки.

Мане не удалось нарисовать человека с натуры. Вышло непохоже. Наутро она показала мне серию рисунков «про человека, который пришел к художнику». А дело было так:

«Приехал в чужую страну незнакомец. Зашел к художнику. Художник нарисовал его портрет и выдал ему. А он закричал: что ты нарисовал! Ведь у меня рот намного ниже! Что я за урод! Я не такой!

Пошел к знакомому домику. Попросил его: "Открой дверку!" Тот открыл — он вошел в комнату, смотрел телевизор, ходил там и пел. Он пытался изобразить из себя нормального человека».

После того как человека нарисовали не таким, он перестал быть самим собой, допортретным. Потеряв себя по вине бездарного художника, ему осталось одно — изображать из себя нормального человека.

Передо мной три рисунка шестилетней дочери, нарисованных друг за другом. На первом — девочка в коляске выронила мяч из рук. Для того чтобы нарисовать падение мяча, выдуман такой ход: один мяч — вровень с коляской, другой, копия первого, — у колес. От первого мяча ко второму — дугообразная стрелка, указывающая, что мяч падает сверху вниз. Она не знала, как изобразить движение мяча. Следующий лист — две девочки крутят веревочку, а мальчик подпрыгнул. Мальчик висит над веревочкой, видно, что он прыгает.

Третий рисунок — мяч летит в воздухе. Видно, что он летит. Поэтому что нарисованы два мальчика в профиль с поднятыми руками: один уже бросил мяч, а второй готовится его поймать.

Можно было бы ограничиться и формальным обозначением движения. Но Маню это не устраивает. Она ищет способ передачи движения. Третий рисунок ее удовлетворил.

А вот анекдотическая история про связь слова с изображением.

У меня в руках «Евгений Онегин» с иллюстрациями Н. В. Кузьмина. На обложке

Татьяна в кресле и коленопреклоненный Онегин. Маня просит почитать вслух. Но стоило начать, как она прервала меня.

— Подожди, я бумагу возьму.

Неужели она что-то поняла?

Маня — за столом, спиной ко мне. Читаю, как Онегин собирается на бал. Наверное, думаю, она рисует бал. Но я ошиблась.

В кресле сидит заяц в профиль — это Татьяна. В ногах у зайца мышка — это Онегин. Благодаря «Евгению Онегину» Маня впервые в жизни нарисовала зверей в профиль. Под первую встречу Татьяны с Онегиным она нарисовала целый выводок мышей и армию зайцев, повернутых друг к другу в профиль.

Маня сделала скачок от изображения «в анфас» к профильному, затем она поняла, что можно развернуть изображение на 180 градусов, и закрепила это открытие «тиражированием». За какие-нибудь полчаса из раба двухмерного пространства она превратилась в его властелина.

Деревья на ветру

Дочь беспрестанно рисует и все рисунки показывает нам. Мы ее хвалим, и есть за что.

Ее веселые девочки с глазами вразлет, волосами до плеч и челкой бегают, прыгают, варят обед, гуляют по лесам с зайцами и мышами, с котами и тиграми. Они похожи на нее саму. Переполненные событиями рисунки отражают наш стиль жизни — в доме всегда полно народу и вечно что-то происходит.

Но вот однажды она сказала:

— Я разучилась рисовать. У меня больше не выходит, как раньше.

На Манином языке это означало: «Я разучилась дышать».

Оказалось, жаловалась она не напрасно. В последних рисунках появилась дробность. Я заметила это, но не придавала значения. Значит, ребенок может оценивать себя, стало быть, ведает, что творит.

«Плохие» рисунки — следствие внутреннего разлада или болезни. Одна женщина рассказывала мне, что по рисункам сына она определяла, здоров он или нет. Обилие темноты и расцентровка композиции указывали на физическое недомогание, выздоровление выражалось просветлением тонов и упорядочением композиции.

— А ты лепи, — предложила я ей. — Не обязательно все время рисовать.

И Маня взялась лепить. Дом заполнили пластилиновые собаки. Их было великое множество, с вытянутыми носами, остроухие, спящие в коробках, сидящие под столом на полочке из пластилина. Затем в пластилин стали внедряться гвозди, скрепки, нитки. Все, что попадалось под руку, становилось деталью очередной «скульптуры». Я принесла домой глину. Через два дня она кончилась. У Мани выявились замашки монументалиста: она все лепила огромным — ангел с крыльями величиной в ладонь, здоровенное привидение...

Скульптура — прекрасный предмет для вникания в подробности. Можно лепить все по отдельности и играть с вылепленными вещами. С рисунком не поиграешь.

Наигравшись, Маня вернулась к рисованию. Закончилась пора «многословья», форма стала более проработанной и обрела объем.

Маня думает вслух, а Федя про себя. За Маниным ходом мысли легко проследить, Федя же знакомит нас с результатами размышлений.

В какой-то период он рисовал одни пейзажи: высокие муравейники, вокруг них вьются черные птицы-галки, в углу — черное солнце; или «Деревья на ветру», нарисованные черной тушью и охрой. В них передано состояние беззащитности перед стихией.

Проходит полгода — появляются жанровые картинки: дама, лежащая в кресле, мальчик, играющий на виолончели, грустный скрипач с огромной головой и маленькой скрипочкой.

Маня моделирует мир. Она вольно, а иногда и просто беспардонно с ним обращается, прилепляет недостающее, отсекает лишнее. Федя пытается понять мир, дать всему нравственную оценку.

Глаз — ватерпас!

Совмещение разных проекций в пределах одного рисунка — частое явление. Дети изображают фронтально то, на что смотрят сверху: бассейн с рыбками, цветочная клумба, карусели, лужа и пр. Вспомните: ребенок стоит над аквариумом на табуретке или на цыпочках или сидит верхом на карусельной лошадке. Карусель описывает круг за кругом — конечно же, она круглая, и ребенок никогда не изобразит ее в виде эллипса, какой она видится со стороны.

Процесс видения — сложный, в нем на равных участвуют и зрение, и мозг. На нашей сетчатке отражается лишь двухмерное пространство, а объемным оно становится благодаря генетической памяти. Наш мозг не копирует мир, а создает его образ. Присмотритесь: какой вы видите, например, чашку? Усеченной полусферой. Сознание достраивает чашку до целой, объемной. Потому что в нашей памяти живет образ чашки.

Академик Б. В. Раушенбах в книге «Общая теория перспективы» подошел к проблеме восприятия и отражения как математик. С помощью графического анализа он показал, что с близкого

расстояния мы видим мир в обратной перспективе. Вот что он говорил в одном из интервью:

«Смотрите внимательней, и вы увидите мир таким, каким впервые его узнали ребенком. Да, в обратной перспективе, правда, в очень слабой степени...

Только в детстве мы видим мир “своими” глазами. Потом наш взгляд корректируется: кино, фотография, телевизионное изображение — все они “работают” по законам строгой линейной перспективы. Наш мозг уже привык к этому и не “замечает” искажений... Знаете, я научился смотреть в обратной перспективе...

— Как в детстве?

— Да, как в детстве.

— Зачем?

— Любопытно. Любопытно увидеть мир таким, каким впервые узнал его ребенок».

Об этом писал П. А. Флоренский в 1919 г. в «Обратной перспективе».

«...Рисунки детей, в отношении неперспективности, и именно обратной перспективы, живо напоминают рисунки средневековые, несмотря на старание педагогов внушить детям правила линейной перспективы; и только с утратой непосредственного отношения к миру дети утрачивают обратную перспективу и подчиняются напетой им схеме. Так, независимо друг от друга, поступают все дети. И значит, это — не простая случайность и не произвольная выдумка какого-то византийствующего из них, а метод изобразительности, вытекающий из характера воспринимательного синтеза мира. Так как детское мышление — это не слабое мышление, а особый тип мышления и притом могущий иметь какие угодно степени совершенства, включительно до гениальности, то следует признать, что и обратная перспектива в изображении мира — вовсе не есть просто неудавшаяся, недопонятая, недоизученная перспектива линейная, а есть именно своеобразный охват мира, с которым должно считаться, как с зрелым и самостоятельным приемом изобразительности, может быть, — ненавидеть его, как прием враждебный, но, во всяком случае, о котором не приходится говорить с соболезнаванием или с покровительственным снисхождением.

...Историческое дело выработки перспективы шло вовсе не о простой систематизации уже присущего человеческой психофизиологии, а о насильственном перевоспитании этой психофизиологии в смысле отвлеченных требований миропонимания, существенно антихудожественного, существенно исключающего из себя искусство, в особенности же изобразительное.

...Потребовалось более пятисот лет социального воспитания, чтобы приучить глаз и руку к перспективе; но ни глаз, ни рука ребенка, а также и взрослого, без нарочитого обучения не подчиняются этой тренировке и не считаются с правилами перспективного единства».

Мой друг художник рассказывал, как его сын, впервые оказавшись на море, спросил:

— А где же море?

И художник увидел море глазами сына — это была ровная, прямая стена. И, только подойдя к самому берегу, он увидел водную, морскую плоскость — в тот день море было спокойным. Между прочим, и пилоты сверху видят землю не круглой, а вогнутой чашей.

«Вавилонские и египетские рельефы не обнаруживают признаков перспективы, как не обнаруживают они, впрочем, и того, что в собственном смысле следует называть обратной перспективой; разноточечность же египетских изображений, как известно, чрезвычайно велика и канонична в египетском искусстве; всем памятна профильность лица и ног при повороте плеч и груди египетских рельефов и росписей. Но, во всяком случае, в них нет прямой перспективы, между тем поразительная правдивость портретных и жанровых египетских скульптур показывает огромную наблюдательность египетских художников, и если правила перспективы в самом деле так существенно входят в правду мира, как о том твердят их сторонники, то было бы совершенно непонятно, почему не заметил перспективы и как мог не заметить ее изоощренный глаз египетского мастера. С другой стороны, известный историк математики Мориц Кантор отмечает, что египтяне обладали уже геометрическими предусловиями перспективных изображений. Знали они, в частности, геометрическую пропорциональность и притом продвинулись в этом отношении так далеко, что умели, где требуется, применять увеличенный или уменьшенный масштаб» (П. А. Флоренский).

Старые мастера не были ни наивными, ни неумелыми.

«Пространство с его извивами древнего египтянина вовсе не интересовало, не интересовало и древних греков, и живописцев Индии и Ирана. Их не беспокоил всегда тревожащий нас вопрос: что подумают?» (Б. В. Раушенбах)

Вот и детей нисколько не заботит, что о них подумают. Они рисуют, чтобы понять и передать осмысленное. Кстати, гораздо реже дети передают эмоции. Это на нас их работы оказывают эмоциональное воздействие — они радуют или смешат, но непременно удивляют нас.

Как-то я разложила перед детьми открытки из набора «История корабля». Мы долго «изучали» по рисункам на открытках строение кораблей, после чего я их перетасовала и предложила каждому вытянуть одну, как билет на экзамене.

Было предложено вылепить по «экзаменационному» кораблю — к концу занятий мы имели шанс обзавестись солидной флотилией.

Несмотря на цветной, добротный рисунок, открыточные корабли выглядели плоскими. Каково же было мое удивление, когда все, как один, вылепили только видимую сторону — вместо кораблей у них вышли ажурные рельефы. Корабли не стояли, флотилии не получилось.

— А там-то что? — указала я на другую, пустую сторону.

— Ничего.

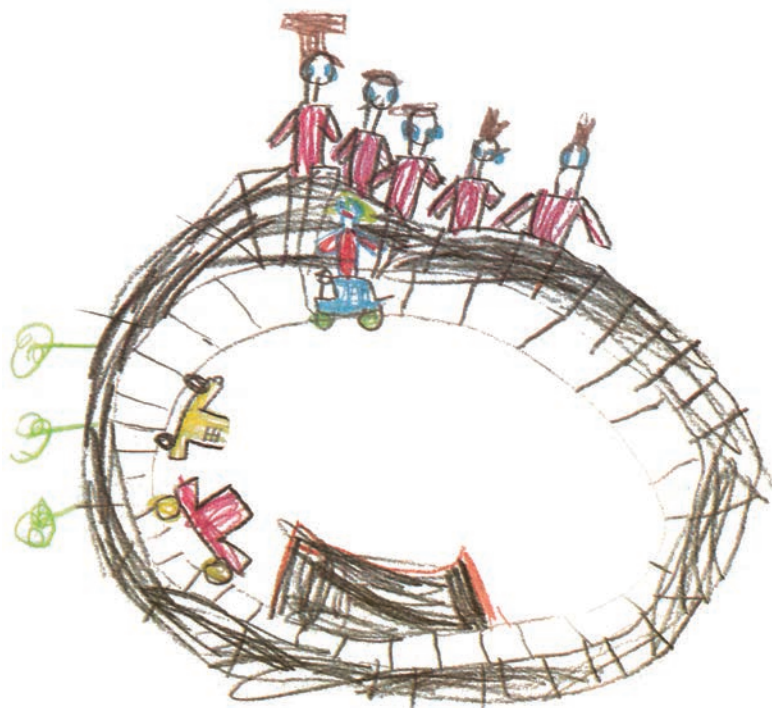
— Но корабли-то целые, значит, весла должны быть по обе стороны. (Весла у всех были только с одной стороны.)

— Они нарисованные, и с той стороны ничего нет.

Для убедительности дети повернули открытку — там, разумеется, ничего не было.

Так я их и не переубедила. Почему по фотографии (иногда я практикую «перелепливание» с фотографий, это развивает пространственное воображение) они лепят объемные предметы, а по цветному рисунку — нет? Почему они не могут воссоздать оборотную сторону нарисованного предмета?

Как-то шестилетний мальчик спросил меня: «Откуда взялись великаны?» Я объяснила: из огня и темного тумана. Огонь соединился с туманом и возник великан. Так написано в книге «Старшая Эдда».

Мальчик разделил лист пополам, на одной половине все серое (туман), на второй – красное (огонь). Посредине стоит великан, полукрасный, полусерый. Лаконичное решение. Другой мальчик на эту же тему разразился многофигурной композицией, тут тебе и горы, и небеса, и огонь, и, конечно же, сам великан. Первый мальчик передал концепцию, второй воссоздал драматический момент рождения великана. Так же как и искусство, напрямую связанное с состоянием общества, проходит разные стадии, так и дети переживают разные периоды в своем развитии.

В их работах можно обнаружить архаику древних наскальных изображений, символику арабской вязи и «ковровых узоров». Творчество детей мифологично и тем сродни древним культурам, а их геометрия напоминает египетскую.

Поиск заглавного смысла, поиск структуры мироустройства, поиск правды (что важнее, то и размером больше), с одной стороны, и стремление к правдоподобию реальной жизни – с другой. Не имея еще культурного опыта, дети заново открывают мир.

И своими открытиями подтверждают органичность, естественность созданной человечеством культуры.

Николай Васильевич Кузьмин рос в семье портных. Мать будущего знаменитого графика и писателя ссыпала в бумажный кулек цветные обрезки ткани и говорила сыну: «Гляди — и увидишь райские кущи». Маленький Коля глядел и видел райские кущи. И стал художником.

«Я верю и исповедую, что в начале было детство, когда каждый из нас был гениален, — заметил Н. В. Кузьмин в одном из последних писем ко мне. — У вас есть своя собственная страна, которую вы обязаны возделывать» .

Мне нравится возиться с такими маленькими

Неправда, что детям все легко дается. С момента появления на свет они заняты познанием через себя мира и борьбой со злом мира через борьбу со злом в себе. Они плачут по ночам, плачут, когда их внезапно оставляют одних, капризничают, попав в чужую, незнакомую среду.

Когда говорят о моцартовской или пушкинской легкости, то имеют в виду гениальную гармонию их творений. Но кто скажет, что жизнь Моцарта и Пушкина была безмятежной?!

— Неужели вам нравится возиться с такими маленькими? — удивляется бабушка Маши, той, что подружилась с Авдием и Гордеем. — Издалека ездить — и на такую работу! И чему их можно научить? Я вот дочери говорю: зря ты это затеяла, а она — вози, и точка. Вот и таскаемся.

Добрая бабушка с тромбофлебитными ногами и астмой возит Машеньку издалека. И мне сочувствует — могла б найти работу и посолиднее, и поближе к дому.

— Если что набезобразит, я сейчас: «Не повезу в школу». И знаете, сразу смиренная станет и ходит вокруг меня, что вокруг елки, ластится. Такие они, бестии, хитрые.

— Они умные, — говорю я бабушке. — А уж ваша Маша!

И давай ее нахваливать — и умница, и старательная, а как умеет дружить! Тешу бабушкино сердце и ведь нисколько не кривлю душой.

Нашу студию при клубе «Современник» в основном посещают дети технической интеллигенции, чиновников средней руки и внуки партийной элиты. Редко увидишь здесь ребенка в сосборенных рейтузах и застиранной байковой рубашке.

В Химках у нас была возможность постоянного общения с родителями. Это очень помогало. Здешняя директорша родителей терроризирует. Не позволяет им ходить по коридорам и пачкать паркет. Родители не имеют никакого представления о том, что делается в классе. Но изредка в запретную зону кто-то прорывается. Например, папа Кати, которого интересуют «успехи».

Я достала Катины рисунки с полки.

— Не надо, — кивнул он на папку, — меня интересует ваше мнение о Кате, а не о ее талантах.

Я молча перебираю Катины рисунки. Он поглядывает и похмыкивает.

— Катя неуравновешенная, ее воспитывают две бабушки с разными характерами. Отсюда капризы, вспыльчивость. Катя добрая, ей хочется все утрясти, успокоить. Но она находится меж двух огней, одна бабушка деспотична, а другая ее балует.

— С чего вы это взяли? — отшатнулся от меня Катин отец.

— Из рисунков.

— Ну и где же вы видите двух бабушек?!

— Я вижу не двух бабушек, а один и тот же конфликт. Он — в композиции. Вокруг центральной фигуры происходит какая-то война...

— А почему вы считаете, что эти... эти... — папа долго подбирал слово, — чертики — бабушки, а не папа и мама?

— Папу и маму дети выделяют, они и размером больше, и место на рисунке у них более престижное. Все остальные кроются за сказочными персонажами, цветами или просто мазками красок и росчерками линий. Детям свойственно переназывать предметы, перераспределять их функции.

— Вы гадалка! Мы с женой очень заняты работой, Катя живет то у одной, то у другой бабушки. Моя мать крутая, а мать жены — слишком мягкая. Что же нам делать?

— Забирайте Катю к себе хоть на выходные.

— Выходные у нас тоже заняты — мы на дипломатической службе.

— Тогда не знаю.

— Мне бы хотелось продолжить беседу, но... — указал он на часы. — Я думал, что здесь что-то вроде детского сада, ну, попели-порисовали...

Папа Коли тоже озабочен.

— Хотелось бы, чтоб Коляша вырос душевным человеком. — У папы пройдошистый вид этакого сентиментального жулика из итальянских кинокомедий. — Коляша потерял горячо любимого дедушку, ему не хватает тепла и ласки.

— А вы, а ваша жена?

— Я на службе. Жена, правда, не работает, дома еще мать жены и тесть, но этого мало, мало! В прошлом году нам присоветовали одну женщину, которая, как нам обещали, сможет компенсировать невосполнимую утрату...

— Типа гувернантки? Знает европейские языки, играет на скрипке и поет сопрано?

— Ничего даже близко нет! Нам хотелось простого человеческого тепла. Мы платили ей двести двадцать рублей, но, понимаете, она бездетная и не нашла подхода к Коляше.

— Вы решили пригласить меня?

— Да. Коляша к вам очень расположен. Лепить не надо, готовить не надо. Только тепло и ласка... Чтобы мальчик вырос душевным...

— А сколько он платить будет? Ты и детная, и с подходом, — подначивал меня Борис Никитич. — Меньше чем на тысячу не соглашайся! Растапливать льды в зоне мерзлоты — высокооплачиваемый труд полярников. Напиши рассказ: «Жизнь Коляши в морозильнике». Помнишь, английский фильм, как в уважаемую семью просачивается разоблачитель социальной несправедливости под видом гувернера? Любопытный народец! — Борис Никитич пританцовывает на месте. Холодно. Темно. Мы стоим на остановке, ждем автобуса. — Заочно доверяет нам свое сокровище, а если бы мы с тобой оказались вурдалаками?

Мысль развить не удалось. Подъехал автобус и увез Бориса Никитича.

Дома я только уселась за машинку, пришла Маня с рисунками, свернутыми в трубку и нанизанными на проволоку:

— Выбирай — какой!

— В середине.

— А ты пока печатай, печатай, — как мясо с шампура, дочь снимает с проволоки скрученные рулоны. — Вот этот? — разворачивает она лист. — Мышка чистит зубы красной зубной пастой. Подходит?

— Вполне. — Маня пристроилась около меня, рисует.

— Похоже на гориллу?

— Похоже.

Дети никогда мне не мешают. Напротив, их присутствие вносит в жизнь порядок. Вселяет надежду.

Рассыпьте бисер!

Стоило нажать на кнопку дверного звонка, раздался оглушительный плач. Сначала один голос, затем второй. Увидев меня, девочки-двойняшки бросились врассыпную. «Мама, запри дверь!» — кричали обе.

Отец малюток жестом пригласил меня на кухню и закрыл дверь. Врач, попросивший меня посмотреть двойняшек, говорил об аутизме. Двойняшки-аутистки, неужели и такое бывает?! Выдерживать истошный крик с закатываниями было невыносимо, что-то надо сделать. Сейчас же. Срочно.

Я резко поднялась и пошла в комнату. Не обращая никакого внимания на большой черный диван, где сидели, прибившись к материнским бокам и вопящие не своим голосом малышки, я достала коробку пластилина из сумки, уселась к ним спиной и принялась лепить. Лепка успокаивает меня, как иных вязание. Постепенно девичьи сбавили тон, крик превратился во всхлипывание и сопение. Воспользовавшись паузой, пошли в атаку мои пластилиновые кошки. «Как жаль, что мы перепутали адрес и попали не в ту квартиру. Там, куда мы намеревались идти, нас ждали. Там были приготовлены сосиски и молоко. А здесь и кормить нас нечем. К тому же мороз». Положив кошку с котятами в наскоро вылепленную корзинку, я двинулась к дивану. Вспомнила вслух, что несла коробочку с бисером в тот дом, где нас ждут. Где же она? Ах, да, в кармане. Бисер я «нечаянно» рассыпала. Теперь кошке с котятами до утра его собирать. Не повезло нам, и не в тот дом пришли, и бисер рассыпали.

Малышки стали медленно подползать к моим ногам. Их милая мама сидела, не шелохнувшись. Они подбирали с полу бусинки, а я уселась на диван и стала учить маму лепить корзинку. Туда мы положим бисер.

Девочки потрогали кошек, отщипнули по кусочку пластилина. На сегодня хватит. Пора ретироваться.

Отец малышей провожал меня до автобусной остановки. Был жуткий мороз, но мне было жарко. Щеки горели, внутри образовалась какая-то сладкая пустота. Отец малышей спрашивал, как это произошло, — ведь уже полгода, как они не подпускают к себе взрослых.

Следующий визит прошел гладко. Девочки доверились мне. Мы лепили, вернее, я лепила их руками, и они их не отдергивали.

После того как контакт был упрочен, можно было думать о следующем шаге. Хорошо, если бы в моем присутствии раздался неожиданный звонок в дверь. Например, пусть придет соседка за солью. Оказалось, они ни с кем в доме не знакомы, нет никого, кто бы пришел за солью. Тогда собираемся и идем в гости! Неподалеку жили мои друзья, и после работы с двойняшками я иногда забегала к ним на огонек. Раз в неделю этот гостеприимный дом наполняется детьми, здесь мы лепим, рисуем, а после занятий чаёвничаем. Я позвонила друзьям, объяснила ситуацию и попросила нас принять.

1. ДОБРОДУШИ
ГДЕ ТО ДЕЛЕКО ДАЛЕКО В ДАЛЕКОЙ
ПЛОДОТВОРНОЙ СТРАНЕ ХИИ МАЛЕНЬКИЕ
ВОЛШЕБНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ, НАЗЫВАЛИСЬ ОНИ
ДОБРОДУШАМИ * ВЫГЛЯДЕЛИ ТАК *;

Они были маленькими собачки, и очень миролюбивый и добрый народ, от этого их прозвали добродушными; они питались фруктами, а иногда медом и травянистыми растениями, которые находились в их стране, и выглядели так:

→ это показывается по-разному

3. Домашние добродуши

Добродуши жили в стране
маленьких плодородных долин и совсем
не думали воевать. Но потом случился
смертельный голод, который привел к тому, что
они. Добродуши жили столько лет,
сколько хотели, (вот бы и не так),
Вот карта их долин:

Домашние Добродуши

И собирали

Так вот, я вам рассказала всё о этих добродушных миролюбивых человечках...

А теперь я расскажу вам о случае, который так изменил их жизнь:

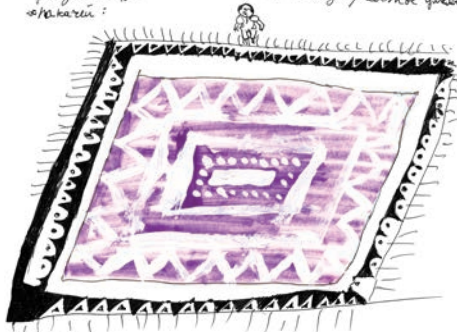
Однажды пришла к ним великая беда: их скотина и прочие животные, и растения беззащитной природы, себя чувствовать, вот как великая беда, и они...

Километров
и длиной 80
и шириной
в километр

5. ЛЮДИ

Тогда тогда беззащитные добродуши
выжили, потому что, великая не успели,
они заставили в всех местах, чтобы те же
разноцветную ткань, из которой делали
называемые нитки, все люди, работающие
в ткачестве:

Все наверху спускается по всей территории
написано в квадратик, а в том случае, что
для Добродуши этот материал, текстиль
НИТКИ были как канаты, и этот ковёр
или обивка вольного изделия.

Родители малышей встревожились — надо ли спешить? Не будет ли это оплошностью? Откуда мне знать? Я действую, повинаясь интуиции. Я готова вывести детей после полугодичного сидения дома не просто на улицу, но в чужой дом, на это направлена сейчас вся моя энергия.

Двойняшки, держась обеими руками за мать, вышли из дому. По дороге они от страха надули в штаны. В лифте кричали, что у них болит живот. И все же переступили порог чужого дома. «У нас собака, нам надо к собаке!» — твердили они, как заведенные. Но милые хозяева проявили не то что предельный, «запредельный» такт. Мама двойняшек тоже держалась на славу. Не прошло и часа, как малышки уже сидели за большим столом у мамы на коленях, и мы все пили чай.

Двойняшки присоединились к группе. Поначалу мне было очень трудно, девочки требовали постоянного внимания, чего я им дать не могла, и реагировали на отказ весьма агрессивно. Научить их нормальному общению оказалось сложнее, чем бороться с мнимым аутизмом.

А история, на самом деле, простая. Жаль, что неопытные родители так долго терпели. Хотя, кто знает. Полгода тому назад малышки попали с энтеритом в инфекционное отделение, в бокс, куда не пускали родителей. Сутки напролет они рыдали. Родители забрали их домой под расписку. Но физическое состояние обеих (возможно, от стресса) ухудшалось день ото дня, и родители снова вызвали «Скорую». И повторилась та же история. Только на сей раз их продержали в боксе неделю, первые два дня под капельницей. Энтерит был побежден, но нажит невроз. Малышки стали бояться взрослых, наотрез отказались выходить из дому. Молодые неопытные родители попали в плен к собственным детям.

Хорошо, что в нужный момент при мне «оказалась» коробочка с бисером.

МОИ
РОДИТЕЛИ
НИКОГДА НЕ
ОШИБАЮТСЯ,
И БАБУШКА
С ДЕДУШКОЙ
ВСЁ ДЕЛАЮТ
ПРАВИЛЬНО

Маленький Лорд

Книга шведского писателя Юхана Боргена «Маленький Лорд» повествует о мальчике, в котором с раннего детства обнаружилась тяга к злу. Двойник Маленького Лорда — Жан де Мирбаль из романа Франсуа Мориака «Подростки былых времен». За душу мориаковского подростка сражался сам аббат, но и ему не удалось вызволить ее из когтей зла.

На моих глазах мальчик Антон превратился в семейного узурпатора. Причины такой метаморфозы Жана де Мирбаля, Маленького Лорда и Антона сходны. Активная, болезненная непереносимость фальши. Отвращение к ритуальной ласке, к жесткому распорядку, навязанному взрослыми. Нерушимая правильность матери, ее ложное спокойствие и мутные, непонятные Маленькому Лорду, страсти вызывали в нем протест и провоцировали на мелкие пакости. Он научился лицемерить, извлекать выгоду из любой ситуации, и, в конце концов, стал предателем.

Антон появился у нас в студии, когда ему было четыре года. Светленький мальчик, на удлинённом лице глаза с туманцем, под белым воротничком рубашки тоненький шнурок, завязанный на бант. В студию его водят по очереди папа, мама, бабушка и дедушка. В анкете рукой матери написано: «Антон трудный, плохо сходится с детьми, обидчивый, нервный. С рождения страдает сильной аллергией».

Что правда, Антон обостренно реагировал на фальшь. Услышав слащавые интонации в голосе учительницы английского языка (я, признаюсь, их тоже с трудом выносила), он заявил: на английский не пойдет.

«Ну и пусть не ходит», — сказала я его маме. Та воскликнула: «А как же он будет учиться в школе?»

Недавно я напомнила ей этот эпизод. «Что вы, студия — это его единственное светлое воспоминание. Разве там были конфликты?!»

Что еще отличало Антона? Чувство недетской ответственности. Он боялся сделать что-то не так, боялся обмануть доверие. Я это сразу уловила и сказала Антону, что все, и дети и взрослые, могут ошибаться, не бывает таких людей, которые всё всегда делают правильно.

«Мои родители никогда не ошибаются, — тяжело вздохнул Антон, — и бабушка с дедушкой всё делают правильно». Однако в тоне не было уверенности. Он как бы вызывал меня на спор и хотел, чтобы я убедила его в обратном.

Семья Антона очень довольна его поведением в студии. Он сдружился с ребятами, был доброжелателен в оценках чужих работ и даже согласился посещать английский. За компанию. Как-то учительница английского языка при мне назвала его Антошенькой. Он побледнел, глаза сделались стальными от ненависти.

Помню «выпускной вечер», проводы в первый класс. Расставание со студией далось ему нелегко, он был в таком напряжении, словно отправлялся на войну. На этой войне зло боролось с добром. Когда за спиной надежный тыл — есть шанс, что добро восторжествует.

Первый класс. Первое полугодие. Звонит мама Антона.

— Помогите! Он такое вытворяет, мне даже вслух произнести стыдно. Избил бабушку. Сначала бил ее какой-то цепью, а потом азбукой, и прямо по голове. Выбежал на балкон с высокой температурой, зимой! Сказал, что не уйдет с балкона, пока не получит письмо от Карлсона.

Мы встретились с мамой Антона у метро «Аэропорт». Она уже прочла тонну книг по психиатрии и понимает, что Антона они проморгали, у него были признаки аутизма, он мало улыбался... Но не исключена и шизофрения. Может, я посоветую ей хорошего врача? Мама Антона напрямую связывала проявления жестокости с болезнью. Я попросила ее не спешить с врачом. «Возможно, это аллергическая реакция. Например, у моего знакомого аллергия на солнце. Прямые лучи солнца вызывают у него приступы чихания. Душа, как и тело, может давать отрицательную реакцию на объективно положительные вещи. Давайте устроим контрольную неделю, опишите все, что происходит с Антоном, и привезите мне дневник. Чтобы прояснить картину».

Дневник был составлен добросовестно. На первой странице — режим дня Анто-на, на второй — режим дня остальных членов семьи. Время происходящих событий указано с точностью до ми-нуты. На подготовку уроков отводи-лось два часа, а Антон тратил четыре. Бабушка его потирапливала, но он не обращал внимания. После обе-да, в 14.00, он спрятал бабушкины очки. Искали сорок минут, из-за чего сорвалась прогулка.

Разумеется, Антон спрятал очки, чтобы бабушка не смогла про-верить домашнее задание. Жесткий порядок и контроль несносны для ребенка, который и без того страдает от гипертрофирован-ного чувства ответственности.

«Вы постоянно оказываете на него давление. Зачем? Доверьте ему учебу. Не спрашивайте про оценки, не проверяйте домашнее задание. Так он и вас скоро побьет», — сказала я маме Антона.

Вскоре мама Антона позвонила мне с сообщением: «Учитель-ница повысила голос на Антона, и он наотрез отказался ходить в школу. Пришлось тащить волоком. Ведь стоит один раз позво-лить... И будем из школы в школу прыгать».

Я направила Антона на консультацию к хорошему психологу. Он сказал маме то же самое. Не убедило. Пошли к психиатру. И пока-тилось...

Непробиваемая семейка. На самом деле они и есть жестокие люди, очень положительные, очень правильные, которые готовы на всё, чтобы помочь, а на самом деле погу-бить Антона. Я попросила привести ко мне Антона на занятия. Мама согласилась.

Пришел. Лепит кубик, зализывает грани, старается, чтобы было ровно-преровно. До-трагиваюсь до его рук — потные. Признак по-вышенной тревожности. Как высвободить его из когтей родимого семейства? Мерт-вая глина в кубе, немой крик: «Не тронь меня!»

С тех пор Антон у меня на занятиях не появлялся. Передал записку с мамой: «Мне некогда. В школе много задают. А пока домашнее задание не сделаешь — из дому не выйдешь».

Через пару лет мама Антона предложила мне сходить у них дома «студийцев». Отличная идея! Бывшие шестилетки уже закончили четвертый класс, рассуждают по-взрослому, друг перед другом выставляются. Наелись пирожных, напились лимонаду и говорят:

— А давайте, как тогда, мы будем лепить, а вы рассказывать. Про знакомого или про Человека-Тучу, или Гвоздика-на-небе...

Оказывается, они все помнят!

Хорошо, что я прихватила с собой глину. За час устали стол скульптурами. Антон вылепил кошку, которая гонится за мышью. Кто же он — охотник или жертва? Судя по выразительности обеих фигур — и то и другое.

Опять звонит мама Антона:

— Нужен тот психолог, что обследовал Антона в первом классе.

— В чем дело?

— Все делает назло. Учительница по природоведению похвалила его за ответ — теперь он назло не учит природоведение.

— Знает ли Антон, что жизнь не ограничивается семьей и школой?

— А это при чем?

— Пойдите с ним в дом ребенка, принесите мешок подарков.

Пауза затянулась. Мама обдумывала мое странное предложение.

— Удивите сына тем, что вас заботит что-то, помимо его успеваемости и поведения.

— Вы это серьезно?

— Вполне.

— Но это может его травмировать...

— Благие дела не могут травмировать.

— Пусть он сперва отдохнет летом, и уж тогда...

— А как он будет отдыхать летом?

— Пойдем с ним в поход.

— А не лучше ли в деревню, к коровам и гусям? Он же так любит природу!

— Нет, тогда он нас затерроризирует. Скажет, скучно.

— А вдруг не скажет?

— Нет, ему нужна физическая нагрузка, у него мышцы слабые. Больше мама Антона не звонит. Думаю, в ее глазах я потеряла всяческий авторитет. Каким вырастет Антон? Не пополнится ли мир еще одним Маленьким Лордом?

Истукан в юбке

— Познакомьтесь, это Риточка!

Посреди урока в класс с ревом «въехала» девочка. Бабушка тащила ее, а внучка что есть силы упиралась. Вырвавшись от бабушки, она повалилась на пол.

— Риточка, тетя по лепке рассердится!

Бабушка подняла Риту с пола и водрузила на стул. При этом она согнала с места малышку, сидящую рядом с Ритой, и села на ее стул.

— Вон свободное место, — указала она, — а мы здесь будем. Что задано лепить? — обратилась она ко мне.

Рита продолжала реветь, у детей стали надуваться губы и набрякать веки.

— Вот видишь, Риточка, детки нас жалеют, — объяснила ей бабушка, но Рита ловким движением скинула с плеча увесистую бабушкину руку и убежала из класса. Бабушка — за ней. Через десять минут они вернулись.

— Мы договорились, мы больше не будем плакать. Разрешите Риточке немножко здесь покомандовать, надеюсь, это допустимо?!

Тон бабушки возражений не предполагал. Небольшого роста, полногрудая, с орденскими планками на груди и жаждой мести в душе (я проявила жестокосердие — не бросилась утешать плачущую), она была настроена боевито.

— Слушать меня! — повелела Риточка и подняла указательный палец. — Здесь распоряжаюсь я.

«Распоряжаюсь» — так и сказала.

— Задаю лепить колобки. Всем!

Дети оторопели.

— А ты покажи нам, как лепить колобки, — предложила я.

— И не собираюсь, — ответила Рита, — не хочу руки пачкать. Баба Ляля, я же говорила тебе, что лепить не буду, а буду только распоряжаться. Или рассержусь и снова уйду.

Я не стала удерживать Риту.

— Вы не педагог, а истукан в юбке, — сказала баба Ляля.

Дети рассмеялись. Смешно — истукан в юбке!

— Над вами даже дети смеются, — сказала баба Ляля.

— Вы дура дурацкая, — подвела итог внучка.

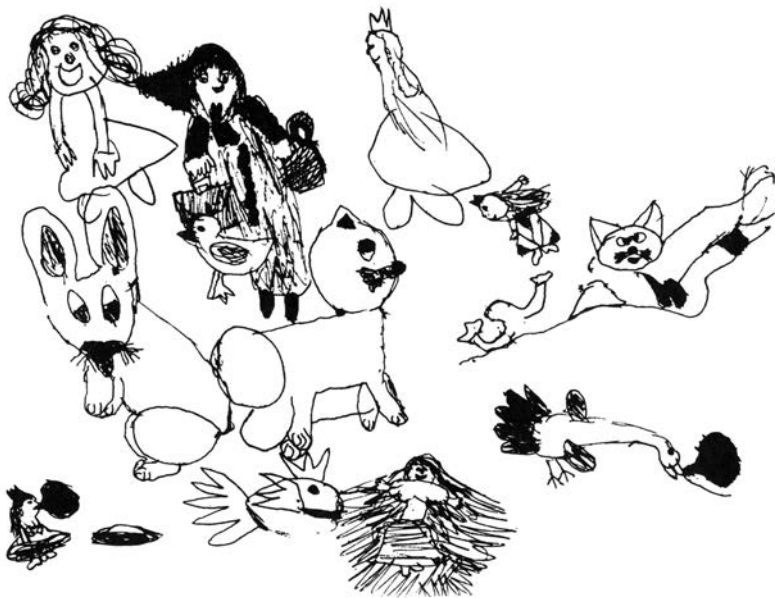
И они ушли.

После занятий баба Ляля отловила меня в туалете. Я отмывала руки от глины. Она приблизилась ко мне вплотную и зашипела: «У Риточки родители за границей, и она боится мужчин с усами, боится, когда ее забирает на воскресенье вторая бабушка. Что за манера отворачиваться, когда с вами говорят!» — взвизгнула баба Ляля.

— Я готова идти навстречу каждому ребенку, — сказала я ей, — но я не пойду на поводу ни у детей, ни у их бабушек.

Вскоре меня вызвала к себе завклубом.

— Ты знаешь, кто она такая?! — завклубом с придыханием произнесла фамилию. Мне она ничего не говорила. Видимо, баба Ляля была какой-то важной аппаратчицей. — Как ты смеешь не пускать девочку на урок?! Тебе подавай дебилов и заик! А нормальную

хорошую девочку ты вышвыриваешь из класса! Ты понимаешь, что значит одно слово этой... — завклубом воздела руки, словно одно слово «этой» могло обрушить потолок, обратить только что отремонтированный кабинет заведующей в руины.

Однако баба Ляля решила не наказывать всех скопом. Она произвела селекцию. Заведующей преподнесла японский зонтик, Борису Никитичу — японский календарик с голой дивой. Остальных уволила. Рустама за то, что он с усами, Татьяну Михайловну за то, что Риточка на ее уроке измазала платье гуашью, ну а со мной все ясно.

Баба Ляля упразднила и сами предметы, преподаваемые уволенными: лепку, живопись и логическое мышление. Уж без него-то явно можно обойтись. А «изо» ввести в новую программу под романтическим названием «Подготовка к школе».

Но все это произошло не сразу. О грандиозных бабы-Лялиных замыслах знал один человек на свете. Завклубом. Мы же, кустари-одиночки, думали, как помочь Риточке и нужно ли перевоспитывать девочку при такой бабе Ляле?

Часто потом я спрашивала себя: если бы знала, чем все кончится, стала бы я искать способ урегулирования ситуации? Сыграть, например, на любви бабы Ляли к Риточке?

Но как играть в игру, не зная правил? Как-то один мой знакомый купил игру в Баку на черном рынке, а инструкцию к ней не приложили. Игровое поле, фишки, карточки с какими-то цифрами, волчок — все было, кроме инструкции. И плакали его денежки!

Разумеется, глупо из-за одной бабы Ляли терять сотню детей. Но работать в ее режиме — значит, потерять себя.

Дочки-матери

Урочное время вышло, а расходиться не хочется. Решили поиграть в дочки-матери. Мы с Борисом Никитичем — родители, и все наши дети нам нравятся. Поскольку был вечер, то мы как будто укладываем всех спать (дети как по команде закрывают глаза). Но перед сном положена сказка. Какие сказки им нравятся? Чтобы хорошо начиналась и... плохо кончалась?

— Нет, нет, — проснулись разом, — такую не надо.

— Тогда пусть она плохо начинается и...

— Хорошо кончается!

На правах мамы рассказываю сказку, а папа-Борис Никитич фотографирует в фонд будущей книги.

Сказка про уже известного всем Человека-Тучу в вариациях. «Если сильно огорчусь, сразу в тучу превращаюсь» — такую табличку приделал папа Человека-Тучи на сыновью грудь. С этой табличкой Человек-Туча пошел искать работу. Его приняли на завод. И все было бы хорошо, если бы начальник не сделал ему выговор. Человек-Туча так огорчился, что от его дождя заржавели все станки. Пришлось искать другую работу.

Перебрав множество разных профессий и причинив немало ущерба народному хозяйству, Человек-Туча решил работать с детьми. Играть с ними в разные игры, кормить вкусным обедом и водить на прогулки в красивые края. В должности Друга Детей он ни разу не огорчился и не причинил ни дождя, ни града.

— Борис Никитич — Человек-Туча! — догадался Виталик.

— Да, дети, — сознался «папа», — мама открыла вам мой секрет.

— Тогда покажите, как вы тучнеете!

— Я разучился. Слишком долго жил в тепле и радости. Теперь уж какой из меня дождь!

— А вот из меня идет дождь, — сказала Анечка, — но я этого чудом не показываю.

Стали мы играть в превращения. Кто стал надутым пузырем, — дотронулся пальцем — лопнул, кто — облаком — попробуй, поймай...

Лишь новенькая Леночка ни в кого не превращалась. Спрятавшись за колонну, она громко плакала — так, чтобы всем было слышно.

— Нога болит, — жаловалась она.

Я уложила ее на банкетку в коридоре, ощупала ногу — ничего.

— А теперь встань и наступи на ногу — прошло?

Лена встала и снова легла.

— Болит. Внутри.

Дети покидали музыкальный класс. Родители одевали их в коридоре и уводили из клуба. За Леной никто не приходил.

Мы с Борисом Никитичем решили было отвести Лену домой, но тут явился ее папа.

— Вставай, чего развалилась, — обратился он к ней. — Опять шея болит?

— Нога.

— С утра была шея. Накостылять бы тебе, притвора!

Лена молча встала и пошла одеваться.

Пока она застегивала пальто, надевала сапоги, папа жаловался на «чертову девчонку».

На следующем уроке я спросила у нее, прошла ли больная нога. Она ничего не ответила и вышла из класса. Потом вернулась и села за стол.

Она не хотела ни лепить, ни рисовать. Попросила сделать ей из проволоки колечко. Я сделала. Она бросила его на пол и ушла.

— Она на всех уроках так, — сказали дети, — то уходит, то приходит.

— Вроде мы с тобой были образцовыми родителями, детей не обижали, рассказывали им на ночь сказки, — говорит Борис Никитич, — разве что ужином не накормили. Может, это у Леночки от голода?

Интересная идея, такого мне бы и в голову не пришло. На следующее занятие я принесла бубликов на всю группу и навешала их на проволочное дерево: «Угощайтесь!»

Довольные дети едят бублики, а Лена надела его на запястье, крутит, как хула-хуп. Покрутила, бросила на стол и опять ушла.

— Бублик возьми! — крикнула Анечка ей вслед.

— А подавись ты этим бубликом! — ответила Леночка.

— Почему эта девочка такая злюка? — спросила Аня.

Прошел месяц. Всякий раз у Лены что-то болело. Посреди самой увлекательной игры она покидала класс. Побродив в коридоре, она возвращалась, открывала дверь и застывала в нерешительности.

Папа по-прежнему являлся за ней позже всех. Маленький, сутулый, в кургузом пальто из кожаменителя, он буквально падал с ног от усталости. Пока Лена одевалась, он дремал. Говорить с ним было бесполезно, я решила дожидаться маму.

И она пожаловала. В дорогой шубе, в фирменных очках с наклеякой. Зажав Лену между колен, она с раздражением застегивала на ней пальто.

— Суй ногу быстро, что я сказала! (Лена вставила ногу в сапог.) Когда ты научишься сама одеваться!

У Лены на рейтузах — дыры, кофточка в пятнах, пострижена кое-как, зато у мамы — роскошная прическа.

— Вы здесь педагог? Скажите, можно что-нибудь сделать из этой бестолковщины?

«Бестолковщина» по стойке смирно стояла в клещах материнских ног.

— Она очень хорошая девочка, — завела я обычную песню.

— Добра с три короба! — Мама отпустила Лену и встала. — Смотрю, от эстетики вашей никакого проку. Зря ходим. Ладно, двигай, чудовище!

И они двинули. Я услышала, как Лена жалуется маме, что у нее болит глаз, а та ей отвечает:

— Ничего у тебя не болит, хватит морочить голову!

Лене так хочется, чтобы ее пожалели. Недоласканные дети часто симулируют болезни, чтобы хоть таким образом обратить на себя внимание, вызвать сочувствие.

Мне доводилось встречаться со взрослыми Ленами. Они согласны на любое, самое тяжелое медицинское исследование, лишь бы доказать всему миру, как тяжело они больны, что им на самом деле плохо, что они на самом деле нуждаются в жалости и сострадании.

Знакомясь с анамнезами психопатов, я заметила, что все они, как правило, росли непонятыми, заброшенными, необласканными. Но ни Борис Никитич, ни я, ни десять студий эстетического воспитания, вместе взятые, не смогут помочь Лене вне контакта с ее родителями. Но как установить душевный контакт с шубой и солнцезащитными очками?!

Если бы Борис Никитич оказался взаправдашним Человеком-Тучей, то от одного лишь взгляда на мать Лены он бы просыпался градом. Или снегом. Дело-то идет к зиме.

Птичий рынок папугаи они гаваряце

Все рисунки, что дети дарят мне или отдают на хранение (дома выкидывают!), получают у нас прописку. Рисунки «трудных» детей висят на кухне, где я провожу большую часть домашнего времени.

На подвесном шкафу — «Птичий рынок папугаи они гаваряце онтон симен и барис». Клетки пусты, Антон, Семен и Борис сидят на жердочках. А папа Нины за роялем. Удивительно схваточное сходство. На рояле написано «вел», то есть «лев», из него вылетают ноты-птицы, поющие звуки. На рисунке рядом — папа за столом, над ним — клетка с попугаем на жердочке, сверху свисает люстра. Это мир Нины, которого больше нет. Папа ушел, попугай улетел, любимая люстра осталась в прежней квартире.

— Возьмите, — толстая грустная Нина вручает мне кипу рисунков. — Мама все равно выкинет.

— Это ужасный ребенок, она все жилы может вытянуть, — Нинина мама, этакий Вечный Сон, зевает, потягивается, нисколько не стесняясь моего присутствия. — Захотелось собаку — всё! Принесет с помойки, я вышвырну ее, так она другую притащит. Может, вы объясните ей, что при моем положении иметь собаку в доме...

Разведенные родители живут в одном подъезде. Новая жена отца не пускает Нину к ним, а новый друг мамы Нину «не терпит».

— Сейчас все разводятся. — Нинина мама с трудом подавляя очередную зевок. — И никто не ведет себя так безобразно, как Нина. Она этим пользуется. Тоня, например, спит и видит, когда ее родители разводятся.

Тоня — подруга Нины, я упоминала о ней в главе «Рюкзак с дорогами». Ее рисунки, «Портрет мамы», пышной красавицы под японским зонтом, и «Дом для рыб», с лестницами, трамплинами и рыбами в гимнастических купальниках — висят рядом с Ниниными.

Я уговаривала Тонину маму отдать девочку в художественную школу, прямо напротив их дома, но той все некогда: третий год подряд она пытается развестись с мужем. Где тут заниматься «юным дарованием» — успеть бы накормить, отправить в школу и проверить домашнее задание.

«Елена Григорьевна, а почему родители детей не спрашивают, хотим мы родиться или нет?» — спросила меня как-то Тоня.

Полнотой, гурманством и жизнелюбием она напоминает мне раблезианских красавиц. Все она делает с размахом, лепит большими массами, рисует на больших ватманских листах.

Помню, мы ставили спектакль по «Орфею и Эвридике». Тоня изъявила желание сделать декорацию к царству мрачного Аида.

«Вот уж я тьмищи наведу, так наведу!» – воскликнула она, берясь за кисть.

Смелая вышла работа. Пока дети рисовали персонажей на картоне, Тоня самозабвенно писала тьму. Но это была не темная поверхность, а тьма, высвеченная золотой охрой, с белым тоннелем (по нему должны были шествовать Орфей с Эвридикой) и россыпью красок вокруг. Живописная тьма.

В четыре года Нина тоже была полна жизни. Этакая фруктовая девица: щеки-яблочки, глазки-вишенки. С какой скоростью рождались в ее руках кони и собаки, птицы и кошки! В пять лет она хотела быть лошадиным доктором, в шесть – прокрасться ночью в зоопарк и выпустить всех зверей из клеток. В семь на нее обрушилось горе – развод родителей, и она стала капризной и требовательной. Ее могла бы спасти та собака, которую она принесла с улицы. Но маме в «ее положении» не до собаки.

– Хоть бы он подох, – говорит Тоня Нине о своем отце.

Отец Тони любит Пушкина. Разбудит ее среди ночи, посадит сонную на стул и читает «Пиковую даму». Сказал же Пушкин, что «Россию спасет только медленное просвещение». Вот он в лице Тони и спасает по ночам Россию от умственной тьмы.

— А мой папочка пусть живет, — отзывается Нина. — Вот надоест ему его ведьма, он назад и запросится. А мы его с лестницы спустим. Я у него все выпрашиваю. Пусть покупает, у мамы денег нет.

— А я со своим не разговариваю. Он меня привел на плавание, а я в раздевалке спряталась и не выхожу. Он решил, что я утонула!

«Непослушная, своенравная, упрямая!» — так охарактеризовала мать Тони собственную дочь на первом занятии. Для оправдания характеристики Тоня спряталась под стол, отказалась заниматься вместе со всеми. Я опустила ей под стол коробку пластилина и доску для лепки. Вскоре вся группа оказалась под столом. Урок «под-стольной» лепки дети помнят по сей день.

Какое-то время мы всей группой встречались у Тони. Но раз от разу становилось все трудней работать в такой атмосфере.

— Сейчас же найди ножницы! — кричала Тоня на мать. А та никак не могла найти ключа от шкафа, где лежали ножницы. — Она все закрывает на ключ — объяснила нам Тоня. — Отец ворует. Он продал все домашнее серебро.

— Пусть она его выгонит! Скажи ей, чтобы она его выгнала! — советует Нина.

Рисунки — судьбы... В очередной раз выкипает молоко — я загляделась на попугаев Антона, Семена и Бориса, на Нининого отца за роялем «Лев», на лицо Тониной мамы, бредущей в дожде под ярким зонтом. И действительно, почему нас не спрашивают, хотим мы родиться или нет?!

Нюра слепила кузнечика

«Что можно сказать о девочке, которая слепила кузнечика?» — так начинался давний мой рассказ про девочку Нюру. О том, как Нюра не хотела оставаться на занятиях без мамы. Ее мама Таня была молоденькой и жаловалась: «Нюра ни на шаг от меня не отходит и никуда от себя не отпускает».

Нюра была очень похожа на мать — тоже розовощекая, голубоглазая, с ямочками на щеках. Разве что без очков. Я разрешила Тане присутствовать на занятиях, и Нюра успокоилась. С непостижимой быстротой ее пальцы выкрутили из зеленого брикета лапки, усы, и на маленькой ладони появился настоящий кузнечик. Подобрал под себя передние лапки, он шевелил длинными зеле-

ными усами. Блестящая зеленая спинка отсвечивала голубизной, сверкали черные глаза-бусинки.

Таня сияла. Дочь подарила ей кузнечика.

Прошло время. Теперь Таня вместе со всеми родителями поджидала дочь в коридоре. Те, кто побывал в гостях у Нюры, рассказывали про шикарную квартиру, одна из комнат переоборудована под спортивный комплекс. Отец Нюры был каким-то боссом.

Когда нашу студию закрыли, я скиталась с учениками по разным домам. Таня возила дочь из Зеленограда в центр Москвы. На лето мы, разумеется, расставались, а осенью снова искали, куда притулиться. Таня звала к себе, но всей группой ездить из центра в Зеленоград было невозможно.

И вот — Нюры нет. Месяц, другой. Может, нашли что-то поближе к дому?

Зимней ночью раздается телефонный звонок. Таня. Заикается, просит прощения за поздний звонок.

— Что случилось?

— Украла Нюру.

— Кто?!

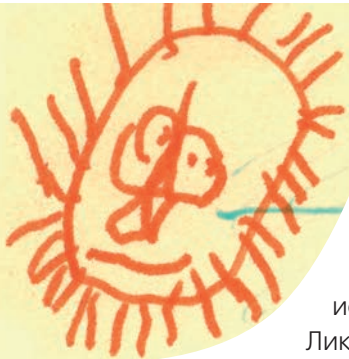
— Муж. Он украл ее и увез в Ленинград, к новой жене. А у той скоро будет ребенок. Что мне делать?

Неужели маленькая Нюра это предчувствовала, не отпускала от себя мать?!

Мы договорились, что Таня приедет ко мне с первым автобусом. Но чем я могу помочь?! Представила бедную Нюру в чужом городе с беременной мачехой.

Стоило Тане на минуту опоздать к концу занятий, Нюру охватывал тихий ужас. «А мама придет?» — спрашивала она шепотом. «Все мамы ушли за подарками», — объясняли ей дети. Ну и что! Нюре не нужны подарки, ей нужна только ее очкастая мама.

Вспомнилась Лика, соседка по даче. На какое бы время ни отлучилась мать, она ходила из угла в угол, заложив руки за спину, как профессиональный зэк, и повторяла: «Вперед к маме — назад к маме!» Когда мы встретились с Ликой снова, ей уже было восемь лет. Ее маме, молодой красивой женщине, хотелось проводить вечера во взрослой компании, купаться вместе со всеми в море, гулять по горам. Она уходила, как только Лика уснет, и просила нас прислушиваться. Но нечего было и прислушиваться. Стоило Лике проснуться

и обнаружить отсутствие мамы, она подымала страшный крик: «Мама упадет с горы, ее съедят волки!» Успокоить ее было невозможно. «Мама, мамочка, мама ты моя!» — и вся песня. Когда Лике исполнилось тринадцать лет, мама ушла, оставив Лику отцу. У девочки было верное предчувствие.

Видимо, и Нюра не зря держалась за Танину юбку.

Утром Таня перезвонила мне и сказала, что едет в Ленинград искать Нюру.

Она объявилась через несколько месяцев. Ей удалось выкрасть дочь. Она привезла ее домой, и они сидят с ней в квартире под тремя замками. Нюра плохо ест, плохо спит...

Со временем, надеюсь, Нюра оправится от удара. Но той девочки, которая слепила кузнечика, больше не существует. И не зря она плакала.

Что оканчивается на «ок»?

Мы часто сочиняем стихи, вернее, говорим в рифму. Рифма вводит в ритмично организованное пространство, моделирует речь.

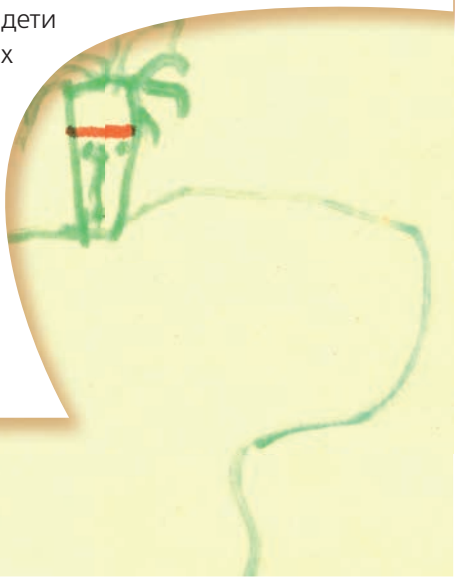
Вот спешит грузовик, он везет... маховик.

Вот идет ученик — он несет нам дневник. И т. д. и т. п.

Кроме того, на занятиях я часто читаю детям стихи. Не для того, чтобы они потом лепили кота ученого или тридцать трех богатырей оптом, а ради собственного удовольствия, и, естественно, потому, что им нравится слушать. Когда делаешь это как бы бесцельно, получаешь неожиданный результат.

Он — в лаконизме. Слушая стихи, дети «попадают в ритм», и это влияет на их отношение к форме и композиции. Они начинают искать простой и при этом выразительный способ передачи образа. Стихи организуют мышление.

«Пошла Маша во лесок, а в руке-то кузовок. Как нашла она грибок, положила в кузовок. Сорвала она цветок и туда же — в кузовок».

Всё на «ок» — в кузовок. Мимоходом научились плести кузовок. Наша задача не только в том, чтобы уместить в кузовок все предметы на «ок», но и чтобы сделать их соразмерными: рыболовный крючок меньше, чем молоток, но больше, чем сверчок, и т. д.

...Поясок, ремешок, совок — все поняли задачу.

Одна девочка лепит грибы и приговаривает:

— Это белый грибок, это поганый грибок, это лисичий грибок, это подберезовый грибок. Все разные!

— Но это же одни грибы!

— Тогда я еще цветок слеплю. Это анютин цветок, это ромашкин цветок, это заячий цветок.

— Заячий?

— Да, его зайцу на день рождения подарили. Беленький и лепестки ушами.

Зайцы — двигатели прогресса. Сколько восхождений к вершинам мысли произошло при непосредственном участии зайца!

— У моего зайца день рождения, — сообщает она громко.

— Заяц не на «ок», — возражают ей.

— У меня не заяц, а зайчонок, не стул, а стулок, не стол, а столок, — у меня потому, что все маленькие. Только цветок большой. Как дерево.

— А у меня подарок на «ок», — находится мальчик, который весь урок лепил машину. Машина явно не вписывалась, но ему хотелось машину.

— И у меня подарок! — подхватывают те, у кого не получились вещи на «ок». А подарки надо дарить.

Дети выносят из класса «подарки».

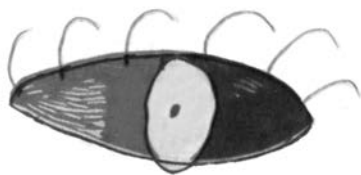
— Ох, как хорошо ты слепил, — хвалит мама сына.

— Это не я, это подарок на «ок», — объясняет он маме. — У всех на «ок»!

— Вот и хорошо, сынок, — говорит мама.

Учительница,
посмотри на свои глаза!

Из потока информации ребенок выхватывает то, что интересует его в данный момент. Если он одержим идеей создания подводной лодки, а ему велят писать А, то он пишет А, продолжая

думать о подводной лодке. Лишь бы не мешали.

«Из-за леса, из-за гор едет дедушка Егор...» Прибыл к нам, разумеется, не дедушка, а мальчик Егор. Русоволосый, подстриженный под горшок, он браво въехал в класс на палке-коняшке. Однако бравости хватило ненадолго. Лепить неохота. Может, просто так посидеть, отдохнуть с дороги, посмотреть, что другие делают. Он улегся на стол, положил руки под подбородок. Но вскоре ему это надоело, он попросил клей и стал склеивать бумажки. Одну с другой.

Спросила Егора, не пагоду ли он случайно строит. Нет, он не знает, что такое пагода, он просто клеит, просто так.

И вот он приходил на занятия, пол-урока как бы дремал, к концу оживлялся, вставлял весьма едкие замечания «по поводу», иногда что-то клеил.

Так бы и шло, если бы однажды я не решила призвать Егора к делу. Сколько можно лоботрясничать?! Я резко окликнула его. Егор подскочил на стуле.

— Учительница, — вскричал он, — ты посмотри на свои глаза! Какие у тебя глаза? У тебя другие глаза!

Он испугался меня, как Бабу Ягу, вдруг появившуюся неведомо откуда.

Поговорив с его мамой (почему я не сделала этого раньше!), я узнала, что Егор очень устает от окриков в детском саду и сюда приходит отдыхать. Оказывается, он прямо-таки тоскует по лепке, а на вопрос, почему он ничего не делает на уроке, отвечает, что ему там «нравится просто так».

Вскоре Егора перестали водить в студию.

Я посмотрела на свои глаза, и мне стало стыдно.

Детская грамматика

Первое слово «мама» — это не слово, а назывное предложение. Ребенок еще не может сказать: «Мама, иди ко мне, я боюсь» или «Мама, я хочу пить» и т.д., но, говоря «мама», он выходит на связь. Осуществляет коммуникацию.

Все начинается с имени существительного в именительном падеже. Затем осваиваются множественная и уменьшительная фор-

мы. Появляется склонение, т. е. нащупываются межпредметные связи, и только потом вводятся предлоги и союзы.

Сравним этот процесс с изобразительной деятельностью.

На первых порах осваивается линия, затем она замыкается, образуя окружность неправильной формы, окружности «тиражируются», замыкают сами в себе окружности меньшего диаметра, т. е. идет работа на уменьшение, потом окружности вступают во взаимодействие друг с другом, образуя различные композиции, и в результате превращаются в «головоногов», где руки-ноги можно уподобить грамматическим предлогам и союзам.

Все дети, как правило, проходят стадию «каракулей», «кругов» и «головоногов». Устойчивые повторяющиеся элементы можно определить как архетипические.

Архетипы — это первообразы, модели, бессознательно воспроизводимые в творчестве. Понятием архетипа мы обязаны К.Г. Юнгу. Архетипы универсальны для всех культур, ибо они берут начало в «коллективном бессознательном», первобытной памяти человечества.

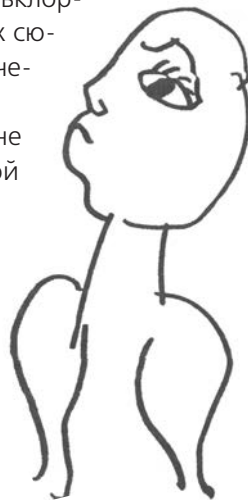
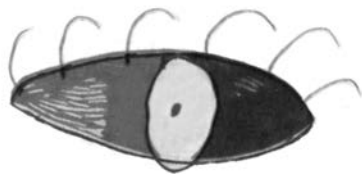
Сколь бы ни был уникален творец, его творение заключает в себе некую устойчивую модель: младенчество, материнство, благородная нищета, мудрая старость и т. д. и т. п.

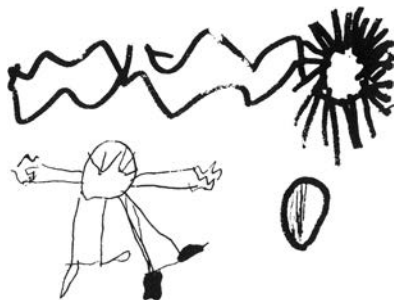
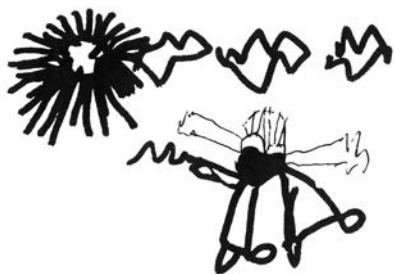
Неспроста дети тяготеют к сказкам, к фольклорному началу. Именно в сказочных, народных сюжетах представлены все основные архетипические мотивы. Они «знакомы» детям.

«...Все это уж было когда-то, да только не помню — когда», — так передавал А. К. Толстой это ощущение.

Грамматика — тоже реализация архетипических конструкций, структур, записанных в коллективном бессознательном. И потому она легко усваивается детьми.

Когда дети говорят «дай мне ножницы» или «здесь мало ребенков», они говорят грамотно, в соответствии с правилами склонения.

Звуковая оболочка слова и «цветность» изображения завораживают детей. Поначалу слово не связано прочными узами с его семантикой и цвет не соответствует реальной «оцвеченности» предмета.

«Пусть море будет красным, а человек — синим!» Это не вызов правде жизни. Он рисует море красным, а человека черным, поскольку в тот момент его занимает не цвет, а «конструкция» изображаемых предметов.

В книге Е. И. Негневицкой и А. М. Шахнаровича «Язык и дети» приводится такой тест: детям, не знающим, как выглядят кит и кот, предложили сравнить, кто больше. «Кот больше». — «Почему?» — «Потому что “о” больше “и”. Слышно же: “о” — круглое, “и” — узенькое». Затем назвали двух существ — Бима и Бома. Предложили определить, кто больше. «Бом больше Бима».

ЛЮДИ
ДЕЛАЮТСЯ,
КАК
ЦЫПЛЯТА.
МАМА
СОЕДИНЯЕТ
ИХ СВОИМ
ТЕПЛОМ

Дети без труда изображают абстрактные понятия, так как за ними нет закрепленных значений, и свободно находят форму словесной оболочке. Их завораживает рифмованная бессмыслица. Ее звучность, ритмичность толкают ребенка в бескрайнее речевое море, и он плывет по нему сам, наполняя звуковые сосуды слов своим содержанием.

Передача абстрактных понятий в форме — важнейший акт в развитии образного мышления. Во-первых, здесь не работают стереотипы. Во-вторых, если предметы можно опи-

сать как набор разных признаков: длины, толщины, фактуры и т. д., то такие абстрактные понятия, как «время», «мысль», «счастье» и пр., можно выразить только метафорически, через образ.

Овеществление, материализация слов — исключительно важный процесс, ведущий и к обогащению речи и к формотворчеству.

Угол зрения

Время дети отсчитывают не по часам, а по событиям.

— День рождения у меня был осенью. В начале зимы. Зимой, в общем.

— Да нет. Когда бабушка приезжала. Не сегодня же.

Многие один день считают за два — до дневного сна и после.

— Сегодня — это сегодня или еще позасегодня?

У них свое представление о пространстве:

— Рома, надо иметь предел. Космос и то с каким-то пределом.

Они по-своему понимают расстояние:

— Я за один километр сию. Это близко, к вашему сведению.

— Два километра, у-у-у! Всю ночь идти.

Они думают, что чем больше ешь, тем больше станешь.

— Был большой, а потом унизился, потому что мало каши ел.

Они надеются на то, что подрастут и смогут летать.

— А я, между прочим, как в школу пойду, так и залетаю.

Как правило, они спокойно относятся к смерти:

— А мне весело. Где музыку услышу, туда и бегу смотреть похороны.

Они все понимают буквально:

— У меня в книжке написано, что на краю земли находится север. Значит, у земли есть край.

Они с необыкновенной легкостью сыплют неологизмами:

— Один раз лепну и больше не буду.

— Я видел на канале следоход.

— Был такой цирковой клоун, что он даже на торкалку лез и с велосипеда падал.

— Были такие люди — Го и Мо, и они нам прислали гоголь-моголь.

Они поражают нас неожиданными вопросами и находчивыми ответами:

— Как ты думаешь, мамы говорят своим малышам: «Не плачь, а то слеза у тебя на щеке застынет»? Если даже они пугают, то я знаю ответ для малышей: «Засуньтесь этой щекой в теплую воду».

— Отчего у ребенка ноги кривые? Оттого у него ноги кривые, что у мамы кривые, а ноги ребенка в ее ногах.

У них свои идеи о рождении человека:

— Как же ты родилась без мамы? Трудно тебе было?

— Да. Я всё сама делала.

— Люди делаются, как цыплята. Мама соединяет их своим теплом.

Типообраз

Как мы уже заметили, в изобразительном творчестве детей, как и в речевом развитии, существует «переходная грамматика». Каждому периоду развития соответствует определенный тип образа. Одним словом, типообраз.

Расширение связей между предметами ведет к усложнению, насыщению композиций. Нарисованные и вылепленные предметы стремятся к взаимодействию, которое в начальной фазе выражается схемами-знаками. Треугольник пластилина на вылепленной девочке обозначает юбку. Ребенка не заботит, как выглядит девочка в юбке сзади. Пока он мыслит «фронтально». Изображает все анфас.

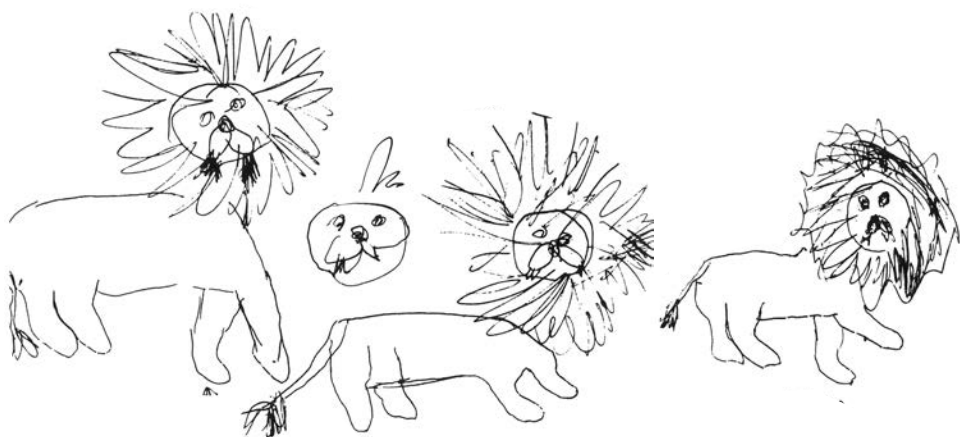
В возрасте от четырех до пяти дети символически изображают движение предметов и связи между ними. Это пора называния предметов не только словом (речь освоена), но и линией и формой. Для нее характерно «нарабатывание» большого количества типообразов.

К 6—7 годам в рисунках детей появляются профильные изображения, люди со спины; прежде неподвижные уточки и лебеди склоняют пластилиновые шеи, пьют воду из пластилиновой лужи.

Мир приходит в движение.

Метаморфозы, превращения настолько увлекают ребенка, что он, занявшись изображением одного пред-

мета или персонажа, забывает об общей композиции. Многократно нарисованный персонаж начинает жить своей жизнью по принципу комиксов. Солнце, небо, цветы теперь присутствуют на рисунках как фон, освободиться от которого мешает только привычка. Потребности в изображении солнца над мышью, несущей крупу, нет. Атрибуты «всего мира» постепенно вытесняются типобразами.

Неподвижная прежде лошадь (овал с ушами, гривой и хвостом, поставленный на ноги) делает первый шаг, путается в ногах. Окрепнув, она разгоняется и пускается вскачь. Многократно проигранный сюжет с бегущей лошадью обращает внимание ребенка на нарисованного им человека. Лошадь бежит, человек стоит на месте. Почему? И человек спохватывается, поворачивается к нам в профиль и мчится за лошадью.

«Динамический» типобраз начинает фигурировать во всех работах, включается в разные ситуации, отрабатывается в серии рисунков или скульптур. Возникает серийность, которая помогает ребенку развернуть сюжет в пространстве и во времени.

Графический сюжет, как и словесный, строится по хорошо усвоенной (из сказок), жестко структурированной схеме, где непременно наличие завязки, кульминации и развязки.

Теперь на рисунках все приходит в движение. Одушевленные и неодушевленные предметы становятся персонажами. Молоток гонится за гвоздем, еж убегает от телеграфного столба, приняв его за удава.

Чаще всего рисованием комиксов все и заканчивается. К моменту окончания младшей школы у ребенка, как правило, «пропадает талант». Потому что школа не развивает, а эксплуатирует его способности: нарисуй для стенгазеты, покажи всем, как надо правильно рисовать. Ребенок производит отработанные им шаблоны и попадает в тупик. Дело ведь не в том, что у человека есть талант, а в том, что ему с ним делать.

Счастливый билет

Перед сном дочь просит «записать сказку». Она ставит «видную» точку посередине или снизу листа — сказка будет от сих до сих — и начинает рассказывать, поглядывая за моей рукой. За несколько сантиметров до «видной» точки она делает паузу, охватывая мыслью все сказанное, и лихо завершает сказку. Удивительно, как бы далеко ни уносила ее фантазия, а концы обязательно сходятся с концами.

К названию Маня относится очень ответственно: оно варьируется, уточняется, и, когда окончательный вариант принят, рассказ льется потоком.

*Мальчик взял
трех ящериц к себе*

Я гулял по тропинке, которая росла на самом большом холме. У нас в дереве была бочка, под которой не было никакого жилья, ни насекомых, никого. И было озеро, возле которого были большие камни, и в камнях все время росли травинки, которые никак не могли погибнуть. Травинки скучали и очень просились, чтобы их сорвали.

Я замечал, что под травинками все время что-то шевелится. Вдруг в ясный день я заметил, как из-под травинки вылезли ящерицы. Это были не только подружки, это были сестры. Ящерицы волокли за собой маленького жучка, но жучок остановился и стоял. Теперь они волокли за собой не жучка, а муху, но муха взлетела и села мне на нос. Ящерицы качали головой:

— Боже мой, вся наша добыча улетает прямо из-под ног. Или это муха была, или Жучка, — пробормотали ящерицы на своем ящерином, очень сложном языке.

— Вот стрекоза летит, мы ее должны съесть, но она же такая длинная, как истукан, — сказала младшая ящерица.

— Да ничего такого, — пробормотали ящерицы, покачав головой.

— Болванка, — сказала старшая ящерица младшей, — почему бы не есть стрекоз, мы же их длинней!

— Почему наш знакомый жучок сразу упал в обморок, когда увидел стрекозу? — спросила младшая.

— Но мы же не жучок знакомый, — ответила старшая, — мы три культурных ящерицы.

— А ты нас думаешь величать жучком, тем более одним, — сказала другая.

Я медленно наклонил руку и взял их на ладонь.

— Да, они мне пригодятся, — сказал я.

Так я взял трех ящериц, которые, как попугаи, научились говорить на человеческом языке.

Конец.

Перед словами «Я медленно наклонил руку...» Маня остановилась. Точка близка! Пора закругляться.

Как-то дети завели разговор о счастье. Не помню уж, как он возник, но тема животрепещущая — высказывались все:

— У нас в деревне сирень растет, с пятью лепестками. Я летом наемся — и весь год счастливая.

— А мама говорит, что счастье не продается и не покупается. Потому что я попросила сахарную вату купить, а у мамы денег не было.

— А я видела целый вагон счастья. Даже состав целый. Там «Жигули» везли. Новенькие.

— Зато я счастливых билетов наберу, наберу по автобусам и дома, после ужина, все съем. Мне потом такие сны снятся!

Вернувшись из студии, Маня попросила меня записать рассказ, возможно, сочиненный ею по дороге.

Как человек ел

счастливые билеты

Однажды мальчик ехал в автобусе. Там были все билеты счастливые. Он их откручивал и ел. Прохожие думали, отчего, почему и за чем он жует билеты, и никак не могли додуматься. Потом мальчик

пересел в другой автобус. Там не было счастливого билета. Тогда он пересел в такси и сжевал рубль, который собирался дать шоферу.

Дома у него была огромная куча билетов, и он ее всю сжевал. Назавтра у него заболел живот. И мальчик подумал: «Как же так, они должны были принести мне счастье, а принесли одно боленье живота? Поскорее бы избавиться от этого счастья!»

Кончилось боленье живота, и он поехал в магазин на своем любимом автобусе, где всегда были счастливые билеты. И он взял билет и снова сжевал.

— Что вы жуете? — спросил какой-то гражданин.

— Билет.

— Запрещается жевать билет, потому что это химия.

Вдруг у мальчика какая-то мысль странная произошла, что не надо есть билеты, и он очнулся. Но дома у него остался запас счастливых билетов, и он съел их на завтрак. Это он так завтракал. Но тут у него заболела голова, и он решил закончить всю эту историю.

На самом деле голова заболела у Мани, к тому же мы приближались к точке.

Рассуждансы

Людям тесно в детерминированном мире. По словам О. Мандельштама, детерминизм приводит к «всепониманию, граничащему с ничегонепониманием... Движение бесконечной цепи явлений без начала и конца есть именно дурная бесконечность. Она ничего не говорит уму, ищущему единства и связи. Ум... не есть знание и совокупность знаний, а есть хватка, прием, метод».

Детский ум занят поисками «единства и связи». С годами накапливается опыт, углубляется понимание, но теряется непосредственность. Мы смотрим на мир сквозь множество запыленных призм, у нас «осколочное» зрение, оно не дает ощущения цельности, приобретенного в детстве и утраченного в процессе взросления. Истина открывается нам на мгновение, и часто в критические моменты. Так случилось с Андреем Болконским на Аустерлицком поле.

Мышление детей космично. Оно охватывает все явления разом и запечатлевает их в самых разнообразных формах. Предметы

разных уровней и категорий существуют в единстве. Взросление наступает именно тогда, когда ребенок впервые задастся мыслью, что будет потом, вслед за «сейчас». «Потом» — это шаг в иное измерение, где властвует время.

Первый кульминационный момент в жизни человека — это появление на свет. Как утверждает еврейская легенда, ангел стоит «у ворот», проводит

крылом по лбу новорожденного, и тот навсегда забывает о блаженстве пребывания в космическом мире материнского лона. Таким образом, жизнь человека не что иное как поиски утраченной цельности, обрести ее дано лишь в моменты прозрений.

Маленькие дети живут в состоянии «дежа вю», они еще многое помнят.

В рассказе «Типообраз» говорилось о том, как, задавшись целью развернуть сюжет во времени, повзрослевшие дети теряют ощущение композиции, то бишь ориентации в пространстве. Развод пространства со временем — второй кульминационный момент в жизни ребенка.

Если б знать, чего не знаешь, можно было бы стремиться это узнать. Но мы не знаем, чего не знаем, и лучше прислушиваться к поэтам, читать вместе с ними детские книги и «лелеять детские мысли».

Подать сюда результаты деятельности!

Какой бы страшной ни была сказка, у нее счастливый конец. И дети, «трепеща и содрогаясь», уверены в счастливом, справедливом завершении дела. Как правило, ребенок идентифицирует себя с главным героем, вместе с ним он преодолевает препятствия, вместе с ним находится на грани отчаяния (Баба Яга или Кощей Бессмертный грозят не только Аленушке с Иванушкой, но, главным образом, ребенку, слушающему эту историю), вместе с героем ребенок

ДАВАЙТЕ
СЛЕПИМ,
КАК МЫ
СИДИМ ЗА
СТОЛОМ
И ЛЕПИМ

переживает катарсис (очищение через страдание) и торжествует победу.

Реакцией на волшебный и при этом четко структурированный текст сказки может стать композиция, весьма далекая от темы, но адекватно выражающая поэтику сказочного пространства. «Чистая» эмоция найдет выражение в цвете, анализ событий — в графике, а желание «попасть внутрь» — в макете пространства.

Иногда, когда я вижу, что ребенку трудно справиться с каким-нибудь элементом лепки, я сочиняю сказки, в которых этот элемент играет важную роль.

Маленький мальчик не мог скатать змейку, она рвалась у него в руках, и он очень переживал. И я выдумала историю не про змей (чтобы не лить йод на раны), а про макароны. Один человек оказался в Италии и решил отведать спагетти, по-нашему макароны. Это были макароны длиной как от нашего класса до «Гастронома». Стал турист наматывать их на вилку, наматывал-наматывал-наматывал-наматывал и в конце концов так замотался, что пропал из виду. Что делать? Вызвали родственников из Москвы. Родственники принялись его объедать, ели-ели, ели-ели, ели-ели, так до него и доелись. То-то было радости! И родственник жив, и они сыты.

Слушая, мальчик «автоматом» скатывал макароны, которые он сам же и превратил в змеек.

«Так что же, значит, детей ничему нельзя учить?! — возразят мне читатели. — По-вашему, пусть делают, что хотят!»

А попробуйте-ка сделать то, что хотите, попробуйте передать то, что хотели передать! Чтобы делать что хочешь, необходим высочайший уровень свободы. И, разумеется, мастерства, которое приобретается с опытом. Опасно обучать ребенка разным техникам до того, как он понял, что хочет сделать. Это не расширяет, а ограничивает его возможности.

Зародыш конформиста сидит в каждом ребенке: пытаюсь доказать свое и не достигнув понимания, он вам уступит. Вы станете работать за него, принимать за него решения, а он или будет, или не будет их выполнять. Это уж как получится. Психолог В. С. Ротен-

берг называет такое состояние «потерей поисковой активности». Действительно, если мы всё решаем, ребенку ничего не остается, как подчиниться и выполнять поручения. А подавленная в детстве творческая инициатива разовьется в комплекс неполноценности.

Мои размышления прерывает громкий голос завклубом.

— Где результаты вашей деятельности?! Пора менять форму работы. Устройте выставку-продажу: поделки из глины, картины, рисунки — деньги перечислим в Фонд мира.

Результаты нашей деятельности — в самой деятельности. А вот «результаты деятельности завклубом» выразились в том, что она объединила группы. Решив, что родители что-то перепутали, я развела детей по классам.

— Вы бы научились смотреть в расписание, — отчитывала меня завклубом перед детьми.

То, что в каждой группе свой микроклимат, что это живой организм, а не набор разных детей, ее не интересовало.

— Мы не можем оплачивать группы в десять детей. Норма — пятнадцать-семнадцать.

— Мне придется уйти, — сказала я Борису Никитичу.

— Только плохая мать может уйти от детей, когда ее не устраивают жилищные условия, — сказал Борис Никитич.

Чик-чирик

— Чик-чирик! — Сказала мама.

— Чик-чирик! — Сказал отец.

Но сыночек был упрямым:

— Чики-рик! — Сказал птенец.

— Чики-рик! — Сказала мама.

— Чики-рик! — Сказал отец.

Но сыночек был упрямым:

— Чик-чирик! — Сказал малец.

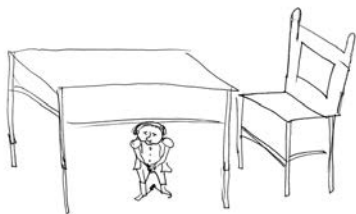

К счастью, детей переупрямить так же трудно, как птенца из стихотворения семилетней Люси.

— Специально водила своего в зоопарк. Уж стояли у этого слона вонючего битый час. Вернулись, говорю: «Видел слона? Теперь слепи». Ни за что!

6. СТУЛЬЯ И СТОЛЫ

Потом великаны рассказали ткачам и призывали спрядать и ткнуть и дастов. И сотни добродушнов делают четвероногие придементы, которые называются непонятными словами: **СТУЛЬЯ И СТОЛЫ**, в окна выкладывают так:

Далее миролюбивые добродушны уже начали подумывать о свертывании великанов на столы, опознано или скрывают эти мысли, но они всегда ничего не скрывают и поэтому, чаще не получались, и великаны насторожились.

Я ~~хотел~~ ^{хотел} ~~или~~ ^{или} ~~нехотел~~ ^{нехотел} ~~иногда~~

Важный боковой день добродушны **ПАСЛИ КОРОВ ИДОЛИ И** их, у населенца нехватало времени на свою работу идаться на село, дети ходили по домам ~~и~~ и работ внароде возрастали... Всё молоко которое изжидавшие эти-таки **ВЫДОИЛИ** из **КОРОВ** они посылить приносили внароде великанов, которые пировали день и ночь:

7. Коровы

Иногда после стульев великаны не шились над маленькими коровками, и застрелили его **ПАСТИ И**

ДОИТЬ великанские животные называются **КОРОВА**. Я вам пишу добродушнов за этой затруднительной дилеммой работой.

9 Совет ? (1)

И вот в один день, когда великаны пировали (как обычно) в своей пицере, старейшие решили создать совет. Они пригласили всех мудрецов и старейшин окружились **собраться в Доме старейшин**. Это были почтенные великаны. Велось сюда люди (большой чашкой чая).

— А с моей ходили на «Золушку», так она вместо Золушки вылепила какую-то коляску из скорлупки.

— Может, это была карета, в которой Золушка ехала на бал?

— Да какая карета из скорлупы!

— А мы ходили в музыкальный музей, все инструменты пересмотрели, вернулись — так мой нарисовал веник. Спрашиваю, где ты там веник видел? В туалете, отвечает. Веник у нас дома есть, стоило в такую даль за веником тащиться?

— А у нас не такой, говорит, у нас, как зубная щетка, а там, как ведьмино помело. Еще и ведьму пририсовал, назло.

— А моя в детском саду ну никак не хочет рисовать. Дома все какие-то фантики рисует, а что велят — ну ни в какую. Задубенит — и всё.

— Я уж и в ботанический сад, и в дендрарий, куда только ни вошла, а у него на уме — одни ракеты да пушки!

— Лето провели у моря, каждый день, как на работу, на закаты выходили. Купила краски — нарисуй, нет, малюет не пойми — не разбери.

Это беседа родителей. Пока малыши занимаются, взрослые делятся общей бедой — у них упрямые дети!

Смотрят же они по телевизору «Выставку Буратино», «В гостях у сказки» (я бы назвала ее — «В когтях у сказки») и там — «Какие поделки, какие картины!»

Чужие лавры никому не дают покоя. И родителям, и нашей администрации.

Пластилиновая учительница

— Давайте слепим, как мы сидим за столом и лепим!

— И слепим, что мы лепим!

— А мы-то лепим, что мы лепим, что мы лепим!

— Мы слепим то, что мы слепим, но откуда мы знаем, что слепим, пока не слепим?

Чтобы материализовать предмет обсуждения, ставлю на стол коробку из-под печенья. Коробка вверх дном — это безусловно стол. Дальше накатано — стулья, на стульях — кто? Мы сами!

Долго спорим, кто кого лепит. Наконец разобрались по парам, я осталась бесхозной.

— Ничего, не волнуйтесь, — сказал мальчик Женя с редкими мелкими зубами, — я быстро леплю. Я успею и эту, как там ее...

— Юлю, — подсказываю.

— Да, Юлю сделаю, а потом вас. Уложусь.

Женя очень серьезный человек. Лексика и манера поведения — стариковские, обстоятельные. В детсад он не ходит, его воспитывает дедушка. Дедушка просвещает Женю по политической части, так что в виртуальное путешествие по Франции Женя ехать с нами не согласился — там Миттеран. К Марше — пожалуйста. В Италию — ни за что — это страна НАТО.

Дети, по-моему, впервые всматриваются друг в друга. Пользуясь ситуацией, я обращаю их внимание на то, как устроены глаза, например, у Жени и у Юли. Они разных цветов, но всегда сидят в специальных ямках, там они прячутся от пыли. А нос, наоборот, торчит, но не как крючок, на который вешают полотенца... Показываю на большой глиняной болванке, как нажать пальцами, чтобы вышли «ямки для глаз», как «вытащить» оттуда нос. Все это для них большая новость. Прежде, в пять лет, они ограничивались цветными точками и черточками, а теперь выросли и уже могут лепить, как настоящие скульпторы. Поначалу выходят сплошные носатые профили. И сходства никакого. Но, может, спасут прически, цвет глаз? В ямки для глаз можно положить по бусинке, под цвет глаз. С бусинками дело пошло веселей. На одежду пустили фантики, тоже не любые, под цвет.

Кое-как усадили друг друга на стулья. Осталось последнее — слепить то, что лепит визави.

— Ты что хотел сделать? — спрашивают друг друга. — Машинку бы схотел?

— Схотел. Или пирамиду.

— Пирамиду — с ней возня, давай машинку лучше.

— А на цветок согласишься?

— Нет, я их не умею. Я умею змею.

— Змею — что! Выкатишь, а потом такую штучку в рот.

— Язык?

— Жало!

— А ты куклу за меня лепи. С закрывающими глазами.

— И чтоб «мама» говорила.

— Как же я пищик влеплю?

- Пищик не надо, я сама за нее скажу «мама».
 - Крокодила сделать?
 - Нет, крокодила я боюсь. Лучше мышку.
 - У нее хвост тонкий, я его не могу.
 - А ты все слепи, а хвост я сам придумаю.
- Женя меж тем добрался до меня. Смотрит изучающе.
- Если я вам уши большие вылеплю, вы на меня не обидитесь?
 - Нет.
 - Так хочется большие уши сделать, — говорит Женя мечтательно.
 - У нее и ушей нет, — заявляет Аня.
 - У всех есть уши.
 - Где ты видишь? — спрашивает Аня с вызовом.
 - Они под волосами, вон кругляшки топырятся.

Насчет ушей Женя зря — уши у меня вовсе не топырятся, только на фотографиях годовалого возраста они действительно торчат на круглой голове с редкими волосенками. Может, Женя смотрит в глубь десятилетий?

— Просто хочу сделать посмешней, вот и все, — говорит он и прилепляет к пластилиновому шару по варенику. — Остальное будет, как в жизни, — утешает он меня.

И правда — остальное вышло похоже: фигура, сапоги, волосы.

Женя с удовлетворением смотрит на наш общий труд.

— Империалисты бы лопнули.

— От чего?

— От зависти. У них дети по помойкам ходят, а у нас — учатся в школе.

— У нас по помойкам голуби и кошки ходят, — говорит Аня. — Я так люблю по помойкам ходить... Меня мама называет «помоечница».

Женя смотрит на Аню, подняв бровь. Скептически. Что-то не то она говорит.

— Как сохранить это? — размышляет Женя.

— В морозильнике, — отвечает Аня. — Мама все мои лепки туда кладет.

— Тогда нужно весь класс заморозить. А мы будем, как пингвины на Северном полюсе.

— А давайте вообще тут жить! — предлагает Виталик. — Слепим одеяла, подушки, еду, устроимся как-нибудь.

— Тогда мы должны стать пластилиновыми, — замечает Женя.

— Я, например, и так пластилиновая, — говорю. — Разве вы не замечали?

— Нет, вы живая.

— Нет, пластилиновая.

— Из пластилина не идет кровь, когда палец иголкой уколешь.

— А из нормального человека идет.

— И у пластилинового идет.

Но тут пришла другая группа, и наш спор так и остался неразрешенным.

На следующем занятии мама Юли спросила, правда ли, что я сказала детям, что я пластилиновая. Юля три дня ее донимала вопросом, пластилиновая Елена Григорьевна или нет.

— Да. Я пластилиновая.

— Детям головы дурите, теперь за нас взялись! — грозный голос бабы Ляли вернул меня к действительности. — А с нами шутить нечего!

И то правда — со взрослыми шутки плохи.

У Кеши феноменальная память

Четырехлетний Кеша знал наизусть всего «Конька-горбунка», всего «Чука и Гека». Его память удерживала сотни страниц стихов и прозы. Запоминание наизусть длинных поэм не было механическим актом. Я убедилась в этом, попросив Кешу пересказать «Конька-горбунка». Он сделал это превосходно. Мама Кеши понимала, что ребенку с феноменальными умственными способностями необходима «компенсирующая» деятельность, и регулярно возила его на занятия.

Как-то мы лепили рельефы на кленовых листьях. Кеша приклеивал фольгу на лист, превратил его в волшебное зеркало. Лаконичное решение. Пока все лепили, Кеша беседовал с зеркальцем. Он был в роли злой царицы и играл ее, как настоящий актер. Состроив зеркалу гримасу, он вопрошал: «Кто на свете всех милее?» Девочка Миля испугалась «взаправдашной» злой царицы и заплакала. Я уговаривала Кешу стать кем-нибудь добрым, но ни мои призывы, ни слезы Мили не способны были вывести Кешу из «злодейского» образа.

После занятий мы все вместе шли к метро. Кеша нес свое зеркало, как знамя, поминутно спрашивая: «А это навсегда?» И вдруг порыв ветра переломил лист пополам. С Кешей сделалась истерика. Кое-как удалось собрать его по кусочкам и скрепить пластилином. Больше Кеша «зеркалом» не размахивал, нес свое раненое сокровище на вытянутой ладони.

В школе у Кеши возникли трудности со счетом: он не понимает механизма сложения. Возможно, огромный объем литературы, которую он не только запоминает, но активно осваивает, блокирует доступ к наукам, пока что ему не нужным. К тому же одаренные дети, как правило, развиваются неравномерно. Вместо того чтобы развивать то, что заложено от природы (тогда и все остальное придет в порядок), в школе их распекают за слабости.

Мать Кеши оставила работу и занимается ребенком. Денег на жизнь хватает в обрез. Одаренных детей отличает тонкая нервная организация, с ними надо особо бережно обращаться. Как с больными. Надеюсь, при умной маме Кеша сможет развить свое дарование. А его неспособность складывать простые числа будет описана в сборнике «Курьезы гениев».

Дух братства

Атмосфера нашего класса — это своего рода театр. В нем все сделано руками детей — от циркачей на проволоке над нашим столом до железной дороги, садов, парков.

Ребенку, который попадает посреди года в сложившуюся группу, бывает нелегко.

Четырехлетний Вася смущен, ни на кого не глядит, варит понарошку гречневую кашу. Поварил пять минут и расплакался: «Домой хочу».

Пришлось позвать маму. При ней он не боялся, играл в слепленные детьми игрушки. На третий урок явился сам. Щеки надуты, пунцовые губы сложены в трубочку. Вася приготовился что-то сказать. А вот что:

— Я вас никого здесь не знаю. Я вас стесняюсь здесь.

— Тогда давай знакомиться. Я — мама, ты — мой папа, Никита — младший сын, Аня — моя дочка, а Саша — генерал. Такая у нас семейка.

— Я — папа? — переспрашивает.

Подтверждаю:

— Да, ты — мой папа и Анин дедушка.

Вася серьезно обдумывает мое сообщение. Кажется, роль моего папы пришлась ему по душе.

— Ты мой сын? — спрашивает он Никиту по-отцовски строго.

— Сын.

— Ты меня любишь?

Еще не знаю, — отвечает Никита достойно.

— Мы одна семья? — обращается Вася ко мне.

— Да.

— Почему тогда он не знает?

Спас нас Саша-«генерал». Я нарочно назначила его генералом. Саша старше всех, и он юморист. В свои шесть лет он бы не стал играть в «детские игры», вот я его и выделила из несолидной игры «смешным» назначением. «Генерал» утешил моего «папу»:

— Вася, я тебя люблю. Никита еще не решил. Он тебя на следующем уроке полюбит.

Скорее игра в папы-мамы-бабушки-дедушки была забыта. Вася прижился, перестал стесняться, стал своим человеком.

Но наше братство не всем по нутру. Очередная новость: из студии отчислили пятилетнего Костю и четырехлетнего Федю. У обоих врожденная болезнь глаз, им необходимо заниматься лепкой.

— Почему их отчислили? — спрашиваю завклубом.

— Нечего им здесь делать. Они всем мешают, и мать с претензиями. Пора наводить порядок.

Ютина красота

— Взгляни на свою любимицу, — Борис Никитич кладет передо мной фотографию Юты, Юстинии Дмитриади. — Знаешь, кем она будет?

Круглое личико, коротко остриженные волосы, глаза с прищуром, рот полуоткрыт.

— Кем же?

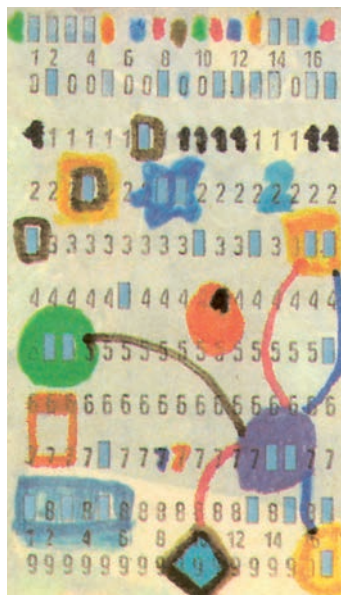
— Учителем. Помяни мое слово.

Борис Никитич делает всё, чтобы меня удержать. Даже фотографии печатает по ночам, для моей будущей книги.

— Напиши про Юту. А я сниму ее еще разок на лепке. Без Юты — не книга.

Раз «без Юты — не книга», начну с первого свидания.

В класс не без опаски входят малыши. Для многих это первый выход в свет без родителей. Среди них — крошка Юта. В комбине-зоне и клетчатом фартуке, оттопыренном на пузе.

— Красота! — кричит она. — Все, все посмотрите, какая здесь красота! — обращается она к детям, которых видит впервые. — Учительница, а кто сделал эту красоту?!

— Дети.

— Какие дети?

— Разные. Вот и вы сядете сейчас за стол и тоже будете делать такую красоту.

Все рассаживаются, замороженные славною перспективой.

Юта стоит. Радости как не бывало. Глаза сощурены, вот-вот заплачется. Что случилось? А вот что:

— Я т а к у ю красоту делать не хочу. И сидеть не хочу. Буду стоять и смотреть. Или уйду. — Последнее звучит как угроза.

Пластилин и желтые листья лежат на столе. За окном осень, и у нас осень. Дети впервые видят пластилин. Научить их отщипывать от целого куска маленький кусочек — такую глупую задачу поставила я перед собой. Кусочек прилепить к листу — уже результат.

— Листья портить, — говорит Юта.

Дети лепят, а я прикрепляю к рейке первые «украшенные» листы. Радость детей злит Юту. Она идет к двери. Решительно.

— Если ты не хочешь портить лист, я тебе могу дать бумагу. К тому же у нас здесь мастерская, значит, для мастеров. А мастера — они делают то, что им нравится, и то, что красиво выходит.

Шаг от двери. Значит, шаг ко мне.

— Посмотри в кладовке и выбери себе, что хочешь.

В кладовке чего только нет, и заманчиво туда проникнуть.

Дети лепят, наше единоборство с Ютой, кажется, их не занимает. И все-таки занимает. Почему ей можно в кладовку, а им нет?

Выстраивается очередь в кладовку. Юта решительно никого туда не пускает. Приходится вызывать на помощь гнома — здоровенную тряпичную куклу. Гном разгуливает по столу и смотрит, что же ребята налепили. Ох, и нравится ему всё — и листья, и в то же время чудеса. Не бывает же листьев с цветными крапинками и с точками-закорючками, значит, это волшебные. Кто это всё сделал?

Кладовка пустеет вмиг. Дети дарят гному всё, что слепили, и просто листья дарят, если не успели украсить, кто-то несет ему гриб, и вообще гнома надо угостить. Забыли про листья — катают яблоки. Урок выровнялся, стал тем, чем он должен был быть с самого начала.

И с Ютой обошлось. Она простила мне фальшивую ноту, которую уловила в наставлении.

Весь год Юта «делала красоту», она облепляла картон кусочками мелко нарванных фантиков и на мозаичной филоновской поверхности выращивала какие-то грибовидные создания, облепленные бисером, пуговицами и мелкими цветными квадратиками, которые она раскрашивала и вырезала. С возгласом «Смотрите, какая у меня красота, все смотрите!» – возносила она свое творение на маленькой крепкой ладошке. Поначалу дети восхищались, а потом перестали обращать внимание на Ютины возгласы – всё, в общем, одно и то же, жаль на такую чепуху переводить драгоценности.

За год дети научились многому, Юта же застопорилась на «красотах».

Каждую неделю она регулярно приносила мне туго набитые «прелестями» пакеты из-под молока. В них были наклейки и этикетки, разрезанные на кусочки. На них Юта рисовала фломастерами девочек с длинными косами и в платьях, «под платьями» были едва намеченные остоны фигур. Видимо, она сначала рисовала «скелет с головой», а затем одевала девочек в платья. Цветы, явно перерисованные Ютой с открыток, были самым невероятным образом раскрашены, кроме того, она создавала целые коллекции «ковров» на маленьких листочках записной книжки. Но самыми потрясающими были ее абстрактные композиции, причудливые по форме и цветовым сочетаниям.

Спектральное счастье произошло из картона, облепленного крошечными кусочками фантиков; оно пустило ростки в виде грибовидных созданий с искрящимися от бусинок и бисера шляпками. Дальше можно было наклеивать новые фантики, заменять бусинки на пуговицы – модель, созданная Ютой, была универсальна.

Скульптуре (если это можно назвать скульптурой) соответствовала и живопись. Спектральная гуашевая поверхность с разрывами ярких, исходящих из разных точек пучков света.

Коротко остриженная Юта в комбинезоне и клетчатом фартуке бравым шагом входила в класс. В одной руке — пакет с «прелестями», в другой — мешок с фартуком и музыкальными принадлежностями.

С появлением маленькой сестрички она резко пере-
менилась.

«Уходите отсюда вон!» — шепнула она мне, когда я зашла в класс к Борису Никитичу во время мультфильмов.

Я спросила у Ютиной мамы, не обидела ли я чем девочку.

— Что вы! Она целую неделю готовится к лепке, все вам мешки с «вырезками» собирает.

На детском празднике мы с детьми танцевали. Юта прошептала мне в спину: «Вы очень некрасиво танцуете».

После праздника я приводила класс в порядок. Вдруг раз-
дались громкие вопли. Я выглянула в коридор. Кричала Юта.

— Ударьте меня, ударьте побольней, только папе не говори-
те! — рыдала Юта, катаясь по полу.

— Встань! — велела дежурная.

Юта послушалась, поднялась и уткнулась носом в угол, про-
должая твердить: «Ударьте меня пресильно, только папе не го-
ворите!»

Ютин папа со мной не поздоровался. Он взял Юту за руку
и увел.

Работы Юты не отражали душевных бурь. Квадраты, нарезан-
ные из машинописных листов (на оборотной стороне — формулы
и научные тексты), ярко раскрашенные, расчерченные на мно-
жество разных прямоугольников. Десятки «витражных стеклы-
шек» — и ни одного дубля! Те же девочки с косичками в разных
платьях, но — с абсолютно одинаковыми лицами. Какое-то упор-
ное нежелание вдумываться, вглядываться в разность, непохо-
жесть людей друг на друга. То же и в лепке — голый безликий че-
ловек одевался ею в пластилиновую одежду. А поскольку она еще

не умела лепить «тонко», то обернутый в пластилиновые лепешки человек превращался в капусту. Я показывала ей, как лепить одетого человека, но Юту это не убеждало.

И третий, самый примечательный вид приносимых из дому изделий — это перфокарты, раскрашенные Ютой в разные цвета. Протянув сквозь них нить, ими можно было, как флажками, украсить всю школу. А перекрашенные надписи «детское питание», «молоко»? Сколько она их вырезала, откуда только ни брала, и все из уродских превращала в красивые!

Что это — протест против штампов, желание изменить внешний мир с его тупыми рекламами и тусклыми этикетками? Не забудьте, мы говорим о пятилетнем ребенке, а не о подростке, негативные реакции которого психологически оправданы. Тогда все выстраивается в схему: это взрослые сделали уродливые надписи, это они учат нас, а сами плохие, это они танцуют, как будто маленькие, чтобы под нас поддаться, они хотят, чтобы мы стали, как они, а мы не станем. Их неодушевленные карточки с дырками нужно немедленно переделать. А взрослые девочки все на одно лицо, воображали с косами и в красивых платьях!

Юте уже шесть. Она обращается с полуторогодовой малышкой, как заправская мамаша: приводит ее на занятия, сажает к себе на колени, учит скатывать шарики и налеплять их на картон.

Борис Никитич определил Юту в учителя. Похоже, он не ошибся.

Светлячок на ладони мира

Лиза облизывает языком обветренные губы и спрашивает шепотом: «А можно сюда прилепить то-то, а можно я вот здесь нарисую, а здесь пусть пустенько будет?» Лепит мелко-мелко, Дюймовочку микроскопическую, жучка с ноготь величиной. Сидит бочком на стуле, как приживалка. Первая места не занимает — ждет, когда все рассядутся. Ни с кем особой дружбы не водит, но смотрит внимательно по сторонам и часто повторяет за другими то, что ей понравилось. Например, увидела у своей соседки стрекозу из тополиных семян, попросила «на два крылышка». На четыре постеснялась.

— Лизочка, а у тебя есть сестра или брат? — спрашиваю.

— Нет, я маму все время прошу братика или сестричку, но я, наверное, слишком громко прошу, и маме это не нравится, потому она и не рожает.

Лиза деликатная, маленькое всё лепит, сидит на краешке стула — чтобы не мешать никому, громко не говорит — чтобы не привлекать к себе внимания. Во всем винит себя, даже в том, что мама не родит ребенка.

Свои работы Лиза несет бабушке на ладошке. Идет осторожно, чтобы никого случайно не толкнуть и чтобы работы не уронить.

Лиза напоминает мне девочку, с которой мы два года провели в одной больничной палате и два года — в лечебном интернате. Звали ее Зяблик. У тихони с огромными карими глазами и туго заплетенными косами был сильный характер. Ее не захватывал массовый психоз, как, например, во время полдника, когда все, и я в том числе, бросались на поднос, чтобы ухватить яблоко покрупней. Зяблику доставалось самое маленькое яблоко. Еду в столовой она тоже получала последней.

В архитектурный институт она поступила с четвертого захода. После института ее распределили в конструкторское бюро. Сотрудники быстро раскусили Зяблика и завалили ее работой, так что она пахала за всех.

У меня до сих пор хранится тетрадка с пожеланиями. Зяблик посулила мне доброго мужа и не менее пяти детей и нарисовала на память морское дно в цветных камешках, рыбок, пускающих цветные пузыри, и себя — девочку с большущими, широко раскрытыми глазами и тонкими косичками на прямой пробор.

Княжне Мери с лучистыми глазами повезло, а княжне Зяблику — нет. Она поседела, горбится целыми днями за кульманом, а в отпуск ездит на Черное море. Не без тайной надежды на счастливое знакомство.

— Наверное, я так и останусь одна, — говорит она мне по телефону. — Не умею привлечь к себе внимание.

Глядя на Лизу, уносящую с урока изящные миниатюрные скульптурки, я вижу Зяблика. Их существование как свет кварцевой лампы обеззараживает атмосферу. Не будь Зяблика, я, возможно, никогда бы не поняла, как скверно поддаваться массовому психозу, как отвратительно хапать. Недаром в моем интернатском дневнике большими буквами написано: «Зяблик — совесть эпохи».

День и ночь

День и ночь — друзья или враги? Большинство склонилось к «врагам»: «Ночь — черная, день — белый; когда ночь, то день не может быть, они вдвоем не бывают вместе». И только четырех-половиной-летний Ванечка сказал, что день и ночь — друзья, потому что они вежливые и уступают друг другу место.

Тот же Ванечка сказал, что дети рождаются, как цыплята, мама соединяет их своим теплом. Ванечка похож на гуттаперчевого мальчика: тонкокожий, тонкокостный, с узким подбородочком и огромными светло-кариими глазами.

— Я сейчас привлеку ее травкой, не бойтесь, — сказал мне Ваня, видя, как я пытаюсь успокоить малышку, у которой не ладится дело с лепкой. — Знаешь, — обратился он к ней, — в раю все травки разные и все цветные.

Слова подействовали на малышку, и она принялась лепить «райские травки».

Как изобразить день и ночь? Дети прибегли к аллегории. Вылепили человечков из черного и белого пластилина. Человечки бегут в разные стороны. Ванечка накатал белых шариков и огурцов, насадил их на изогнутую проволоку, и получилась модель какого-то органического соединения. То же самое он сделал из черного пластилина. Потом поставил белую модель на черную, чтобы сверху был день, а внизу — ночь.

— У всех люди, а у тебя что? — спросила у Ванечки мама. Он объяснил, что это день и ночь.

— Наверное, ты еще не умеешь лепить человечков?

— Их не задавали, — ответил Ванечка. Не стал спорить с матерью, доказывать ей, что умеет лепить человечков.

На всех рисунках, вне зависимости от темы, он писал: «папа, мама». К «папе-маме» он приписывал по кругу

имена всех детей в группе, а внизу оставлял место для «Елены Рыгоровны».

Ведь главным для него были не темы, а дух дружелюбия, ощущение тепла, без которого не рождаются и не живут люди.

Кино

Мы придумываем кино. В каждом фильме должно быть пять кадров. Когда все будет готово — тогда и посмотрим наше кино. Пока держим истории в секрете. Дети рисуют молча, следят, чтобы не подглядывали. Я же колю орехи — угощение после кино. Орехи — единственное, что осталось в сумке. Все уже роздано и выдано. И не в качестве знаков поощрения или мелкого подхалимажа. Просто дети любят получать подарки, а я люблю дарить.

Как-то муж принес с работы пачку цветных указателей для перфокарт. Они были похожи на маленькие градусники. Сколько было радости! Кто-то сунул градусник вылепленному человеку под мышку, но большинство унесли градусники домой — мерить куклам температуру.

Итак, все готово, смотрим кино:

— Летали две птицы, жена и муж.

— Народили детенышей.

— Стали вылетать с ними на прогулки.

— Облетели весь мир.

— Потом устали, свили гнездо, и мама-птица кормит своих детей червячками. Вот и всё.

— Родился цветок.

— Сначала увидел солнце.

— Потом на него пошел дождь. Ему стало мокро и холодно, и он родил других цветков.

— Дождь прошел, снова засветило солнце, и маленькие цветки раскрыли лепестки. — Это — мама Дюймовочки. — Это — Дюймовочка. — Это — цветок. — Это — она выросла. — Это — вышла замуж за Дюйма.

— Жила улитка.

— Вышла замуж за улитку. Родились улитки.

— Это улитка-старушка пьет чай, а вокруг — ее дети.

— Потом она умерла, и улитки-дети ползут на похороны.

Посочувствовал ли кто-нибудь старой улитке? Напугал ли кого-нибудь нарисованный гроб? Нет. Дети боятся остаться без родителей, боятся потеряться. Но смерть, как явление, их не страшит.

— Мама, а когда ты умрешь, ты будешь меня помнить? Я, например, когда умру, буду тебя помнить, — сказала мне четырехлетняя дочь.

В одушевленном мире нет смерти, и мертвой царевне, чтобы очнуться, достаточно одного поцелуя принца.

Мы сочиняем книги

— Сегодня мы будем писать книги!

— Я не умею писать!

— И я не умею!

— И я! И я!

Разумеется, пятилетние дети не только писать, но и читать не умеют, за редким исключением. Что же я им предлагаю: прыгать с самолета без парашюта? Показываю им взрослую книгу, чтобы они не отвлекались на картинки.

— Это обложка.

— А это заложка, заворот конца, — говорит Виталик.

Темно-зеленые глаза спрятаны за длинными ресницами. На первых занятиях Виталик изъяснялся исключительно шепотом: «Я шутить не люблю, но иногда по-шу-чи-ва-ю. Это у меня не человек, а Мурзила, к вашему све-де-ни-ю. Мой папа — живоде-р-ник, он мышей живьем вспа-ры-ва-ет...»

— На той стороне написано, сколько стоит, — выкрикивает Арам. — Приглашаю на обед к Скуперу!

Арам — темпераментный и выпаливает всё, что ни придет в голову.

— Кто такой «Скупер»?

— Скупердяй. Придете к нему в гости, он вас столом накормит. Два пилитьщика напилят стол на доски — вот и кушанье.

— А стола ему не жаль?

— Нет. Он скупердяй столовый. Живет в столовой, там столов этих — до потолка (взглянул на потолок, прикинул — низковат). До неба, в общем.

— К Скуперу я в гости идти отказываюсь, а вот книжку про него прочту с удовольствием.

— Сейчас напишу!

Уселся, пишет волнистыми линиями, строку за строкой.

Воспользовавшись тем, что Арам умолк, продолжаем обсуждать устройство книги.

— Внутри книги рассказы, — подает голос Оля.

Оля — дочь местной дворничихи. Она проста и прямодушна, для нее главное, чтобы всё получалось как в натуре, всамделишное.

Олин рисунок «Наш двор» висит напротив двери. Она попросила повесить его именно туда, чтоб «вошел в класс и сразу увидел». Смотреть на этот яркий праздничный рисунок не надоедает. Двор нарисован фломастерами. На переднем плане играют дети, и видно, что они именно играют. В центре — карусели, во фронтальной проекции. Также во фронтальной проекции — клумба с цветами посреди двора. Потому что и на карусели, и на клумбу Оля смотрела сверху вниз. Все правдиво. Вдалеке (Оля уже может показать на рисунке, что ближе, что дальше) — шоссе. По нему едут машины.

Рисунок выполнен в параллельной, китайской перспективе: внизу дети, посередине — карусели и клумба, сверху — дорога с машинами.

Рядом висит рисунок ее закадычной подружки Ани «Лето на даче в Коломне». На первом плане — искрящаяся Коломна с куполами церквей, вдалеке, у горизонта, река с маленьким корабликом. Больше всего на свете Аня любит сказки Пушкина. «Лето в Коломне» напоминает иллюстрацию к сказке о царе Салтане.

— Я буду писать книгу «Пушкин», — заявляет она твердо.

Аня перетрогала все свои многочисленные заколки, проверила, не расплелась ли коса, уселась пряменько и приступила к «Пушкину».

Перед детьми — сложенные пополам листы бумаги: плотной (на обложку) и тонкой (на текст).

— А я напишу «Книгу военну», — сообщает Дима, полковничий сын. — Одним цветом ее напишу, синим фломастером, потому что у военных — строгость и порядок.

Дима любит порассуждать о строгостях и порядках. Фантики, рассыпанные по столу, — это непорядок. Дима сортирует их и раскладывает по стопкам.

— Не хочу писать про столового Скупера! — заявляет Арам. — Лучше напишу, как мы с дедом в Набрани машину чинили.

— Ты был в Набрани?

— У нас там дача у деда. Сейчас нарисую.

Набрань, сон из моего детства, огромный поваленный ураганом карагач... Ничего подобного, Набрань существует, у деда Арама там дача!

— Моя книга будет стоить восемь рублей, — раздаётся дребезжащий голос Кати-старушки. — Это будет осень.

Катя нарисовала обложку: продолговатая капля висит над лужей, в луже — оранжевый лист.

Начали приценяться. От копейки до триллиона.

— Кто же купит обложку?

Стали рассуждать, как приходим мы в магазин, видим интересную книгу. Про каплю она, что ли?

— Про осень, — защищает Катя свое детище.

— Вот и напиши рассказ про осень. Смотри, как писать надо! — Дима показывает всем «Воену Кынигу».

— Я букв не знаю...

— А ты пиши как будто бы слова, — говорит Арам и показывает Кате свою обложку.

— Это не слова-а-а... а змея-а-а...

— У меня книга «Пушкин» для детей, одни картинки. И у тебя, Катя, для детей. Они-то читать не умеют! — Анин довод пришелся Кате по душе.

— А у меня вселенная книга, — шепчет Виталик. — На обложке ничего, нигде ничего. Я пишу невидимыми чернилами обо всем во вселенной. Вот тут, — тычет он пальцем в белый лист, — бумоглот. Он глотает бумагу. Я нарисую, он проглотит — и опять ничего. И всю вселенную бумоглот... — Виталик боится сказать «проглотит», заменяет слово многозначительной паузой. — Такой он, ничего не поделаешь...

С «бумоглотом» ничего не поделаешь, а вот с Виталиком надо разобраться. Не прикрывает ли он «бумоглотом» страх перед чистым листом?

Вспомнился случай. Разложила перед детьми кленовые листья. Спрашиваю: «Красивые?» — «Да, — отвечают, — красивые». Тогда я испачкала листья грязной краской и попросила сделать так, чтобы они снова стали красивыми. Дети пытались превратить грязь в узор, добавляли разные краски, обводили пятно красивыми линиями, а Виталик пошел с листом в туалет и смыл с него «грязь». Все искали выход из ситуации, а Виталик эту ситуацию отменил.

Наши первые книги — на стенде. Они все разные и все замечательные.

Арам забрал свою книгу домой и через три дня принес с надписью: «аднахдаудедасламаласламашинаинапамокиёченит».

«Вы не представляете, что с ним творилось, — рассказывала мать Арама. — Три дня никому покоя не давал — учи его писать!»

Поразила меня и Юта. Поначалу я не могла понять, что она собирается делать: вырезала из картона надпись «Балканэкспорт», искромсала слово ножницами на части, нарезала фантики на квадраты и прилепила к каждому по кусочку пластилина.

К концу урока Юта изготовила макет будущей книги. Буквы из «Балканэкспорта» она выклеила на месте фамилии автора и названия, а квадратики фантиков — текстовые блоки, выставила в колонки.

— Как изменилась Юта, — говорит Таня, Татьяна Михайловна.

Дети разошлись, мы разглядываем «продукцию». Классы лепки и живописи друг против друга. Это дает нам возможность наблюдать за процессами «цветовосприятия и формообразования». Частенько к нам заглядывает Рустам (он преподает «Развивающие игры») — поделиться впечатлениями прошедшего дня. Сегодня Рустам печален — у него забрали половину детей на «подготовку к школе». Таню выселяют из просторного класса — здесь вместо мольбертов будут парты.

А по ночам я пишу книгу в единственном экземпляре. Потом ее тоже можно будет прикрепить к стенду.

Волшебные зеркала

Чего не испросят дети у зеркальца из фольги и пластилина! Одному подавай царство, другому волшебную палочку, вечную: если зеркальце разобьется, у палочки можно будет все время просить.

— Мне ничего не надо, — заявляет первоклассник Сережа. Он продолжает ходить в студию, никак ему с нами не расстаться. — У меня было одно желание, но оно уже исполнилось, вот оно, у меня на пиджаке! — Сережа выпятил грудь, чтобы малышня по достоинству оценила октябрятскую звездочку.

— И больше ты ничего не хочешь? — спросила я Сережу.

— Ничего. — Потом подумал и признался: — Подзорную трубу.

На следующий урок я принесла из дому игрушечную подзорную трубу. Пусть будет у человека ощущение беспредельного счастья.

— Этак они поверят, что зеркала волшебные, будут целыми днями кланяться! — упрекнула меня одна родительница.

Взрослые боятся последствий. А дети живут мгновением. Вот какое у них мгновение — сидят за столом при самодельных свечах и поверяют заветные мечты заляпанной пластилином фольге.

Отважная Варя

— А куда посылают того, у кого средняя душа? Не злая и не добрая? Разрывают пополам?

— А ты знаешь, что плохие над хорошими делают? Они их все делать заставляют. Например, насыплют пшеницу в золу и заставляют выбирать. Это я про золушку догадалась.

Дети без устали размышляют, болтают обо всем на свете. Например, о занавесках.

— У меня с зайчиками и белочками.

— У меня с такими полосками, а потом внизу как будто в клетку.

— У меня дырявые, белые, а около батареи вот такая дырина, я в ней куклу в гамаке качаю.

Вырисовывается тема. Как будто бы мы приглашаем друг друга в гости, показываем, что, как у нас в квартире...

— Цветы на подоконнике лепить?

— А у нас не цветы, а кастрюли. Еще хлебница. Мама ее забывает закрывать, а папа ругается.

Попутно дети рассказывают про свою жизнь, что тоже своего рода терапия.

Худенькая, большеголовая Варя подходит ко мне с рисунком.

— Я нарисовала занавески в санатории. Для наших краски нет.

— А какая же нужна краска?

— Переливчивая. А в санатории такие были, — тычет в грязно-зеленый лист с черными полосками.

— Красивые?

— Да нет. — Варя краснеет. — Грязные. Поэтому я грязно нарисовала.

Варе не удалось передать «переливчатость», а обманывать она не умеет, вот и вспомнила про санаторий. Как-то я спросила у детей, кто из них считает, что занимается не в полную силу, что мог бы лучше. Варя встала из-за стола. Жиденькие прямые волосики, младенческий пух у висков — и какая отвага!

Рыба с карманами

Пожилые родители впервые привели шестилетнюю Таню «в коллектив». Одета она «нефирменно», на ней коричневые гамашы и темно-зеленый свитер с голубой каймой под горлышко.

— Ты любишь рисовать? — спрашиваю.

Пожимает плечами, поправляет пластину на кривых зубах.

— А лепить?

Втянула голову в плечи, смотрит молча на мать.

— Ты принесла мне что-нибудь? Рисунки, картины?

Молчит, уперлась взглядом в плакат о безопасности уличного движения. Плакатами увешан весь подвал, детские работы начальник жэка разрешил нам хранить в шкафу. Подвожу Таню к шкафу. Вижу, она заинтересовалась.

— Мы принесли... — говорит мама полушепотом. — Достань, — обращается к мужу.

Папа, высокий и тоже какой-то нескладный, достает из дипломата сложенную в несколько слоев бумагу, разворачивает ее на диване. Огромная рыбища, склеенная из тетрадных листов в клеточку и раскрашенная простыми карандашами. Рыбища тугобрюхая, вся в карманах — и на пузе, и под жабрами, даже чешуя у нее из малюсеньких карманчиков. Жестом фокусника Танечка вынимает из рыбиного брюха маленьких рыбешек, тоже нарисованных и вырезанных.

— Это ее дети. — Из-под жабр она достает солнце и луну. — Когда рыба плавает, у нее с одной стороны закат солнца, а с другой уже луна появляется.

Из карманчиков-чешуек извлекается рыбьи пропитание — водоросли и червяки, а из-под хвоста — девочка с мальчиком. Они путешествуют вместе с рыбой.

Пока я постигала жизнь рыбы, невесть откуда приплывшей к нам в подвал, у дивана собрались дети, и Танечка уже похозяйски свободно демонстрировала им луну и солнце, червяков и водоросли.

— У нас там еще полно такого... — сказал папа.

Путешествие мотылька, приключение жирафа, путешествие на гигантском корабле в Африку, где вся Африка (пальмы, обезьяны, бананы, оранжевое огромное солнце) — в карманах корабля.

— Как ты это придумала?

Скромная художница поджала плечами.

И дома, и на занятиях Таня сочиняла свои «жития». Вспомним иконопись. В центре — главный герой жития, а вокруг — этапы его жизни в хронологической последовательности. В этом каноне простой и высокий смысл. Им пользовались как старые мастера

(Рублев, Феофан Грек и др.), так и современники, Н. В. Кузьмин например. На обложке его книги «Круг царя Соломона» заключены в круг ипостаси земного бытия царя. Жизнь, уместённая на одной «странице». «Страницей» могут быть и врата собора — скульптурные «жития» Родена и Джакомо Манцу.

Рыбина, начиненная солнцем и луной, девочкой с мальчиком, водорослями и червяками, — это «житие». Так же как и корабль, плывущий в Африку и имеющий Африку «при себе». Плывая в Африку, он фактически в ней и находится. «Перед тем как отправиться куда-нибудь, подумай, не там ли ты уже» — гласит восточная мудрость.

Вместе с тем, рыба и корабль — мифологические образы. Вспомним библейского пророка Иону, путешествующего во чреве кита. Иона был внутри рыбы, а Танины персонажи упрятаны в карманы.

Таня произвела революцию. Все пытались ей подражать, и вскоре наш подвал превратился в фабрику по изготовлению бумажных скульптур. Однако превзойти Таню было невозможно. Она создавала фантастические вещи. То появлялся слон-гора из фольги, поросшей небывалой красоты растениями, то бабочка с несчетным количеством крыльев («она летает, а когда она летает, то крылья у нее делают так-так-так, как пропеллер»). Все это после занятий складывалось уже не в «дипломат», а в рюкзак с фанерным дном — чтобы конструкции не помять.

Как сохранить такое дарование?

Машина вместе с дорогой

Новенький Миша — самый младший из «детей подземелья». Так назвала нашу «подпольную организацию» его мама, впервые попав в этот подвал. Миша смотрит на пластилин. Интересная штука! Помнешь — выходит кошка, еще помнешь — заяц. Миша надавливает пальчиком на брикет — никакого эффекта. Водит по зазубринам пальцами, как начинающий музыкант по «клавишам», но инструмент не поддается.

Я не спешу вмешиваться. Интересно, что же он будет делать.

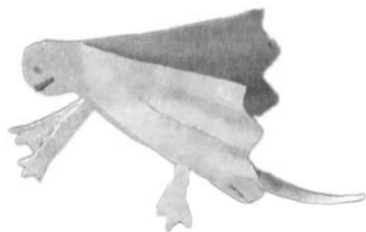
Наконец — первый аккорд. Смело, рывком, отрывает от брикета кусок и прилепляет к нему ребром, получается кочерга. К кочерге прилепляет кусочек от другого брикета:

— У меня машина!

— Машина на одном колесе, а вот это что? — спрашиваю, указывая на кусок, перпендикулярный «машине».

— Это дорога, она туда едет.

Увидеть в кочерге слепешкой машину вместе с дорогой, все равно, что увидеть в окружности идущего человека. Трех-с-половиной-летний ребенок еще не способен лепить предметы, но уже умеет обозначать явления, создавая, таким образом, совокупный образ предмета и его функции.

Танцующий дом

— У тебя мешок, а у всех — домики! — говорит мама сыну.

— И у меня домик, в него много гостей приехало, они там как стали танцевать, дом и раскосился в разные стороны, — объясняет сын.

Образ танцующего дома (раз у него внутри танцы, значит, и он сам перекосячился) — детский. Прямоугольник с треугольной крышей — это не образ, а чертеж, выполненный в горизонтальной проекции. Детей нельзя учить по-взрослому. Вмешиваясь в процесс, мы получим результат с большой погрешностью. Но порой и я не выдерживаю натиска требовательных родителей и совершаю непоправимые ошибки. Например, с Арсюшей.

Нижняя губа оттопырена, щеки надуты — Арсюша трудится: режет пластилин пластмассовой стеклой. И так — урок за уроком. Заменяла пластилин глиной — результат тот же. «Нарезкам» Арсюша дает разные названия, то у него лепешки, то котлеты, то пряники.

В каждой коробке пластилина три пластмассовые стеки: ножик прямой, с зубцами и лопатой. Обычно дети быстро теряют интерес к орудиям производства, но Арсюша не таков. Войдя в класс, он погружается в «резню».

На призывы отзывается с жаром. Стоит сказать: «А давайте», как он громче других кричит: «Давайте!»

Однако использовать свои «шедевры» на общее дело не дает.

— Пусть лежит, — говорит твердо. — Все это мне нужно.

Арсюшина мама в претензии:

— Все с работами, мой — с пустыми руками. Что же он у вас делает?

— Режет пластилин.

— Почему все дети лепят, а он режет?

— Не знаю. Может, вы запрещаете ему пользоваться ножницами и ножом?

— Разумеется. Мы и стеки из пластилина выкидываем.

Ясно, почему Арсюша рвется на лепку. Просто до обидного. Арсюшина мама потребовала, чтобы я спрятала от него все стеки. Я не исполнила приказа. Когда-то же должно ему надоест! Может, он воображает себя Георгием Победоносцем, разящим змия? Сидит за столом, с виду неприметный, а на самом деле — герой с копьем. А дома его считают маленьким.

— Ты храбрый парень, — похвалила я Арсюшу, и он победно улыбнулся: — Вон я сколько нарубал!

— А мог бы ты из всего этого гору сложить, огромную, скалистую? На ней ты стоишь, Илья Муромец, смотришь вдаль: нет ли врагов за холмом?

— А где взять Илью Муромца?

— Высечем из целого куска, ножом.

Арсюша соорудил гору. И мы с ним «высекли» богатыря. Арсюша был изумлен, но и огорчен. Куски пластилина, рассыпанные по столу, ему были дороже горы с богатырем.

Арсюша смирился, не без грусти слепляет он «нарезки» в ком, вытаскивает из него зайца и кошку. Но глаза его больше не излучают сияния. Я помешала ему. Нарушила процесс, который доставлял ему удовольствие. Помогать надо, когда просят. Арсюша не просил меня сооружать гору и Илью Муромца. Гора и богатырь — вещи сами по себе неплохие, но зачем они ему? Он поддался искушению и сбился с пути.

Скажите поэяиста,
извините поэяиста!

— Зачем тебе все эти «шедевры»? — спросила меня подруга.

— Это Витино «Светило»!

— А это Васино? — указала на каракули.

— Нет, это Анюты Платоновой.

— Как ты их помнишь?

Признаться, меня и саму это поражает. Я помню детей и их работы, но забыла все стихи и телефонные номера, что знала наизусть.

У нас хранятся тысячи детских рисунков. Это — мой клад, но я не скупой рыцарь и с радостью бы поделилась своим богатством. Но никто на мои сокровища не зарится.

Скульптуры беречь труднее. Пластилин пылится, деформируется, необожженная глина ломается. И все же я не могу их выкинуть.

Вот пластилиновая дама с воротником из настоящего меха. Ее слепила Катя Сапожникова.

— Скажите поэяиста, извините поэяиста, что это у вас? Мех? — Катя тычется носом в рукав моей шубы. Нос у нее длинный, с острым кончиком и узкими ноздрями. — Я очень мехами увлекаюсь, — говорит она, проводя пальцами бороздки. — А оторвите мне, поэяиста, одну мешинку, я королеву буду лепить, для хитрости.

Катя знает, что просто так здесь ничего не дается, и «для хитрости» придумала королеву.

А то подойдет, уставится в ноги. Изучает.

— Простите поэяиста, извините поэяиста, что, у вас туфли на каблуках? А если я закажу папе такие, он мне купит?

Или отловит меня в коридоре, возьмет за руку и, восторженно глядя на брошку или кулон, спросит: «Простите поэяиста, извините поэяиста, а можно вас поздравить с Новым годом?»

До Нового года еще два месяца. Но хочется человеку поздравить меня с Новым годом сегодня!

— Поздравляй.

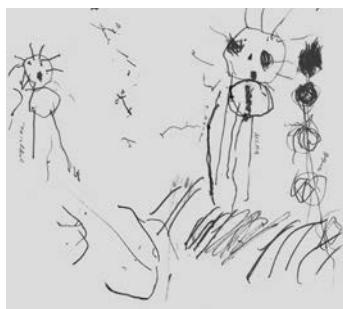
— Спасибо большое. Я поздравляю вас с Новым годом.

Теперь Катя учится в музыкальной школе. Сидит за инструментом в роскошном платье и туфельках на каблуках. Отыграв свое на классном концерте, она грациозно раскланивается. А я слышу: «Скажите поэяиста, извините поэяиста, вам нравится, как я сыграла? Да? Спасибо большое».

Моя семья

Только что я вернулась с прогулки, сняла с себя мокрую куртку и резиновые сапоги. Я на даче одна. Тихо здесь, только ветер шумит за окном, да урчит в трубах вода.

Кажется, сегодня я впервые увидела, как течет река. Как быстро она течет, унося на своей бурой спине сгустки мелких пузырьков. Ветер заглушает пение соловья — вчера ветра не было, и соловьи пели всю ночь. Отцвели в перелесках медуницы, набухли соцветия ландыша. Надо прожить полжизни, чтобы, оставшись до-

ждливой холодной весной в одиночестве, ощутить себя безмерно счастливой.

Рисунки на тему «Моя семья» лежат на полу. Я собирала их годами, но сюда, на дачу, привезла всего полсотни.

Дома остались «Автопортреты», «Любимые места», «Любимые вещи», «Плохие и хорошие настроения», «Сны», «Красивое и непонятное»... и нераспакованные ящики с детскими работами, которые я вывезла из разгромленной студии. К ним пока еще больно прикасаться.

Итак, «Моя семья». Четырехлетки в понятие семьи включают одушевленные и неодушевленные предметы.

Зелик А. уже в четвертом классе. Суровый пионер в очках. А тогда, в четыре года, это был краснощекий красавец с фаюмских портретов. Много разглагольствовал, да мало лепил. К шести годам он проснулся и стал выдавать «на-гора».

Его композиция насыщена разнообразными «знаками», сейчас невозможно было бы расшифровать эти «знаки», к счастью, все подписано. Папа в очках (очки — один глаз) с черным туловищем (видно, в костюме) на тонких ногах, без рук. Мамино лицо закрашено черным фломастером, она изображена у печки, у нее есть руки и даже туфли на каблуках. А вот и сам Зелик, притулившийся к отцу и похожий на стул с головой, надетой на его спинку. Неподалеку от этой парочки — проигрыватель. В ногах — кровать. Обозначены и стены, а под рисунком колечки неправильной формы. Написано, как объяснил Зелик, «СССР».

Все обозначено: страна проживания, в стране дом, в доме — стены, кровать, печка, почему-то и проигрыватель, и живут здесь папа — мама — сын. Благополучный мир. Так оно, надеюсь, и есть на самом деле.

У Алеши П. мама на первом месте. Папа отмечен двумя полочками, поскольку его нет. Мужская линия представлена дедом, скорее всего по материнской линии. Он нарисован красным, а мама — разными цветами, у них с дедом похожие «прически». Около мамы дерево, оно включено Алешей в члены семьи.

Миша У. заключил свою семью в рамку. За рамкой — солнце. Мише тоже четыре года, но он уже понимает, что семья — это дом, а солнце не живет в доме. Зато телевизор — полноправный член семьи. Для большего сходства с человеком он пририсовал телевизору голову. Слева стоит папа, за ним Миша, потом «никто», мама и телевизор. Кто этот «никто»?

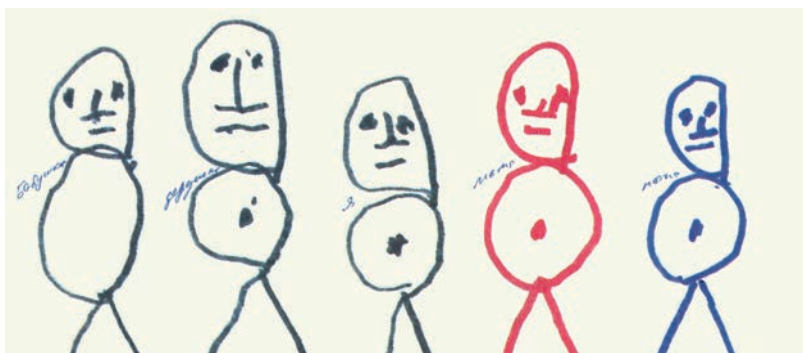

Миша уверен: у них в квартире поселился «никто». По ночам «никто» просыпается, съедает все продукты из холодильника, и на утро есть нечего, хоть шаром покати. Помню, Миша всех поразил историей про «никто». И дети еще долго рассказывали о том, что натворил у них дома «никто». Именно ночью, когда все спят. Хотя, по логике вещей, «никто» мог бы разбойничать и среди бела дня, он же невидим!

На рисунке Алеши М. можно сразу определить маму, она единственная обозначена красным цветом. Мама красная (красивая), папа — синий, а бабушка, дедушка, Алеша и сестренка — серые. Алеша М. подвержен частой смене настроений. И, несмотря на то что все члены его семьи изображены схематично, выражение лиц у них разное. Психолог усмотрел бы в Алешином рисунке отсутствие контактов между членами семьи, все — безрукие. А на деле семья у Алеши прекрасная, все добры друг к другу и к Алеше в особенности. Трудность состоит в том, что семья эта — работающая и детей приходится отдавать в садик. Алеше садик не показан. Он легко возбудим, быстро переутомляется и на «неинтересные» задания отвечает нехотя. Что и видно по вялому рисунку.

Коля Ф. любит рисовать машины и дома, а людей — не любит. Он хитрым образом вышел из положения: «Это мы на машине уехали, а дома остались баба Валя, баба Дуня и деда Петя». На самом деле у них нет машины, о ней он только мечтает. Вот он и нарисовал свою мечту.

Лёне М. чуть больше четырех. Посмотрите, какое веселое семейство и как умело нарисованы фигуры, особенно руки. Сейчас

Лёня учится в художественной школе и делает серьезные успехи в графике, что и следовало ожидать.

Ира Т. представила свою семью в лице самой себя и кошки. «Нарисую себя маленькой, не хочу — большой. Ой, нет, я нарисую своего котенка. Не люблю я себя рисовать. Я — большая, а больших я терпеть не могу». Ясно, что девочка так занята собой и своей кошкой, что маме и бабушке на рисунке не нашлось места.

Петя П. пяти с половиной лет живет в мире веселых фантазий. У него нормальная хорошая семья, да что толку ее рисовать? Свет люстры бросает лучи на веселого клоуна, вокруг него — невиданные существа.

У Нади Ф. нет отца, а мама сидит в тюрьме, осуждена за кражу. Но она все равно красивая! Надя живет с бабушкой. Добрую бабушку Надя надела воздушным шаром, а папу посадила в лодку и отправила на лодочке плыть по небу-реке. Папа недостижимый.

За ярким, с любовью нарисованным семейством горе, с которым Надя не может смириться. И в порядке компенсации она создает миф о благополучной семье.

Настя О. — замкнутая, малообщительная. Это видно по рисунку. Настя замыкает колонну из мамы, папы и бабушки. Она протягивает им руки, а сама смотрит в другую сторону. На занятиях она с завистью глядит на весело болтающих детей, но в разговор с ними не вступает. Девочку снедает дух противоречия.

Дети выросли. О многих я, увы, ничего не знаю. Когда упразднили студию в Химках, уничтожили и папки с адресами. Иногда я встречаю выросших своих учеников в метро или на улице. Я узнаю их, они меня — нет. Но стоит произнести «лепка», пароль срабатывает и они начинают вспоминать, всё, что лепили.

Быстро течет река. Я слышу ее течение...

Непроявленная пленка

У Любы есть мама, папа, бабушка, дедушка, белый попугай и белка в клетке. Она и сама похожа на бельчонка — густые рыжие волосы собраны в хвост на затылке, личико маленькое, с острым подбородком и крупными верхними зубами. У Любы и повадки беличьи. Забежит в класс, высмотрит свободное место — и прямехонько туда. Сядет, соберется в комок и молча лепит.

«Девочка несколько лет провела в санатории, где не обращали внимания на ее развитие. Она не любит вспоминать этот период своей жизни» — написано в анкете. Кроме молчаливой диковатости зверька, пожалуй, ничто не свидетельствовало о прошлом неблагополучии. Но такое бывает у детей и не из «санатория».

Любочка действует как автомат: плющит пластилин и вырезает из него квадратики. И, наверное, мечтает, чтобы все это побыстрей кончилось.

Я знаю, что в Доме ребенка работают с раскрасками. «Долепливание» — это то же самое, что и раскрашивание. Только там надо заполнить контур цветом, а здесь — дополнить форму до целого. Попробовала метод «полуфабрикатов». Слепила Любе принцессу без носа и глаз. Задача ей знакома, она с ней справляется. Прилепляет нос морковкой и глаза, голубые шарики. Всё.

Странное ощущение, словно я имею дело с оформленной оболочкой, внутри которой пустота. В условиях концлагеря Фридл создала систему реабилитации детей средствами искусства. В чем она заключалась? В попытке наполнить содержанием жизнь ребенка, лишённого свободы. Помочь ему через рисование выразить то, что его гнетет, и тем самым освободить душу от страха.

Есть такое понятие — теплохладность души. Равнонаправленность к полюсам добра и зла. Первые пять лет Любочкиной жизни как засвеченная киноплёнка, что-то с ней было, где-то она была — эта информация хранится разве что в глубинах ее подсознания. Новые родители с ней об этом не говорят, уповают на время, которое лечит.

Прошел год. Люба выросла и очень изменилась. Борис Никитич с ней замечательно поработал. Люба поет и танцует. У нее появилась подружка, и мальчик, который ни на шаг от нее не отходит.

Любочка слепила дружбу. Почти целый урок она размазывала глину по картону, утрамбовывала, чтобы вышло ровно-преровно. Я решила, что она готовит поверхность для рельефа. Нет. В самом конце урока она вылепила рахитичного, большеголового человечка, похожего на младенца с полотна Чюрлёниса. Посадила его в центре.

— С кем он дружит? — спросила я ее.

— Ни с кем, — процедила Люба.

А БЫВАЕТ ПЕСНЯ НЕ ГРУСТНАЯ, НЕ ВЕСЁЛАЯ — СРЕДНЯЯ?

Тема дружбы спровоцировала детей на многофигурные композиции, где все дружат со всеми. На большой картонке Люба усадила крошечного малыша с отверстиями вместо глаз. Одиночество на выжженной земле.

Люба начала себя осознавать, и засвеченная пленка проявилась.

Следующим уроком была музыка. Загремели бубны и погремушки, но Люба не встала из-за стола. Подружка позвала ее, но Люба отмахнулась. Она вернулась на лепку и выкинула в ведро с глиной свою дружбу вместе с картонкой.

— Плохая, — сказала она, — я потом другую слеплю.

Пленка проявлена, фотография отпечатана и уничтожена. Можно только вообразить, что творилось в душе этой девочки в тот момент, когда она выкинула в ведро своего безглазого малыша. Так она избавилась от себя, прежней.

Толю К. усыновила вышедшая на пенсию балерина. Толя часами смотрел в одну точку, не отзывался, когда к нему обращались. Работа с ним походила на игру ребенка с куклой. Ребенок ставит куклу на пол, приговаривает: «Иди, иди». Кукла ни с места. Тогда ребенок начинает ее «водить» и нахваливать: «Вот умница, сама ходит!» Так и мы с Колей. В отличие от Любы, Толя попал в женские руки. Любе пришлось определять свои отношения со всеми членами семьи, включая животных, а у Толи была лишь мама. Возможно, от счастья Толя впал в глубокую дрему, и раскатать его оказалось труднее, чем Любочку.

Целый год он просидел за столом «просто так», молча, наверное, если бы мама взяла его за руку и увела, он бы не стал и сопротивляться. После лета, которое он провел с мамой на море, наметились явные сдвиги. Он начал воспроизводить все то, что мы лепили в прошлом году. А казалось, что он ничего не видел. Вспомнил, какие краски надо смешать, чтобы вышла зеленая. Вспомнил песню, которую Борис Никитич разучивал с группой в прошлом году. Главное, он теперь рвался в студию, готов был дневать и ночевать с нами. К середине второго года занятий Толя полностью освоился.

И третья девочка — Вера с явными признаками аутизма. Если с Любой и Толей можно было работать как с психически полноценными детьми, то с Веры нельзя было спускать глаз. То выльет ведро с водой из-под краски на стол или, еще хуже, на платье соседки — и тут же обмочится. От страха. То, влекомая волею мощного импульса, ударит со всего маху соседку по столу, то в волосы кому-нибудь вцепится.

В целях безопасности пришлось разъединить столы и рассадить детей по четверо. У нас с Верой был свой отдельный столик.

Родители обратились с письменной жалобой к начальству. Мамы и бабушки уничтожали взглядами несчастную молодую женщину, к тому же — незамужнюю. «Взяла ненормальную, а наши дети из-за нее страдать должны».

Мать Веры безмолвно сносила недовольное жужжание, оправдывалась перед заведующей. Сама сирота, удочеренная в возрасте Веры, она знала, на что шла. С каким трудом заплучила ребенка! Незамужним детей не доверяют. Помогло одно обстоятельство — наличие пригодной жилплощади.

Верина мать сызмальства тянулась к детям. Учительнице на продленке помогала возиться с первоклашками. К заброшенным детям ее влекла память собственного детства. Женщина, ставшая ей матерью, тоже была одинокой, работала нянечкой в больнице.

Судьбы. Мы стали равнодушны к чужим судьбам.

К каждому уроку приходилось раздвигать столы, расставлять стулья. Мать Веры мне помогала. Она не знала, как выразить мне признательность за то, что, несмотря на жалобы родителей, я отстояла Верочку.

Период агрессивности сменился «слезным». Она стала часто плакать без всякой видимой причины. Вера оттаивала. Из пластилина, положенного в морозильник, ничего не вылепишь. Его надо согреть, и он станет податливым. Если уж бездушный пластилин требует тепла, то что говорить о душе ребенка, которая в особо чувствительный период становления томилась в колодках?!

Не мешай завивать фантазии!

Дети влетают в класс, шумят, роняют на пол краски и пластилин. Дети — стихия. Но у меня есть способ ее обуздания — маленькая куколка, с которой я тихо беседую.

— Что вы ей сказали? — стихают разом. — Она говорящая?

— Да, но, к сожалению, потеряла голос.

— Где? — спрашивают дети, готовые броситься вдогонку за потерянным голосом.

— В метро. Там столько народу, а голос у нее маленький, незаметный, где там его отыщешь?

— Надо посадить пищик в землю, и из него вырастет новый голос, — советует Аня, автор «всей природы» и «всего вокзала».

На даче она развела «огород» из копеек и птичьих перьев. Верит она в то, что у нее вырастут денежные деревья и всамделишные птицы, или играет? И то и другое. Детское воображение — на стыке веры и игры.

— А голос похож на язык?

— Он прям бежал бегом?

— Спросите ее (уже не называют куклу куклой), можно сделать цапле провололочные ноги?

Я становлюсь связной между детьми и потерявшей голос куклой. Постепенно и я начинаю верить в необычность этой куклы. Вернее, я вырываюсь в роль. Поверить уже никогда не смогу. Время прошло.

— А у голоса есть душа?

— Конечно, человек же поет!

— Душа поет голосом.

— А бывает песня не грустная, не веселая — средняя?

— А кто отправляет душу в небо? Летчик?

— Душу никуда не отправляют. Это воздух. Что ты, воздух в посылку заколотишь, в деревянный ящик? — включается Арам. — И вообще: никаких душ нет. Есть кровь и кости. Еще мясо. Я дедушку позову, он вам все скажет.

Спор материалистов и идеалистов прерывает голос завклубом.

— Скворцова Аня! Вставай и идем со мной.

— Что случилось? — спрашиваю.

Анечка покраснела, испугалась.

— Давай, давай, выходи. — Заведующая объяснять не намерена. Я выхожу вместе с Аней.

— Не заплатили за два месяца. Эта мамаша думает, что умней меня, отправит ребенка в группу и уходит. А как найдет свое чадо в коридоре, призадумается.

Воспользовавшись моим отсутствием, дети носятся по классу, «пуляются» пластилином. Нас сбили с толку, нам помешали «завивать фантазии». Я не знаю, как справиться с разгулом, я потеряла голос, как кукла. Бессилие порождает страх. Впервые я боюсь детей. Они это чувствуют, кто-то погасил свет, из-под стола раздается всхлипывание.

«Ушла, бросила нас, не говоришь с нами про воздух и пропавший голос, вот тебе за это!» — хотят сказать они мне.

Я включаю свет, пытаюсь всех рассадить по местам.

— А мы больше не будем лепить, — заявляет Арам и запускает пластилиновый шарик в потолок. — Мы хотим беситься.

— Собирайтесь, ребята, — говорю не своим голосом.

Меня охватывает бессильная злость. Злостью не удержать детей в повиновении. Дети с радостью покидают урок. Самый дрянной урок в моей жизни.

Гномье царство

Баба Ляля победно шествует по коридору. Ее планы внедряются в жизнь. Уже введена и функционирует «подготовка к школе». Класс живописи аннулирован, мольберты убраны. Теперь здесь учатся сидеть неподвижно и отвечать на вопросы «по поднятию руки». Родители довольны. Наконец-то детей приучат к порядку. Нужно, чтоб они «слушались».

Лепку еще не выселили. Осталось провести последнее занятие, новогодний праздник в семействе гномов. Всё, что нужно, мы уже слепили на предыдущем занятии.

Превращаем в жилие картонный ящик из-под телевизора, обклеиваем внутренние стенки фольгой, получается зеркальный дом. Сверху стелим белоснежную бумагу, это будет снег в лесу, водружаем на наст елки, пни, вылепленные елочные игрушки вешаем на ветви.

В гномьем доме устраиваем постельки из пластилина, накрываем стол, расставляем тарелки, а в центр водружаем пластилиновый торт со свечами-спичками.

В руках у гномов — по настоящей маленькой свече. Мы зажигаем их и тушим свет. Свечи быстро выгорают.

— Погасим? — спрашиваю.

— Не надо! Не гасите, не губите вечную красоту! — восклицает Юта.

— Я туда хочу, — ноет Катя, глядя, как отражается пламя на зеркальных стенах. — Как туда попасть?

— Если бы ты была грудная, ты бы все равно не поместилась, — говорит Арам.

— Ну и что, я бы глазами гуляла, — вздыхает Катя.

— Отдельно глаза не гуляют, — возражает Арам, — ноги надо.

— Да тише вы, — сердится Юта, — в вечной красоте тихо.

— Заладила про свою красоту! — Арам поправляет колпачок на своем гноме.

У него «влюбленный» гном, так он сказал, «потому и худой, все влюбленные худые». На самом деле ему не хватило синего пластилина на туловище, голова вышла большая, а туловище тощее. Вот и явилась «оправдательная» версия:

— Вечного ничего нет!

— Есть, есть! — протестуют. — Небо, например, море...

— Мама, — шепчет деликатная Лиза. — Я загадала желание на курице, чтобы мои родители всегда были, и вышло.

— Тогда и мои, я тоже загадала, и вышло, — присоединяется к Лизе Катя.

А Юта, знай свое, твердит:

— Не губите вечную красоту!

В ее серых глазах трепещут язычки пламени, она стоит перед гномьим царством, как караульный, навтыяжку: пузо вперед, руки по швам.

Последнее счастливое мгновение. Оно и впрямь прекрасно.

Даю уроки лепки и рисования

Надеюсь, образ «вечной красоты» не оставит детей. Чтобы уж раз и навсегда покончить с никчемной лепкой, нашу волшебную обитель завалили железной арматурой. Безголовые, безрукие гномы с перерезанными животами погребены под тяжестью железа. На них упала елка с игрушками. Циркачей, клоунов и фокусников сшибли с проволоки, и они валяются на пыльных железяках. Из-под ящиков торчат ошметки рисунков. «Дача в Коломне» горбится под радиоаппаратурой, скрежещут поломанные карусели, стонут шестинogie кошки.

Я собрала всё, что могла, в картонные ящики, и теперь жертвы землетрясения спят у нас под кроватью.

Надеюсь, наш класс заперли сразу после моего увольнения и дети не увидели раззора. А если увидели? Нужен им такой урок?

Мне рассказывал Борис Никитич, как Юта с пакетом из-под молока билась в дверь «лепки».

— Кому мне теперь показывать все эти прелести?

— Покажи мне, — предложил Борис Никитич.

— Вы посмотрите и верните. Она придет, и я ей всё сама отдам.

Юта верит, что я «приду». Но у нас незаменимых нет. Вместо лепки в студии учредили кружок «ассоциативного и образного мышления», туда и следует носить пакеты, начиненные «пре-лестями».

Всяко меня утешали: ничего, мол, все равно ты посеяла свое. Все равно, мол, дети никогда не забудут. Было б из-за чего уби-ваться! Ведь на том стоим — одно рушим, другое создаем. Не ото-всюду же тебя гонят!

И правда. После выхода книжки «Освободите слона» посы-пались письма: где вы, где ваша школа, у нас трудный ребенок, можно мы его к вам приведем? Приходилось отвечать, что нет у меня ничего, езжу, куда позовут. На зов-то как не откликнуться! Тот аутичный, тот заикается, тот расторможенный — вот и бредешь от одной станции метро до другой, а по дороге придумываешь, что с этими детьми делать.

Когда нашу студию в Химках разогнали и стала я бродячим ак-тером, отбившимся от труппы, то подумала: напишу рассказ «Даю уроки лепки». Как вхожу я в разные дома, думая о том, как помочь ребенку, и пластилин у меня с собой, не чтобы скульптуры лепить, а как лекарство. А мне объясняют, что малютка Надина не в ладах с линией, работает «живописным пятном». Как бы ее рисовать научить? Я говорю — попробуем. И вижу, что проблема Надины в плохой координации движений. Ей надо заниматься в группе. Так у замкнутой девочки появляются друзья. Они шумят и пачкают красками паркет. Родителям это не по душе, но что не сделаешь для собственного ребенка?

И так из дома — в дом. Где чаем напоят, где разговорятся, а где разложат журналы мод и спросят совета, какую выкройку брать. Художник понимает! А в одном доме меня спросили, какие што-ры лучше — в мелкую клеточку или крупную. Я сказала, что пред-почитаю в огуречик. Потому что в тот момент было не до штор. Я приехала в этот дом после занятий с пятилетним мальчиком, у которого был невроз. Он не разговаривал, и как раз-таки в тот день он произнес два слова, и я, окрыленная успехом, с бухты барахты ляпнула про огуречики. И что же? Люди отыскиали ткань с «огуречиками» и сшили из нее шторы.

Вот такой рассказ складывался, и многое бы в него вместилось, но тут подвернулся клуб «Современник», и рассказ не состоялся.

«Не плакать, не смеяться, а понимать» — этому призыву тысячи лет. Шок от разгрома позади, смеяться, кроме как над собой, не над кем. Будем понимать.

В романе Отара Чиладзе «Всякий, кто встретится со мною» есть персонаж — доктор. Один доктор на несколько грузинских сел. В семье Макабели тяжело заболела девочка Анетта. Осмотрев внимательно Анетту, он подарил ей куклу. Доктор не был шарлатаном, он умел лечить. Подарок доктора осчастливил девочку, и она стала выздоравливать. Жизнь Анетты прослеживается в романе от рождения до смерти. Это — незаурядная натура, тонко чувствующая, экзальтированная, склонная к ипохондрии. Ей нужны были не пилюли, а внезапная радость, которая изменила ее эмоциональный настрой и помогла организму бороться с болезнью. Сельский доктор интуитивно выбрал верное средство.

«Прелести» спят под моей подушкой. Я же, «машина вместе с дорогой», езжу по Москве и даю уроки лепки и рисования.

Другая версия. Радостное окончание.

Я давно уже не машина с дорогой, а «самолет с небом».

Никто меня больше ниоткуда не выгоняет и не обижает.

Наоборот, всюду зовут. И, куда бы ни позвали, я лечу.

Это лечение называется «самолетотерапия».

Говорят, что мир сошел с ума. И что жить в нем стало страшно. Может быть, он и сошел с ума, но жить в нем не страшно. Жить вообще не страшно.

Дети, о которых рассказывается в книге, выросли. С некоторыми у меня установился пожизненный контакт. Однажды я даже занималась с группой детей, чьи родители занимались у меня, когда были маленькими. Это очень интересный опыт, и весьма перспективный. Время-то идет.

Недавно меня разыскала в Иерусалиме девочка, теперь уже молодая мамаша, которая занималась в Химкинской студии. Она стала художницей и пригласила меня на выставку, где показывали ее компьютерный мультфильм. И я увидела в ней ту малышку, из студии. Мало того, я вспомнила ее рисунки. То, что она делает сейчас как мастер, уже тогда было в ней. И я подумала, что время нашей жизни такое короткое, что мы просто не успеваем сильно измениться.

Мы с дочкой Маней работаем вместе над проектами международных выставок. Я в роли куратора, Маня в роли дизайнера. Иногда я помогаю Мане в ее добровольческих проектах. Она занимается с детьми из тяжелых семей, расписывает с ними фасады домов в бедных кварталах Тель-Авива. Прошлым летом мы расписывали фасад мастерской по производству мебели. Хозяева мастерской заказали нам нарисовать столы, стулья, шкафы, диваны и кровати. Фирма предоставила ведра с акриловыми красками, одноразовые стаканчики для воды и красок и кисти. Любой ребенок или подросток, да и просто прохожий, мог присоединиться к делу, и, несмотря на жаркий день, собралось много энтузиастов. Среди них выделялся чумазый мальчонка, который с невероятной быстротой и страстью рисовал всё, что было задано. Когда на стене уже не осталось свободного места, он подошел ко мне и спросил, можно ли нарисовать кошку. Кошки запланированы не были, но, поскольку по Тель-Авиву разгуливает множество кошек, я решила, пусть нарисует, хозяева мастерской не заметят, подумаешь, одной кошкой будет больше. Ави, так звали мальчика, нарисовал кошку

на цоколе, потом еще одну, и еще одну. Рисовал он по-детски замечательно. «А можно я высоко на трубе нарисую птичку, а внизу кошку, которая за ней охотится. Птичка кричит “Спасите!” Это ты напишешь, я писать не умею». Ави залез на лестницу, нарисовал птичку, а я написала «Спасите!» С кошкой, запрыгивающей на трубу, он справился без моей помощи. Ладно уж, Маня как-нибудь выкрутится перед хозяином. Народ разбрелся, приехала машина за красками. День подходил к концу, а Ави продолжал рисовать. Расписал столб, ищет, где бы еще краской пройти. Негде. «Но ведь еще есть дома, целая улица есть!» Меж тем ведра с оставшейся краской загрузили в кузов, и машина уехала. «Я хочу рисовать! Пожалуйста, дай мне еще порисовать!» — просил Ави, прижимая к себе стаканчики с красками, которые он подобрал с земли. Маня объяснила ему, что на следующей неделе будет продолжение и тогда он сможет рисовать с утра до вечера. Похоже, она его уговорила, и мы пошли мыть кисточки. Вернулись — и видим: стоит Ави, изрисованный с головы до ног. Завидев нас, он похлопал себя красной рукой по зеленому пузу и сказал гордо: «Это я — рисунок!»

Заметки В. П. Эфроимсона
по ходу чтения рукописи
«В начале было детство»,
1985 г.

К главе
«Прыжок антилопы»

Прочёл первую главу, увидел, какая Вы жулябия, превратили урок в сказку, которую эти обезьянки будут ждать, чтобы одним махом, азартно заглотить продолжение. Ведь этих чертенят, бесенят только игрой да сказкой и можно учить. А антилопа-то Вы сами, остролиция и молниеносно находчивая. Я кажется, не успел выложиться Вам, что тонкокостная остролицость в переводе означает повышенную секрецию (от рождения) гормона щитовидки, которая на верхнем пределе нормы означает убыстренное мышление, находчивость. Вы, наверное, думали, что я через рукопись буду познавать деток, а я познаю и Вас. Конечно, антилопа — это Вы сами, лично, персонально, сразу бултых в воду — и выплыли. Ну, если по первым восьми страницам накаталось столько, то сколько же будет в сумме? Боюсь заглянуть, сколько же страниц в томе.

Но главное не это, а то, что я вижу, вижу всю эту ораву малышей, как у них горят глаза, как они рвутся в дело, как они перебивают, переорывают друг друга и как они сразу влюбляются в Вас (правильно, чертенята, делают).

К главе «Смотри, не спеши»

Но Бог ты мой, как удивительно рано, именно в детской колясочке, Вы увидели мир и запомнили (кстати, сверххранное восприятие мира и память об этом восприятии — один из признаков таланта, уж в этом можете мне поверить, это уж моя специальность).

Не злитесь на меня, что я пишу не только о В/книге, но и роюсь в условиях Вашего собственного развития в гуманистку проникновенную! Что делать мы, жида, народ любопытствующий до бестактности. А то, что у Вашего сына старая няня, то и это очень интересно. Как бы Вы не бегали по своим лепкам и сколько бы не зарывались в писание книг, но он у Вас вырастет гуманистом.

Кстати, что такое русский интеллигент? Это пятилетний детеныш, который подходит к своей маме и спрашивает: «Мама, вот у меня и шуба, и галоши, и гувернантка (бонна), а вот Сережка весь в дырах мерзнет. Разве это справедливо?» А мама отвечает: «Знаешь, я уже давно жду, жду, когда ты меня об этом спросишь, и уже боялась, что ты все не спрашиваешь. Видишь ли, если все, что на тебе и на таких, как ты, снять и раздать, то кому-то достанутся одни носочки или один носок, или полперчатки. Пользы им не будет, а ты будешь не учиться, а болеть. Но вот, когда вырастешь, станешь инженером, доктором, адвокатом, ты должен будешь помнить, что все бедные вокруг тебя вовсе не потому бедные, что злые или глупые, а потому, что у родителей их не было денег их одеть и дать образование. Ты должен будешь им помогать все время, сколько сможешь. Запомни это на всю жизнь».

Представляю себе всячески Вашу Луизу Вольдемаровну. Думаю, что ей-то Вы многим обязаны... И вот Вы-то помните всё, всё, и сирень, и кукол, и как Вы по правилам зачерняли маком дно кастрюльки. Помните (или, может дочь напомнила) игру в «куличики», туннели, копание ямы.

Ну тут уж и моя память как-то возникает. Помню, что рыл. А вот до пяти лет ли, не помню. Как странно, на десятилетия протягивается детское восприятие: помню, как, неведомо почему, я, интернационалист, почему-то, лет в пятьдесят, любил... болгар, появлявшихся в Институте Мечникова. Ни в чем это не проявлялось, кроме внутренней симпатии, вовсе неизвестного происхождения. Лет в шестьдесят случайно догадался. Напомню Вам (раз в сотый? Ну в третий, кто мне считает): я родился в будущем чекистском доме, Лубянка, 2, ну, не знаете, площадь Дзержинского. А водили меня гулять малышом на Ильинский сквер (в советское время — у площади Ногина), может быть, рыть туннели и ямы. А на этом сквере, на верхнем конце, стояла часовенка в память русских, павших в войне против турок (1877—1878) с барельефами,

изображавшими, как русские солдаты спасают болгар от турецких аскеров. Вот откуда! И вот я вспомнил, как мои недогадливые родители купили мне красную феску (турецкого типа) и как я эту феску возненавидел.

Кстати, у Фрейда, где 50% дикое вранье, например про эдипов комплекс и прочее, да еще соответственно «генетике» того времени, вере в наследование приобретенных признаков, а 50% — самая глубокая истина, например, о том, как детские переживания уходят с нами до самой смерти, — вот она, Ваша Луиза Вольдемаровна, мама.

К главе «Из пустого в порожнее»

Не могу не похрюкать от удовольствия. Как у Вас умненько получилось с водой, с тактильным голодом. А ведь мы, взрослые, слепоглухонемые к тому, что нужно детям, без чего мир для них становится башней молчания.

К главе «Всею свое время»

Прекрасно понимаю и отца и Алёшеньку, который плачет и засыпает. Отец прав по-своему: сын даровит, надо ему подсовывать всё новые задачи, надо во всю использовать время детской восприимчивости. Отец прав с эволюционной точки зрения, с анатомо-гистологической. Не буду писать, почему, нужен трактат. Расскажу при встрече. Вы правы разве только насчет современности.

К главе «Панегирик Борису Никитичу»

Никогда не поверю, что доброго человека дети всегда будут любить. Вздор! Они очень быстро сядут ему на шею!

К главе «Ничья»

Великолепно! Тем более, что Вы догадались не ставить восклицательный знак. Вообще, читая, я наслаждаюсь почти непрерывно. Если бы Вы знали, до чего нужна Ваша книга, Вы стали бы счастливейшей женщиной на земле. Но где Вам, длинноухой, понять. Среди всех В/особенностей, которые на меня обрушила В/книга, я не назвал минимум две: это легкость, естественность переходов, своеобразное изящество перехода от темы к теме, хоть никак нельзя угадать, что будет дальше.

К главе «Какая разница между дождем и снегом?»

Хапнул в ларьке красный карандаш, теперь буду злоупотреблять. О том, что ежели детеныша почти сразу положить к матери, то он в «отказники» не по-

падет, даже у нас где-то в «Литгазете» написали. Можно обойтись без низкопоклонства перед Западом, в данном случае перед хрянцузской акушеркой. Вообще, с медицинской точки зрения, детеныша кладут к матери через сутки. Надо хорошо полагаться матом детпсихологам и врачам, нельзя ли срок сократить до двенадцати-пятнадцати часов, чтобы пораньше разбудить естественную любовь не матери к чаду, а чада к матери (задача: иммунитет к последующим пакостям).

Кстати, ввел бы закон, карающий посадкой на кол: 1. За хамеж матери в присутствии детей; 2. За хамеж учителю в присутствии учеников. Среди своих многочисленных подлостей число: прекрасной преподавательнице чужой какой-то пьяноватый тип нахамил. Мне было тринадцать лет, мог бы дать ему в морду, не дал. Скорблю через шестьдесят шесть-шестьдесят семь лет.

К главе «Права детей»

Хорошо, что я без власти. А то приказал бы всем детсадовским работникам сдавать экзамен по Вашей книге.

К главе «Авдий и Гордей»

Ну как это здорово, что вы распознаете тревожный сигнал, невроз, и так рано. Некстати, но знаете ли Вы, что почти все шамашедшие гении — это маниакально-депрессивные, а вот шизофренические — невероятно здорово рисуют злой мир, и больше почти ничего. (И.Босх, впрочем, как раз был вполне нормален). Но ведь то, что Вы сделали с Авдеем и ордеем, — мимоходный подвиг. Что бы не случилось дальше с ними, Вы их навсегда лишили сознания своей полной неполноценности.

К главе «Увидел — отрази!»

А знаете ли Вы, что в Ленке есть книга «Biology of the Art». Оказывается, что если шимпанзе дать столик с девятью ямками для красок, кисти, провести кистью с краской по листу бумаги, подложить им чистый лист бумаги, то они начинают малевать, увлеченно! Но так, что на листе оказывается очень гармоничное расположение цветных мазков. Кончила — подавай следующий лист: на законченном листе она (шимпанзе) ничего малевать не станет, сколько ее ни заставляй. Я обошел в Ленке людей, копавшихся в каталогах, с книгой, в которой были шимпанзинские малевания, и спрашивал: скажите, если бы вам предложили вот эту картину, за цену, но вполне вам по средствам, вы бы ее купили и повесили на стене? Почти всегда был ответ «да» (а я тактично умалчивал, что это обезьянье творчество). В Лондоне (умолчав про обезьян)

устроили выставку с продажей по недорогой цене. Раскупили так быстро, что устроители даже не успели снять цветные фото... Здесь умные, добрые врачи и сестры. Формально работать в больнице запрещено. Есть об этом плакаты. Но врачи понимают, как здорово лечит работа, как она помогает не чувствовать себя лишним. И я сижу с Вашей проклятушей рукописью, но кончаю на сегодня.

К главе «Откопали богиню»

Перед тем как приняться за «Деталь», пару слов о себе: сегодня я первый раз отправился на прогулку и медленно бродил сорок пять минут, заглывал чистый воздух. Иногда поддувал ветерок, но я шел свободно, правда, вовсе не торопясь. Сейчас только легкая усталость и жалость, что опять оторвался от книги. Да, на все находятся свои хитрости. Я купил свои классы с ходу вопросом: «Пусть подымет руку тот, кто знает предмет скучнее немецкого языка». Ни один не поднял в ни в одном из парных 5–8 классов. Так, ясно, что скучнее нет. Ну вот, предлагаю учиться интересно. Попробуем. Не понравится, перейдем на учебник. Но, если хотите, чтобы был толк, придется подрабатывать дома – запоминать слова и правила и повторять каждый раз. Четвертый урок – викторина. Раздам каждому листик со словами, вы в верхнем углу пишете фамилию, потом переводите слово за словом. Не помните слово – пропускаете. Ни минуты не терять. Кто листик заполнил, как мог, подымает руку, я беру прежний и сразу даю новый. За каждое переведенное слово – очко. Результат получите сразу. И пусть каждый записывает свое число очков. Не пойдет – буду учить по учебнику, так что слушайте и дома повторяйте. Пошло, и хорошо, в семи классах из восьми. А в одном классе нашлась умная, способная заводила, из очень культурной семьи, хорошо знавшая (без меня) немецкий язык, и она подружкам, «референтной группе класса», быстренько переводила литстики и раздавала. Я, по дурости, начал орать и все испортил. Надо было поговорить с ней по душам, что, мол, подружек подводишь. Они ведь ничего знать из-за тебя не будут. ...Я тебя буду сажать отдельно и давать отдельное задание, трудное, чтобы не скучала. Ну, кусок прозы с немецкого перевести или с русского на немецкий. Но вот на эту беседу меня как-то не хватило. Сдавал кандидатский минимум в Харькове, диамат, истмат, – вот уже и не помню, какие предметы сдавал. Ну вот, все пришло тогда, когда не нужно. Моя книга «Генетика тутового шелкопряда» была принята в печать за три недели до войны, кандидатскую защитил за три недели до войны. Ну а что докторскую получил через четверть века после написания, Вам только напоминаю. Но я применил одну-две хитрости, а Вы со своими четырёхлетними неистощимы в проделках, скажу яснее – в проказах.

К главе «Человет в шатке»

Перед тем как начать о Никитиных, напоминаю Свифта: «О появлении гения легче всего узнать потому, что на него сразу ополчаются все тупицы». Но нынче тупицы стали умнее, они знают, что лучше промолчать в тряпочку. Прочитал о Никитиных, ровно ничего о них и об обсуждении не узнал, зато увидел, что Вы действуете по старому, бородатому плакатному принципу «Кто куда, а я в сберкассу». Мол, вы там обсуждайте и рассуждайте, а я буду втравливать детишек в мою лепку.

К главе «Тетя Мотя»

На каждого месяе — свое досье. На ясельно-детсадовского, телевизионно-парфюмерного Колю нашлась тугоухая тетя Мотя. Ну конечно, куда от этой остролицей денешься? Да еще если тетя Мотя на прицеле держит.

К главе «Ключ в кармане»

Заврались. У Вас не ключ в кармане, а полный набор инструментов опытного взломщика. И фомка найдется, и клещи, и отвертки всех рангов, масштабов и габаритов, и финка, чтобы залезть в душу малыша и выкопать всё, что Вам на потребу. МУРа на Вас нету. Вам не писательницей надо было стать, а квартиры обворовывать. (Забыл, как это специальность называется.)

К главе «Эклектика»

«Несвоевременное обучение мастерству — серьезная преграда для творчества». Убийственно верно! Несвоевременное обучение грамматике окончательно угробливает изучение языков. Как-то Н. К. Кольцов (он, затравленный мерзавцами, умер в 1940 г., а его жена через сутки покончила с собой) мне сказал: «Вы, В. П., втискиваете в одну фразу то, что надо сказать в четырех, и в одну статью то, что надо написать в четырех». От этого порока я и теперь не избавился. Зная за собой этот грех, вижу его и в этой главе. Хотя она и великолепна. Но попробуйте придумать ей название [*Эта глава раньше называлась «Обучение без потерь». ЕМ*], но, куда более яркое. Теперешнее — слишком серое, подумав, Вы сами согласитесь. Оно совсем не соответствует значимости, искристости, насыщенности содержания. Я с ходу не могу, а тратить силы на это вместо дальнейшего чтения — жаль. Ведь 2/3 еще впереди. Да и само название книги — пусть точное, прицельное, но серое перед содержанием. Теперь менять поздно, но ведь наверняка книга будет переиздаваться. Пусть нынешнее название уйдет в подзаголовок, а название найдите взрывчатое. [*Так и не нашла! ЕМ*]

К главе «Девочка убегает от медведей»

Ну зачем вы обливаете какое-то пособие по лепке! Это нельзя, не может врач, меня предшествующее назначение, ругать прежнего врача и новый учитель — прежнего. Уберите к черту немедленно! Из того, что я Вам просто запрети́л обижать учителей, вовсе не следует, что я отрицаю калечение детей и подростков. Наоборот, я ужасаюсь тому, что происходит. Наоборот, можно на пальцах подсчитать чудовищный размах этого коверкания. Прошу Вас проследить за несколькими расчетами. Расчет номер раз: Как генетик уверен, что все нации потенциально одинаково талантливы и бездарны. Как генетик знаю, что афиняне Эры Перикла были не талантливее, даровитее других народов. Афинское гражданство давалось очень редко, Афины узурпировали многие права городов, возглавляемых ими, не давая привилегий, на чем и сломали шею. Перикл не мог узаконить свой брак с Аспазией и доставить своим сыновьям от нее афинское гражданство. Но за полтора поколения 60 000 афинян выдали десяток гениев мирового ранга. 1 : 6000. Враки. До нас не дошли гении музыкальные, плохо дошли живописные... А много ли назывете гениев в СССР? А в мире? На чем они срыгаются, глушатся, гибнут? В дурацких семьях, где мать задергана, у нас, — в яслях, детских садах, школах. Извольте другой расчет. На 1981 г. среди городского населения стран, поставивших регулярно нобелитов, еврейцы составляли крохотную долю. А среди 450 нобелитов было 60 еврейцев и 10 полуеврейцев, что превышало их частоту среди основного нобель-дающего населения в 15—20 раз. Почему? Да потому что еврейцы с самого раннего детства много занимались развитием интеллекта своих детей. Сейчас на этом же занятии лезут быстро вверх япошки. У меня была рукопись «Педагогическая генетика». После долгих мытарств я ее глубоко похоронил, но все четыре машинописных экземпляра у меня в моем бедламе нашли и выкрали. Часть написанного от руки текста нашлась, находится у Е. А. Загляните. Цель рукописи — доказать педагогам, что в каждом классе у них сидит по сорок разных индивидуев, каждый с особой генетикой, со своими прошлыми импресси́нгами.

Если бы я был Генсеком N 1, то запретил бы на что-либо отвлекать учителя от преподавания, школьников — от занятий, учителям бы предложил сдавать экзамены по своему предмету, сдавшим хорошо и сумевшим рассказать увеличил бы зарплату раза в полтора, запретил бы совместительство, ввел бы частные группы для подготовки в ВУЗы, звание мастера присваивал бы после экзамена, сделал бы его почетным и хорошо оплачиваемым, списал бы в школы все подходящие, но устарелые приборы (испорченные — починить, не до университетского ранга, а для школьного).

Всех студентов 4—5—6-го курсов заставлял бы давать пробные уроки в школах, раз в две-три недели, сорок пять минут, с правом одно-двухдневной подготовки, только по теме их летней практики. Студентам разрешил бы летнюю практику только по специальности (пусть приработают немного денег). И вообще поставил бы вопрос круто. Ежели перестройка не получается, делим всех партийцев по номерам партбилетов на четных и нечетных, и тем и другим даем равные начальные условия (половину инвентаря, заводов, газет и журналов четным, половину нечетным), пусть хозяйствуют, как смогут. Со школами (нечетным одну школу) — то же самое, пусть четники-преподаватели получают зарплату — по спросу на продукцию.

Ваши страницы про «Сенсорное воспитание» меня убили наповал. Вы что, совсем сбрендили? После могучей симфонии предыдущей главы тратить место на фельетонный газетный критикаж! Пусть тираж 200 000 — этому не место в Вашей книге, пустите это журнальной статьёй, ну, конечно, не в «Крокодиле» (хоть он и стал куда менее глупым), ну, в какой-то более-менее серьезной, но не унижайтесь в книге до этого. Конечно, авторы — идиоты, во всяком случае, в этом их рецепт. Конечно, очень полезно показать, что С. Уильдерлин, умерший сто двадцать лет назад, был куда умнее современных педагогических пророков. Конечно, это все надо опубликовать, необходимо.

У меня когда-то была знакомая семья. Дед, директор рижской гимназии, в 1914—1915 гг. эвакуировался в Москву, и пошла династия настоящих педагогов. Мне говорили: в АПН идут педагоги, которых школьники на третьем уроке выгнали бы из класса. (Я с этих школьников спустил бы семь шкур, потому что и меня бы они выгнали бы из класса, не дожидаясь выгона, авансом.) Ну и понятно, откуда идут эти руководства. Но главу надо сдать в хороший журнал, вовсе не обязательно педагогический, а авторам пособий (за двойную зарплату, не жалко) провести занятия в духе их руководств.

А кстати, соображаете ли Вы, что у нынешних учителей не было ни Луизы Вольдемаровны, ни игры в лото на четырех языках, не было уроков ваяния и зодчества, не было, вероятно, и эквивалента Мары? Понимаете ли Вы, что мир, в котором утопили, как котят, 30 миллионов первенцев-девочек, гдедохнут с голода 150 миллионов африканцев, где после деколонизации и в Африке, и в Индии воцарилось одичание, единственное спасение реальное — это именно сверххранний отбор потенциальных гениев, предоставление им хоть на десяток одной «Вольдемаровны», незадерганной, получающей за воспитание своего потенциального гения до четырех-пяти лет полную зарплату, дача им не класса с одним учителем на сорок мерзавцев (а все дети — мерзавцы, почти такие же, какими мы с Вами были в их возрасте). Эпизод с домработницей

(«прислужой»), у которой был нарыв на щеке и которую я дразнил. Мне за это (было лет пять-шесть, может быть, меньше) крепко влетело (меня, впрочем, родители ни разу не ударили). Вся история эта имеет к Вашей книге самое наипрямое отношение. Но помню хорошо, как потом у моей матери были красные глаза, как потом было совещание с отцом при закрытых дверях, как потом отец на меня изучающе поглядывал, потом новое совещание при закрытых дверях, мама вышла успокоенная (догадываюсь, что отец ей доказал, что я просто дурак).

Моя мать была святой (на этом и рано сгорела). В войну она пошла в санитарки к раненым, делала все, раненые даже полюбили свою «жидовочку». Госпиталь был с аристократическими сестрами милосердия, они, конечно, санитарку презирали (но только меньшинство, среди аристократии за слова «вы антисемит» можно было схлопотать пощечину), презирали только мещанистые, даже когда мама сдала на сестру.

(Почему это очень хорошо, что в Англии лупят школьников линейкой учителя, — требуйте с меня, не забудьте, почему не идиотство то, что ребята так много занимаются спортом, — все это требуйте с меня для следующей книги; как-нибудь разумеется — я со своей этикой, Вы с будущей своей книгой.)

К главе «В бусах при свечах»

Отчасти бестактно. Ведь Вы сами целиком работаете на изобреталовке, потому что горите. А подавляющее большинство людей не умеет, не может, не хочет гореть. Учителя — такие, какими их сделали такие же учителя и социальный отбор, который закинул их в экономическую нишу преподавания искусства. Других нет. И не задирайтесь Вы с ними. И непосильно и несправедливо. Где, когда появятся настоящие учителя, способные и готовые также работать с детьми, как Вы? За какую такую зарплату? За шиши? И при таких ндравах на высшем уровне Вы хотите, чтоб зауряд-преподаватель изобретал такие же штуки, как Вы?!? Призванная с искрой божьей!

Кстати, в принципе я с Вами согласен. Но! Один знакомый физик, проездом через Данию, случайно узнал, что преподаватель средней школы получает в месяц 1500 крон, на 50 крон (чистая символика) меньше доцента (экстраординарного профессора университета). Как, почему такая высокая зарплата у простого преподавателя гимназии? Ответ: «Но ведь мы им доверяем самое драгоценное для нас, наших детей!» Если Вас злит, что я извожу столько бумаги и времени, то можете подавиться: я трачу время на наше общее дело. Вы можете то, что должен был бы сделать я, не будь я полной дубиной стое-росовой и в искусстве.

К главе «Притча о лягушке»

Прежде, чем приняться за лягушачью притчу, вынужден продолжать орать в В/адрес. Вы, что вообразили, что преподавание языков поставлено лучше, чем лепка? Хуже... А как преподаётся музыка? Не знаю, думаю, что тоже хуже. Ваше преимущество в том, что Вы влезаете в человеческую жизнь таких малышей, которые еще доступны импрессиону, «лепке» в широчайшем смысле. ...Хватаюсь за лягушку. Читаю, всё очень нравится, да так, что не о чем писать, разве вот что: вся жизнь Ганса Христиана Андерсена... это история поисков, где гадкий утенок превращается в великолепного белого лебедя.

К главе «Бродит дрёма возле дома»

Я в большом восторге от того, как Вы поделили детвору на словесных (реагирующих на повествовательность) и реагирующих на образ. Я давно поделил поэтов на цветковых (Гумилев, например) и музыкальных (Блок, например).

К главе «Кустарь-одиночка»

Ну, Вы просто впадаете в слабоумие! Борис Никитич правильно Вам вправляет про чувство юмора. Еще раз: импрессионизм — это штука нередко пожизненная. Она определяет главное: буду ли я жить только для себя или и для других тоже. Я уверен, что в подавляющем большинстве людей заложено естественным отбором влечение к добру, и пришел я к этому выводу не по Кропоткину, по Дарвину и прочим источникам, а по своему личному огромному (не дай бог никому) жизненному опыту. То что Вы вышли на одну (не из столь многих) клавишу, которая мешает стать стервецами, ставит В/распроклятую книгу необычайно высоко, и давным-давно строчу вовсе уже не из личного отношения к Вам, а из возбужденной деловой заинтересованности.

К главе «Мы с Марой»

Так, оказывается, помимо Луизы Вольдемаровны, лото на четырех языках, уроки ваяния и зодчества, да на придачу Мара! Таков генез. Ну, ежели Мару Вы подло подвели своим рисунком, жалобу на Вас Прокурору СССР строчить не стану. Ну, и как рано в Вас пробудилась жалость к природе, пусть из-за ежевикикиного варенья.

К главе «“Евгений Онегин” и заяц в профиль»

Я впервые понял, как возник кубизм, ну совсем по Фрейду. Здесь Вы от него не открутитесь. И чертовски интересно, как и то, как девочка «неконтактная» «осознала» свои руки. «За двадцать минут под чтение... она из раба двухмерного

пространства превратилась в его властелина». (Закажите мне рассказ о том, как четырехлетний мальчик при умной, доброй матери за одну трамвайную остановку перешел от слогового чтения к слитному, без подсказки, сам!)

К главе «Деревья на ветру»

Между прочим считаю, что жить можно, только интересуясь. Если интересоваться, дело найдется всегда. Был человек, который очень приятно просидел в одиночке месяц. Он мысленно или прошепывая, вспоминал стихи, которые помнил. Успел не всё прошептать. Я знал человека, который не захотел менять трудную, утомительную черную работу — грузить тачку, отвозить и выкидывать в бетономешалку — на более легкое малярное ремесло. Он умел раздваиваться и не хотел отвлекаться от раздвоения на малярное дело, которое требовало внимания к себе. А тут он, отнюдь не умея, как межзвездный скиталец у Джека Лондона, абсолютно отрешаться от тела, ставил тело на автоматический труд, а в уме что-то соображал (между прочим, таки сообразил).

Но Вам-то сообразилось: «Раз не рисуется — лепи»; «задумалась не о том, что изображает, а о том, как «это изобразить». ... У дочери и сына принципиально разные подходы к миру, это надо же сообразить и сформулировать.

К главе «Глаз — ватерпас!»

Раушенбах (Борис Викторович, 1915 г. рождения, ученый, академик). До чего интересно, но, кажется, вранье: «Египтяне, стремившиеся передать объемную геометрию, не были ни наивными, ни неумелыми. Пространство с его изгибами древнего египтянина вовсе не интересовало, не интересовало и древних греков, и живописцев Индии и Ирана». Враки, пойдите в Музей Изыячных Искусств и посмотрите внимательно на Акрополь: там колонны великолепно создают перспективу, величие и величину, хоть на самом деле весь Акрополь — с хороший сарай.

«Не имея еще культурного опыта, дети заново открывают мир. И своими открытиями подтверждают органичность, естественность созданной человечеством культуры». Господи, да Вы же открыли один из великих законов биологии: «Онтогенез повторяет филогенез» — на человеческом языке это значит, что индивидуальное развитие повторяет эволюционное. Например, у человеческого зародыша развиваются ненужные ему жаберные дужки, которые исчезают задолго до рождения. Так и детеныш повторяет быстренько историю искусства. Кстати, «что важнее, то и размером больше». Там же на всяких ассирийско-вавилонских Ассурбанипалов: перед нами простые воины, ти-

гры и львы — крохотные, ну львы, что котята. Ваш Кузьмин прав. Да, Вы возделываете свою собственную страну.

**К главе «Мне нравится
возиться с такими маленькими»**

Ох, как интересны Ваши беседы с папой насчет бабушек. Вы — гадалка? Враки, Вы просто такая профессионалка, какой должны быть воспитательницы детсадов моих будущих (будут!!) гениев. Хоть, конечно, повторять Вас они не будут. Наизобретают свое.

К главе «Рассыпьте бисер!»

Ваше обращение с детьми-близнецами-аутистами — просто великолепие. Лет семь назад это было бы психиатрическим открытием. Детский аутизм был загадкой, может быть, и остался: с 1978 г. не слежу за литературой. Один жулик, который по моей оплошности стал доктором, даже открыл, что аутизм — рецессивный ген (Рецессивность /от латинского *recessus* — отступление/) — форма взаимодействия двух генов, при которой один из них — рецессивный — оказывает меньшее влияние на соответствующий признак особи, чем другой — доминантный. И то, что их двойничество усугубляло их аутизм, очень интересно. Известно, генетически идентичные однайцевые близнецы медленнее развивают речь, чем неидентичные, двуйцевые. Объясняли тем, что у однайцевых, более стиснутых, сильнее травмы беременности. Потом обнаружили, что у них общий язык, более общее взаимопонимание, меньше нужды во взрослых, отсюда и отставание, но в полной ли мере суть в этом? Вот и Вы влезли в генетику. Это всё крайне важно. А в целом глава и вообще великолепно.

К главе «Истукан в юбке»

Как хорошо, что Ваши детки тут же (или выходя) не устроили Риточке темную. Как хорошо, что Вас выбрали. «Истукан в юбке» тоже тащите к Блюминой. (М. Г. Блюмина, соавтор В. П. Эфроимсона. Их книга «Генетика олигофрений, психозов и эпилепсий» была издана в 1978 г.) Она Вас лучше оценит. Учтите, что она феноменально творческий человек. Вы сможете вдвоем что-либо опытное придумать в междисциплинарной пустыне.

К главе «Дочки-матери»

Ну, как хороша Ваша неудача с Леной, как великолепно, замечательно дана ее мамаша и вывод: «все они, как правило, росли непонятыми, заброшенными,

необласканными». Раскрываются черт знает какие горизонты. Не забывайте, что я почти 60-летнего стажа менделист-морганист и по энтому, ежели я признаю среду, то это особо весомо. Так вот, все эти симулянты, симулянтки, истерики генетически почти не прощупываются. А почему пользуются доверием разные медиумы, творцы разных чудес и т. п. и т. д.? Да, потому что они совершенно бескорыстны. А бескорыстны они потому, что обожают всеобщее внимание, — их хлебом не корми, а гляди на них с почтением и интересом. Вы же раскрыли суть их становления.

К главе «Нюра слепила кузнечика»

Американцы провели очень растянутое (на десятилетия) изучение причин преступности. Главная причина — распад семей, безотцовщина. Они здорово прогнозировали. Но бывали и ошибки. Благополучная семья, всё в порядке. По анкетно-обследовательским данным. Но эти сволочи дети всё видят, все понимают. Четырех-пятiletний мальчишка, в семье, где не то что не было ссор, споров — всё было тихо, спокойно, благополучно, почувствовал что-то, почувствовал, что отец как-то, чем-то обижает мать, и отца возненавидел, хоть тот был работягой из работяг, совершенно безупречный. Не зря Лика плакала. И не зря четырехлетний (пятiletний) карапуз возненавидел отца.

К главе «Что оканчивается на "ок"?»

Так как ничего толкового, кроме регистрации изобретательности мерзавцев, сообщу один афоризм собственного, доморощенного производства: «В науке важны не знания сами по себе, а те ассоциативные возможности, которые они открывают». Поэтому дети (почти все) вовсе не гениальны, они просто еще ничего не знают и не стеснены тем миллионом абсолютно реальных фактов из мира «этого не может быть, потому что этого быть не может», которыми мы совершенно бездумно руководствуемся во всех наших абсолютно бездумных, но правильных действиях.

Детеныш ровно ничего не знает, поэтому лишен автоматизмов, поэтому рисует черт знает зачем, черт знает как, а родители ахают и восторгаются, как одна моя знакомая, и потом удивляются, куда все исчезло. А исчезло потому, что ребенок начинает изображать: дом-то больше человека и т. д. и т. п., добирается до перспективы. Другое дело, если человек, «взрослея», сохраняет детское любопытство и с седыми волосьями, другое дело, если он сохраняет детскую способность восторгаться, воспламеняться, вбирать в себя впечатления, запоминать и обратно же и т. д. и т. п.

Ба, какое счастье и несчастье, что одолел 2/3 книги! По поводу подводной лодки. Как отец говорил обо мне пяти-шести летнем: «Володя ничего не видит, не слышит, не помнит, не знает, кроме того, что его интересует. Если бы его не интересовали всякие вещи, до которых ему нет и не должно быть дела, то он рос бы совершенным идиотиком».

К главам «Детская грамматика» и «Счастливый билет»

Только что вмазал Вам по поводу убиения талантов. О грамматике при изучении языков я выложусь как-нибудь крепко, совершенно ненаписуемо и непечатно. А вот в чем идея «Счастливого билета», не усек. Может быть, обалдел. К чему это ящерицы и счастливые билеты? Как от этого мне поумнеть? Моралисте? Юмористично, но не уверен, что это не разжижает эффект предшествующего. Как-то не подобрал ключик к этой главке. А если так, то подберут ли ключик другие? Кажется, чего-то не хватает. Образцы детских сочинений? Стоит ли?

К главе «Рассуждансы»

А откуда Вы у меня своровали термин «рассуждансы»? Кажется, у меня он давний. Конечно, возможна конвергенция. Некстати, но вспомнил. В детстве у меня была энциклопедия, много-много томов. Году в двадцать первом я потряс двух летчиков, нарисовав им схему автомобильного мотора, которую запомнил из детской энциклопедии. Первое, что я осуществил, выйдя на волю, была покупка детской энциклопедии. Чудом удалось приобрести весь комплект. Мне уступил подписчик. Я взвалил на плечи рюкзак, поймал такси и помчался домой, гордый редкостной удачей. Но это оказалась скука в желтом. В ней было много чего, и все — правильно, одного в ней не было — занимательности. Составители ее никогда не были детьми! Ох, как прав Мандельштам! Детерменизм... Вот в Ваших «рассуждансах» я нашел великую мудрость, которую почуял в семнадцать лет, не приемля тутошного марксизма, и к которой пришел лет двадцать-тридцать назад. Но только не производите детей в мудрецов. Правда, читая ее, я захлебывался от восторга. Но не надо водружать детское мышление на пьедестал.

К главе «Подать сюда результаты деятельности!»

Ну, как это хорошо, что Вы можете дома разрядиться, от злости на завклубом и все человечество. Есть надежное средство — прочесть молитву:

Saint Antoine de Padue
Fait moi trouve la chose perdu.

(За грамматику не ручаюсь, за семьдесят лет пользования стерлась из памяти), Если не поможет, надо плюнуть и перестать искать. Тогда потерянной вещи надоест прятаться, и она выскочит сама, в самом неожиданном или пять раз перекопанном месте.

К главе «У Кеши феноменальная память»

Вот, кстати, замечательный факт — феноменальные способности, а считать не умеет. Дело в том, что отделы мозга функционально крайне дифференцированы. Прежде всего, участки, сохраненные в одном полушарии, компенсируют неполноценность симметричного в другом полушарии. (Тут можно без конца рассказывать о «разгадке тайны» шизофрении.) Но главное в том, что одни участки могут вырубаться целиком, а другие работать превосходно. Среди клинических олигофренов с частотой 1:1000 (может быть, и чаще, просто не докопались) встречаются превосходные вычислители, моделисты сложнейших машин, талантливейшие художники (одного из них прозвали Katzen-Rafael), они способны на «календарный счет» — какой день недели будет 18 мая 1997 г., 2003 г., 7 сентября. Ответят правильно (правда, часть секрета раскрыта Азимовым, но все равно надо додуматься и прооперировать в голове с многими цифрами). Один такой клинически слабоумный прекрасно срабатывал в сберкассе за сломавшуюся вычислительную машину.

Дорогая Елена Григорьевна, Вы очень добры и справедливы к детям. Будьте же справедливы и к несчастным учителям. Прежде всего, в доброе, старое время учитель гимназии или реального училища был уважаемым членом общества, даже высшего в губернии. В особо торжественные дни он обязан был являться не только в мундире, но и при шпаге. Нынешний учитель идет не по призванию, а потому, что куда больше поступить не мог. Из-за нищенской зарплаты учителю приходится совмещать. Вместо 18 часов в неделю — 25 — 30 — 35. Готовиться к уроку некогда, да еще пиши план урока. У прежнего учителя был один начальник — директор гимназии. Теперь им начальствует уйма инстанций, в том числе родительский совет, где каждая родительница всё знает лучше учителя. Учителем помыкают все. Учителем затыкают все дыры.

К главе «Ютина красота»

Но как здорово описан бунт Юты. Ведь «в норме» никто ничего не поймет, надо же забраться (без сапог) в душонку этого зверька. Красота спасла Юти-

ну душу. Я вполне обоснованно ненавижу Достоевского, но многие пакости прощаю ему за «Мир спасет Красота». Почему именно красота, об этом — в «Эволюционной генетике этики» и ее ублюдочной главе, которую хочу Вам показать, хоть Вы забрались гораздо глубже.

К главе

«Светлячок на ладони мира»

А как хорош, выразителен портрет Зяблика! Их не так мало: конечно, мало, но именно на них-то и стоит земля, а не на трех китах или там слонах. И как хорошо, что Вы вспомнили Марию Болконскую — мать Л. Н. Толстого, без которой его бы не было. (Ее образ «списан» Л. Н. Толстым со своей матери.) И так подло с Вашей стороны, что Вы написали всё, что я хотел написать (ну, конечно, по-другому). А не угодно ли Вам прочитать предисловие Л. Н. Толстого к чеховской «Душечке»? Я это цитирую в «Этике», но знать Вам полезно. Вашу концепцию добра это предисловие подкрепляет мощно.

Только что (11.45) глядели врачи. Утверждают, что у меня никаких инфарктов раньше не было. Идиоты не понимают, что я прошел такой отбор на выживаемость, после которого их обычные критерии не годятся. 14.30. Сходил в четвертый раз на прогулку (первый раз до обеда), шлялся пятьдесят минут и, хоть внимательно смотрю на дорогу, ступаю только на хорошие места, два раза шлепнулся, с отлетом шапки на полметра. Не сообразил, что раз сияет солнце, то и снег на дороге становится скользким. Но работать некогда! Через полтора часа снова пойду на прогулку, а там ужин.

К главе «Кино»

Ну как здорово: «Мама, а когда ты умрешь, ты будешь меня помнить?» Все очень хорошо. После обеда попробовал позаниматься, но сморил сон (плохо спал ночь). Это значит, что читаю с интересом, но локти разъезжаются, один проваливается за край стола, и просыпаешься через минуту. Я приспособился работать в столовой за столом, гораздо удобнее, чем в своей одиночной палате... Чуть не написал «камере». Сразу после обеда вытираю «свою» половину стола и раскрываюсь. Раздатчице я сказал, что потребую отчисления на меня 2% ее зарплаты, она согласилась. Во время прогулки обдумал заключение и сразу, хватя, написал его, хоть еще недочитано пятьдесят страниц.

Ну как хорошо изображено разнообразие детей. Как немногими строками обрисована каждая индивидуальность. И на каждую — столько наблюдательности и юмора. А книга-то пишется, оказывается, ночью. Да, вот какие горести у Вас, у Тани, у Рустама.

К главе «Мы сочиняем книги»

Как хорош инцидент с подозрной трубой и мамой, которая Вас упрекнула за волшебные зеркала. Честно говоря, читаешь и чувствуешь стыд от того, что от главы отделяешься парой строчек. А что поделать? Разбирать абзац за абзацем? Ну, это и для меня, и для Вас непосильно. Хотелось бы каждую главку держать во рту, как нежеванную тянучку. Не получится.

К главе «Скажите поэяиста, извините поэяиста!»

«Я помню детей и их работы, но забыла все стихи и телефонные номера, что знала наизусть». Хочу оторваться совсем в другую сторону и описать эпизод, прямого отношения к делу не имеющий. Когда-то, еще до Первой мировой войны, молоденькая фреулейн Зейгарник училась то ли в Вене, то ли в Цюрихе и ходила с приятелем в какое-то соседнее кафе. Они обратили внимание на одного кельнера, который ничего не записывал, но точнехонько выполнял все, заказанное столиком (на четырех?), и молниеносно расплачивался. Они попросили принести им то же самое, что заказывали ушедшие соседи. Он ответил: я совсем не помню их заказа, они расплатились и ушли. Зейгарник эту особенность памяти помнить все, что нужно, и сразу забывать ненужное изучила, и это явление вошло в мировую психологическую литературу под названием «синдром Зейгарник». (Ее мой директор выставил из института, кажется, еще до меня.) Так вот, создается такое мнение, альтернатива: то ли Вы помните все, что Вам понадобится, то ли Вы вспоминаете все, что нужно. Но «синдром Зейгарник» у Вас определенно отсутствует.

К главе «Даю уроки лепки и рисования»

О последней главе ничего писать не буду. Это — обвинительный акт, но вовсе не против Вашей завлюбом, а против того социального отбора, который создал нашу НОМЕНКЛАТУРУ.

В заключение. В том, что Вашу книгу надо большим тиражом опубликовать, может быть, даже Роман-газетой, у меня сомнения нет. Причем, прежде всего для родителей, чтобы научить их бережнее обращаться с гнусными душонками их паршивых детишек, причем с самого начала. Когда какой-то царь пригласил одного знаменитого философа в воспитание своему сыну, знаменитость спросила: сколько ему лет? «Три года». Вы опоздали на три года. Конечно, такая книга — опасная взрывчатка под дело воспитания, под всю педагогику (что она эту взрывчатку, мину незамедленного действия заслужила,

у меня тоже сомнения нет). Но книга обосновывает опасную ходячую версию: «нет ленивых детей, есть плохие преподаватели». И тут-то причина начинает меняться со следствием, сама становясь следствием и превращая следствие в причину. Вообще-то я пришел к выводу, и давно, что всякое следствие имеет много причин и является причиной многих следствий. Удалить хоть одну из множества причин, изменится и следствие. И индивидуальное развитие и ход истории гораздо более индетерминированы, чем это когда-либо признают глубокоуважаемые господа из Института философии (Брррр...) Что при всем при том при этом, Ваша книга необходима, как воздух, можете не сомневаться. Это не маниловщина, а предмет первой необходимости. 0.03. Иду спать. Заключение уже написано.

Послесловие

Когда-то у меня занималась девочка, которая слепила кузнечика. В книжке она названа Нюрой. На самом деле ее звали Катей, и у нее было не очень везучее детство.

Прошло много лет, и я узнаю, что она стала детским психологом. Мало того, в своей статье, призывающей окружать теплом детдомовских детей, она написала следующее: «Думаю, у каждого в жизни были значимые взрослые. ... Мои родители разошлись, мир рухнул, но я была в нем не одна. Конечно, не только Елена Григорьевна мне помогала, но самое огромное влияние было ее. Может быть, как раз потому, что она не стремилась делать это напрямую. Мы просто лепили, рассказывали разные истории. Я до сих пор помню, как она меня похвалила за удачную фигурку слона, потому что у него были мощные надбровные дуги. Это был мудрый слон и очень настоящий. Ее сочувствие, ее тепло, ее внимательное присутствие в моей жизни тогда меня спасли. А когда вчера кто-то протянул руку помощи тебе, трудно не протянуть сегодня свою руку к одинокой ладошке. Так и возникает “цепная реакция добра”».

Про кузнечика она не помнит, помнит про слона. А я не помню про слона. Но разве в этом дело? Главное, мы помним друг друга!

Мы встретились. Я ее узнала сразу — дети так мало меняются! Где-то через полгода я получила от Кати письмо.

«Здравствуйте, Елена Григорьевна!

Мне понадобилось полгода, чтобы решиться написать это приветствие. Все это время я о вас думала. Даже когда совсем не думала, а занималась повседневными делами. Первые два-три месяца я была настолько полна нашей встречей двадцать лет спустя, что совершенно не могла взяться за перо.

Хотите, расскажу, как я к вам пришла через эти двадцать лет?

После закрытия химкинской школы искусств, мне удалось походить к вам в студию на Соколе. И все. Мне было восемь лет. 1985 год. Вскоре вы уехали из страны. Потом я впервые услышала о вас уже лет в восемнадцать-девятнадцать от Татьяны Викторовны Бабушкиной или ТиВи, как ее называют все ученики и друзья. ...Я заикнулась в разговоре с ней, что вот и у меня была любимая, замечательная учительница. «Как? Та самая Макарова!» — воскликнула ТиВи. Так я узнала, что вы знаменитость, и мне, оказывается, на самом деле очень повезло быть вашей ученицей.

После беседы с ТиВи прошло еще лет девять. Прекрасным днем мой муж принес с почты бандероль, в которой лежала замечательная книжка Ларисы Миллер, составленная из ее эссе и критических статей на фильмы, стихи, книги. Я читала ее запоем и вот где-то в середине споткнулась о рецензию на вашу книгу. Меня как ударило! Ведь если Лариса написала о вашей книге, наверняка, она знает вас лично. Я полезла в Интернет и перечитала все, что смогла о вас найти.

Я нашла какие-то главы о Фридл, вспоминала наши уроки. Пыталась в книжных искать ваши книги об искусствоведении и художественные. Я и не знала ведь раньше, что вы пишете!

Потом старшая дочь моего мужа познакомила меня со своим новым приятелем. Общение наше вышло странное, ничего толкового он мне не сказал, прочел свой стих по-узбекски (красиво), пытался говорить со мной о литературе, в общем, я чувствовала досаду, скуку и раздражение — зачем пошла? Уже одеваясь, я задержалась на несколько минут в коридоре у полок с книгами. Мой взгляд упал на неприметный корешок с полустертыми буквами «Елена Макарова».

Это была ваша проза восьмидесятого года издания. Я читала и узнавала вас в героинях. Плакала над вашим (и, конечно, своим) детством. Я никогда не жила в интернате, не лежала подолгу в больнице, но страдание и одиночество девочки с коробкой пластилина мне очень ясны — это то, что я пережила во время развода родителей. К счастью, у меня вместе с пластилином в тот период были еще и вы.

Чем старше я становлюсь, тем четче вижу, нет в мире ничего случайного. Как бы только иметь глаза, чтобы разглядеть, и уши, чтобы расслышать? Пусть через два десятилетия ваш голос звучит во мне очень сильно. Я изо всех сил стараюсь понять, куда зовет меня судьба, и что за подсказка таится в вашем слове.

Катя, девочка слепившая кузнечика».

Где были мои глаза, когда я первый раз читала это письмо? Скорее всего, я не обратила внимание на пассаж про ТиВи, потому что в то время мне это имя ничего не говорило.

И все мы с ней встретились. К огромному моему сожалению, это произошло незадолго до ее гибели. Встречу организовала моя взрослая ученица, Юлия Ремпель, которая, прочитав в свое время «В начале было детство», ушла из программистов и стала потрясающим педагогом. В свое время она занималась у ТиВи в Ростове. Т.е., по сути дела, две мои ученицы, не зная друг друга, свели меня с ТиВи.

ТиВи была дарительницей. Она все раздаривала. Но не бездумно. Она дарила то, что нужно другому. То, что доставит ему радость. То, что его утешит. То, что его обогатит. Каждому — свое.

Мне она подарила мешок яблок, увесистую книгу (не свою), шарфик с попугаями и тоненькую книжечку, свою. Все это она везла из Подольска на станцию Маяковскую. Притом что у нее был инфаркт.

Зачем же вы носите такую тяжесть?

А мне приятно, — ответила она и расплылась в улыбке. — Приятно дарить. Это такое счастье.

В тот момент слово «счастье» вдруг материализовалось. И это было ни что иное, как Татьяна Бабушкина. Счастье с именем и фамилией. Голубые кошачьи глаза под завитками черных ресниц, мягкая улыбка...

Наше первое свидание происходило в метро и автобусах. Она рассказывала мне, что хочет издать книгу с лицами детей, блокад-

ных, концлагерных. Я подумала –зачем ей браться за такой труд? Он ее поглотит. Памятуя реакцию друзей и знакомых на мои исследования детских рисунков из концлагеря, я прикусила язык и стала расспрашивать Татьяну, как она видит такую книгу – много-много фотографий, как марки, или по одной на страницу, и текст. Не помню, как мы перешли на другие темы, но беседа становилась все интересней, и радость от того, что мы вместе, стала переполнять меня. В автобусе мы уже ехали как родные сестры.

Последний транспортный виток пришелся на станцию «Химки». Мы стояли в заплеванном тамбуре и улыбались друг другу. Три минуты. Ровно столько, сколько требуется электричке доехать от «Химок» до «Левобережной».

На следующей неделе я шла по обсыпанной осенними листьями дорожке к станции «Мичуринец» – встречать Таню. Чудесный был день, теплый, листья падали, ТиВи опять несла тяжелый полиэтиленовый мешок, но на этот раз согласилась отдать мне свою сумку. В эти несколько часов мы говорили о пространстве и времени. Развивали тему, обозначенную в ее книжке, которую я прочла в тот же день. Уезжала она от меня с тяжелой сумкой. Теперь уже с моими книгами про Терезин, которые я поклялась прислать в Ростов, но она хотела иметь их при себе. Помню, когда подошла электричка, я почему-то сделала ласточку. Она рассмеялась. Потом, по телефону, она сказала, что ласточка врезалась ей в память. А у меня в памяти осталось ее смеющееся лицо.

В книге «Что хранится в карманах детства», изданной после ее смерти, есть такие слова: «Думаю, что творчество дарящего чем-то схоже с творчеством поэта. Ибо поэт держит слово на пульсе мира, а дарящий заменяет слово поэтическим предметом, приносимым в дар, и держит это даримое действие на пульсе неповторимого ритма жизни дорогого ему человека».

Учитель – человек щедрый по определению. Он делится своими «поэтическими предметами» со всеми, кто их пожелает. Мне в жизни очень повезло – у меня много замечательных учеников, и я готова делиться с ними всем, что у меня есть.

Литературно-художественное издание

Серия «Самокат для родителей»

Трилогия «Как вылепить отфыркивание»

Макарова Елена Григорьевна

том 2

В начале было детство

Оформление Дениса Драгилёва

Выпускающий редактор Анна Хегай

Корректор Надежда Власенко

Директор издательства Ирина Балахонова

Арт-директор Татьяна Кормер

Регистрационное свидетельство

№ 002.72.021 от 21.12.2001

ООО «Издательский дом «Самокат»

101000 Москва, а/я 487

Тел. +7 495 506 17 38

info@samokatbook.ru

www.samokatbook.ru

Подписано в печать 12.10.2011

Формат издания 60х90/16

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13. Тираж 5000 экз.

Заказ №

В серии «Самокат для родителей»
выходит знаменитая трилогия
лауреата медали Дома Януша Корчака в Иерусалиме
«За вклад в дело защиты детства»
Елены Макаровой «Как вылепить отфыркивание»

Занятия искусством не призваны сделать всех художниками. Их задача — пробудить фантазию, усилить способности к наблюдению и оценке действительности.

«Освободите слона» первый том трилогии Елены Макаровой «Как вылепить отфыркивание». Автор — известный писатель, педагог, историк — рассказывает, как научить детей выражать себя через работу с пластилином и глиной. Ее книги помогают родителям и педагогам увидеть в детских творениях не произведения искусства, а процесс познания мира. Именно через творчество ребенок обретает себя в мире и мир в себе.

Елена Макарова более двадцати лет организует по всему миру выставки, семинары и конференции, посвященные уникальной арт-терапевтической методике Фридл Дикер-Брандейс.

«И когда уже невозможно найти смысл в этой жизни, остается одно — любовь». Фридл Дикер-Брандейс, австрийская художница еврейского происхождения, до последнего дня учила детей выражать свои чувства через искусство, отказалась покидать Австрию, преподавала в Терезинском гетто в Чехии и погибла в Освенциме в 1944 году.

В серии
«Самокаты для родителей»
читайте:

«Как роман»
Даниэль Пеннак

«Грамматика фантазии»
Джанни Родари

«Ваш непонятный ребёнок»
Екатерина Мурашова

Скоро в серии
«Самокаты для родителей»:

«Лечить или любить?»
Екатерина Мурашова

«Бамс! Пособие для начинающих сказочников»
Анатолий Цирульников

«Тесты для родителей»
Екатерина Мурашова

Мы обсуждаем наши книги
в блоге для родителей:
samokat_parents.livejournal.com